

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

№ 68

**Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.)**

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» И54242

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Томск
2018

Учредитель – Томский государственный университет

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

«Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал индексируется eLIBRARY.RU

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Залевский Г.В. – главный редактор (Томский государственный университет, Томск). E-mail: Usya9@sibmail.com

Лукьянов О.В. – заместитель главного редактора (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyapov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Левницкая Т.Е.** (Томский государственный университет, Томск); **Мещерякова Э.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Муравьева О.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (НИИ психического здоровья, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмитс, Университет Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета

Редактор Е.Г. Шумская; редакторы-переводчики: А.А. Стайпек, Е.О. Алексеевская, В.Н. Горенинцев; оригинал-макет Е.Г. Шумской; дизайн обложки: Л.Д. Кривцова.

Подписано в печать 14.06.2018 г. Формат 70x108¹/₁₆. Усл.-печ. л. 15,12. Тираж 50 экз. Заказ № 3236. Цена свободная.

Дата выхода в свет 15.06.2018 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

Founder – Tomsk State University

The scientific journal “Siberian journal of psychology” publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the “Siberian journal of psychology” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–6 months

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenina St., Tomsk, 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-chief – Genrikh V. Zalevsky, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Science, honored scientist of Russian Federation, member of the World Federation of Mental Health. E-mail: Usya9@sibmail.com

Deputy Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Doctor of Psychology (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Bogomaz S.A. (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Bokhan T.G.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Galazhinsky E.V.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Kabrin V.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Karnyshev A.D.** (Irkutsk State University, Irkutsk Russian Federation); **Kozlova N.V.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Krasnorjadtseva O.M.** (Tomsk, Russia); **Levitskaia T.E.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Meshcheriakova E.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Muravyova O.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Seryi A.V.** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD [Russian Alphabet vise]

Asmolov A.G. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Bokhan N.A.** (Mental Health Research Institute, Tomsk, Russian Federation); **Vasserman L.I.** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russian Federation); **Garber I.E.** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russian Federation); **Zinchenko Iu.P.** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); **Znakov V.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation); **Kovas Yu.** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **Laghi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lombardo C.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lucidi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Malykh S.B.** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation); **Takooshian H.** (Fordham University, New York, USA); **Tkhostov A.Sh.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Ushakov D.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

PUBLISHER:

Tomsk State University Publishing House (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation)

Editor E.G. Shumskaya; editor-translators: A.A. Stipek, E.O. Alekseevskaya; V. Gorenintseva; camera-ready copy E.G. Shumskaya; cover design L.D. Krivtsova.

Passed for printing 14.06.2018. Format 70x108¹/₁₆. Conventional printed sheets 15,12. Circulation – 50 copies. Order N 3236.

634050, 36 Lenina St., Tomsk, Russian Federation. Tel. +7(382-2)–52-98-49. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Сизикова Т.Э. Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии.....	6
Бредун Е.В., Краснорядцева О.М., Щеглова Э.А. Типологические особенности субъективного восприятия времени в контексте хронопической жизни человека.....	32
Егоров Д.М. Избирательность восприятия лживых сообщений в зависимости от половой принадлежности.....	46
Неклюдова С.В., Кабрин В.И. Феноменологическое исследование формирования нового типа мобильного образа жизни личности в транскультуральной коммуникации.....	62

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Брель Е.Ю. Возможности изучения факторной структуры алекситимического пространства.....	82
Волкова О.В. Принцип эмерджентности как основание разработки принципиально нового подхода к изучению генеза выученной беспомощности.....	93

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Балева М.В. Влияние произвольной групповой самоидентификации на социальную перцепцию групп разного типа.....	109
Титова О.И. Толерантность к неопределенности как фактор отношения к деловому взаимодействию в контексте развития общекультурных компетенций студентов вуза.....	131
Ле Тхи Минь Лоан, Фам Минь Шон Влияние мотивов на трудовую активность работников на предприятиях.....	143

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, АКМЕОЛОГИЯ

Хусаннова Р.М. Проявление феномена прокрастинации у учителей в зависимости от качества жизни.....	162
--	-----

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

Sizikova T.E. Meta-model of reflection within the framework of meta-ontology.....	6
Bredun E.V., Krasnoryadtseva O.M., Shcheglova E.A. Typological features of subjective time perception in the context of chronotopical human life.....	32
Egorov D.M. Selective perception of deceptive messages in dependence to the gender.....	46
Nekludova S.V., Kabrin V.I. Phenomenological research of mobile personality lifestyle formation in transcultural communication.....	62

CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF HEALTH

Brel E.I.Y. Possibilities of studying the factor structure of alexithymic space.....	82
Volkova O.V. The emergence principle as a basis of developing an essentially new approach in studying the genesis of the learned helplessness.....	93

SOCIAL PSYCHOLOGY

Baleva M.V. The effects of ingroup self-identity on the social perception of different groups.....	109
Titova O.I. Tolerance to uncertainty as a factor of the relation to business interaction in the context of students' common cultural competences development.....	131
Le Thi Minh Loan, Pham Minh Son The effect of motives on the employees' proactive attitude at work.....	143

PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT, ACMEOLOGY

Khusainova R.M. Manifestation of teachers' procrastination phenomenon depending on the life quality.....	162
---	-----

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

DOI: 10.17223/17267080/66/1

Т.Э. Сизикова

Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии

Дается обоснование мета-онтологии рефлексии, являющейся единством сознания, мышления, деятельности, личности. Обозначается в рамках данной рабочей онтологии модальный подход исследования рефлексии, рассматривающий рефлексии в модальностях реального, возможного, необходимого и соответствующих им отрицательных категорий, а также производных от этих базовых модальностей в модальностях темпоральности, многомерности, осознаваемого, достаточного, трансгридентности и их противоположностей. В рамках модального подхода осуществлено моделирование рефлексии. Мета-модель рефлексии – это единство пяти моделей рефлексии, образно представленная в виде куба, в центре которого тетраэдр. Четыре модели рефлексии охватывают ее потенциальное состояние: онтологическая и гносеологическая модели, в которых рефлексия рассматривается в зависимости от предметных областей; статическая и динамическая модели представляют рефлексии в «чистом» виде, вне зависимости от предметностей. Пятая модель схватывает актуальное состояние рефлексии – «фокус рефлексии» как точку пересечения 12 граней куба. Данная мета-модель имеет прикладное значение. На ее основе разработано рефлексивное психологическое консультирование.

Ключевые слова: рефлексия; онтология; мета-онтология рефлексии; модальности рефлексии; мета-модель рефлексии; процесс рефлексии, механизмы рефлексии; рефлексивное психологическое консультирование.

Постановка проблемы

Постнеклассический период в развитии науки поставил новые задачи перед исследователями в изучении известных с классических времен идеальных феноменов и реальных фактов. Классическое представление о рефлексии опирается на философскую онтологию, отводящую отражающую роль рефлексии. В неклассический период, в первой половине XX в., в понимании рефлексии произошел прорыв. Психология включила рефлексии в качестве составляющей активности субъекта в деятельности, и отражающая сущность рефлексии наполнилась новым содержанием как придание смысла и значения действиям практическим и мыслительным, как механизм преобразования и творческой активности человека. Рефлексия

изучалась с онтологии частных наук, к которым относится психология, в категориях деятельности, мышления, сознания, личности. Постнеклассическая ситуация, акцентировав внимание на синергичном эффекте, многомерности объектов, самоорганизации сложных систем, целостности, задает особое место рефлексии и ее новой роли в теориях развития, познания и организации, субъекте индивидуальном и коллективном. «Постнеклассическая парадигма находит применение в подходах культурной психологии и, по всей видимости, более четко даст о себе знать в ближайшем будущем», – писал А.Г. Асмолов, анализируя развитие психологической науки [1]. Назрела необходимость пересмотра соответствия имеющихся знаний о рефлексии современным требованиям и построения нового представления о ней.

Цель работы – определить онтологию рефлексии и представить новую модель рефлексии, отвечающую требованиям современной науки: рассмотрение феномена с позиций самоорганизации систем, многомерности, развития и саморазвития.

Методология моделирования рефлексии опирается на общенаучные принципы системности, развития, восхождения от конкретного к абстрактному и наоборот, единства исторического и логического, претерпевшие в постнеклассический период некоторые изменения.

Принцип системности подразумевает не только построение связей между элементами и структурирование их на основе системообразующего признака, но и включение представления о целостности, утверждающего, что каждая система целостна; тем самым система трансформируется в сеть вероятностных и относительных конструкций, синхронизирующихся между собой с помощью определенных ориентиров. Это позволяет в моделировании рефлексии выделить то, что является такими ориентирами в ней самой – фокус рефлексии и саму рефлексию в качестве ориентира для субъекта и его субъектности, внести в модель ситуативность и аксиологические основания.

Принцип развития уже сам по себе придал новый статус рефлексии как способу осуществления развития, в отличие от неклассического представления о ней как о процессе или о механизме.

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному и наоборот в постнеклассической парадигме позволяет моделировать синтез различных теорий, рассматривающих явление, феномен с разных сторон, что создает возможности для междисциплинарных исследований, в конкретном знании собирается «единство многообразного», о котором писал И. Кант [2. С. 680]. Мы этот принцип применили для собирания единства внутри одной отрасли науки к разным теориям в ней.

Принцип единства исторического и логического не претерпел изменений и позволяет нам рассмотреть рефлексю в историческом времени ее исследования наукой, а логическая реконструкция этой истории помогает понять особенности рефлексии в настоящее время и выйти на уровень метамоделирования как собирания с помощью определенных процедур разных моделей воедино.

М.С. Гусельникова и А.Г. Асмолов представили научному сообществу основополагающее для исследований в психологии направление. Они пишут: «Переход к постнеклассической рациональности в психологии обусловлен тенденциями к интеграции психологического знания – пониманием его сетевой природы, стремлением к взаимосогласованности психологических теорий. В постнеклассической парадигме осуществляется переход от позитивизма к герменевтике и культурной аналитике, от системного анализа к сетевому, от экспериментального вмешательства в реальность к моделированию реальности. Постнеклассическая парадигма в психологии проявляется также в методологической динамике перехода от систем – к судьбам, от систем – к сетям, от предметов – к проблемам, от однозначных текстов – к множественности интерпретаций и игре стилями. Постнеклассическая психология – это такое состояние знания, когда различные научные теории (понимаемые как модели, описывающие отдельные аспекты психической реальности) образуют взаимосогласованную сеть» [1].

Обсуждение результатов

В рамках данного направления нами была определена рабочая онтология рефлексии, обозначенная как мета-онтология, являющаяся единством сознания, мышления, деятельности, личности. На основе данной онтологии выделены модальности рефлексии и осуществлен краткий модальный анализ. Рефлексию необходимо исследовать с позиции модальности, а модальности рассматривать как суть рефлексии. К таким модальностям относятся модальность реальности, модальность возможного, модальность необходимого и соответствующие им отрицательные категории, а также модальности, производные от этих базовых модальностей: темпоральность, многомерность, осознаваемое–неосознаваемое, достаточное–недостаточное, трансгридентность. В рамках модального подхода разработана мета-модель рефлексии. Единство разных психологических теорий мы обозначили как мета-онтологию на основании того, что каждая теория разрабатывается в рамках своей рабочей онтологии: онтология деятельности определяет место рефлексии в единице деятельности – действии; онтология сознания отводит рефлексии роль творения образа, наделения его смыслом и значением; в онтологии мышления рефлексия является основой творческого мышледействия; в онтологии личности она есть процесс саморазвития личности, в то время как мета-модель рефлексии построена на основе методологического принципа единства сознания, мышления, деятельности, личности. Она представляет собой объединение по правилам построения многомерного пространства четырех моделей, описывающих ее потенциальное состояние: онтологической и гносеологической, раскрывающих бытие рефлексии в разных предметных областях; статической и динамической, описывающих внутреннее бытие рефлексии, ее суть вне предметных областей, а также пятой модели – модели «фокуса рефлексии», фиксирующей актуальное состояние рефлексии. Мета-модель – это единство

пяти моделей рефлексии. В рамках мета-онтологии выделены единицы рефлексии и определена ее двойственная сущность как механизма и процесса.

В результате данного методологического подхода исследования рефлексии (обозначение мета-онтологии, выделение модальностей и моделирование мета-модели) мы вышли на определение рефлексии как способа ориентирования и совершения выбора из множества возможностей, необходимого и достаточного для самоорганизации жизнедеятельности органических систем.

Такое представление о рефлексии позволило найти ее место во всеобъемлющей онтологии. Последней в векторе исторического времени и наиболее полной является критическая онтология Н Гартмана. Несмотря на антипсихологические убеждения Н. Гартмана, отраженные в его работах, мы обратились к данной онтологии и определили место рефлексии в ней. По нашему мнению, рефлексия является высшей ступенью в душевном слое реальности и первой ступенью в исторически-духовном слое (Н. Гартман). Такое положение рефлексии позволяет внести представление о ней как о «прослойке» между слоями. Все виды рефлексии, кроме методологической – научно-философской, относятся к ступени душевного слоя, последняя соответствует исторически-духовному слою и опирается на объективно существующие нормы и нормы, изменяющиеся со сменой парадигм, являясь причиной и следствием парадигмальных сдвигов и выделения Абсолюта (понятие античной философии). Психологическая сущность рефлексии рассматривается нами только в рамках душевного слоя. Понимая под рефлексией способ ориентирования и совершения выбора, мы выходим на произвольность психической регуляции, мотивационно-волевое регулирование, в отличие от рефлекса, основанного на произвольной регуляции. Рефлексия в механизм, обозначенный нами как «рефлексия–мотив–воля» вносит ориентировочную составляющую, способность «разворачивать» сознаваемую реальность и «сворачивать» до дихотомии, приводя к осуществлению выбора. Выбор предстает как процесс и результат рефлексии. На основании этого была выделена элементарная единица рефлексии, состоящая из двух ортогональных плоскостей: разрыв–ресурс; отождествление–разотождествление.

Теоретические положения Исследованием рефлексии занимаются философия с древнейших времен, психология со времен В. Вунда, педагогика с прошлого века. Рефлексия исследуется в теориях мышления, деятельности, личности, сознания, управления. В настоящее время завершилось оформление научных школ изучения рефлексии: психология рефлексии (Л.Н. Алексеева, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, А.В. Карпов и др.), педагогика рефлексии (Ю.В. Ковалева, Т.Г. Яковчук, А.А. Бизяева, С.С. Кашлев и др.), методология рефлексии интеллектуальных систем (И.С. Ладенко, В.И. Разумов, А.Г. Теслинов и др.) и школа мыследеятельностного (СМД) подхода (Г.П. Щедровицкий, Ю.М. Громыко, Д.В. Реут и др.) [3].

На основе высокой степени изученности рефлексии в мышлении, сознании и деятельности нами было проведено обобщение научных исследо-

ваний, системный и структурно-функциональный анализ исследований рефлексии [3].

В рефлексии как объекте психология, как и квантовая механика в электроне, столкнулась с двойственной сущностью. Не только мельчайшие единицы материального мира обладают двойственными свойствами – волны и частицы, но, видимо, и базовые единицы нематериального, психического мира, обладают двойственными свойствами – процесса и механизма. Данное предположение легло в основание нашего исследования рефлексии. Оно же является причиной столь разных научных представлений и пониманий рефлексии в науке в неклассической парадигме [4].

Для постнеклассической парадигмы А.В. Карпов предложил единую основу для исследования рефлексии: «В силу “всепроникаемости” рефлексии, а также ее “распределенности” по психике в целом, для дифференциации ее базовых модусов целесообразно использовать аналогичный по “рангу” обобщенности и в то же время вполне устоявшийся, понятный критерий – классическую триаду, включающую психические процессы, свойства и состояния. Пора четко осознать, что рефлексия является такой синтетической психической реальностью, которая может выступать (и реально выступает) и как психический процесс, и как психическое свойство, и как психическое состояние одновременно, но не сводится ни к одному из них. Более того, суть и специфика рефлексии (как понятия и психической реальности) заключается в том, что она не только “может быть представлена” в качестве процесса, свойства и состояния, но что именно синтез указанных модусов и составляет ее качественную определенность» [5. С. 47].

А.С. Шаров о необходимости определения подхода к исследованию рефлексии писал, «что подлинное понимание существа рефлексии лежит в ее онтологии как том универсальном основании, на базе которого только и возможно целостное понимание и развитие рефлексии» [6. С. 72]. Для рефлексии А.С. Шаров предлагает применить регулятивный подход, обозначенный И.М. Сеченовым, С.Л. Рубинштейном, в рамках которого «психология выходит не только на онтологические горизонты осмысления своих категорий, но обеспечивает возможность целостного и системного изучения психики и человека. В русле регулятивного подхода рефлексия изначально присуща психике как ее базовый атрибут (Г.А. Голицын, В.А. Лефевр, В.П. Зинченко), конечно, с учетом этапов ее развития в “фило” и онтогенезе» [6. С. 74]. А.С. Шаров понимает рефлексию как основополагающий психический механизм самоорганизации человека, выходит на категорию «граница» и рассматривает ее, связывая такой с ролью рефлексии, как «определение и протраивание границ психики, собирание и связывание их в некоторые психические целостности, а также организация психических деятельностей при движении к основаниям собственной активности... Содержание рефлексивного механизма заключается в самоорганизации интенциональной психической активности на разных уровнях психики (бессознательный и сознательный уровни) для достижения в процессе взаимодействия человека с миром определенного единства, т.е. синергизма» [6. С. 74].

Мы совершили попытку привести разрозненные представления о рефлексии к единому основанию – онтологии, на этом основании определить подход для исследования рефлексии и разработать обобщенную, схватывающую двойную сущность рефлексии модель.

Онтология рефлексии. Методологический подход к конструированию единого основания для многообразия известен с античных времен и по сей день играет роль регулятора в поисках интеграции. Единство так или иначе уже существует в различных формах достигнутого знания. Один метод конструирования представили ионийские натурфилософы – метод выведения многообразия из единой первоосновы, другой ввел Эмпедокл, предложив многоэлементную основу всего существующего. Сущее, по Эмпедоклу, стояло из земли, воды, воздуха и огня, соединявшихся при помощи особых сил, которые он называл враждой и дружбой, любовью и ненавистью и т.д. Данными методами конструирования «единства разрозненного» пользуются в науке на протяжении всей ее истории. Выделение единства позволяет определить сущность, бытие, существование многомерных объектов. Областью существования данного единства является онтология как отражающая или создающая бытие объекта. В настоящее время существует два подхода к понятию онтология, один философский (Н. Гартман) [7], второй – технико-технологический (Н. Ной, Д. МакГиннесс, Т. Гаврилова, И.Б. Ардашкин, Д.В. Кудрявцев и др.) [8, 9].

Мы применили критическую онтологию Н. Гартмана [7] для исследования рефлексии, определив в ней место рефлексии. С.В. Чебанов в своем докладе, посвященном слоистой онтологии Николая Гартмана и ее отношению к предельным вопросам, указал, что Н. Гартман является последним в европейской традиции создателем «философской системы, причем системы онтологии, что вообще является редкостью для XX в., озабоченной аксиологией, этикой, эпистемологией. Поэтому новая онтология Гартмана привлекает особое внимание» [10]. Онтология реальности, по Н. Гартману, состоит из четырех слоев: «Строение реального мира имеет форму наслоения. Каждый слой является целым порядком сущего. Главных слоев четыре: физически-материальный, органический-живой, душевный, исторически-духовный. Каждый из этих слоев имеет свои собственные законы и принципы. Более высокий слой бытия целиком строится на более низком, но определяется им лишь частично... Строение мира из слоев определяется отношением категорий (принципов и законов) надстраивающихся друг над другом слоев» [7. С. 322–323]. Н. Гартман проводит различие между «слоистостью» (Schichtung) и «ступенчатостью» (Stufung) реального мира. Каждый из слоев является «лестницей ступеней». Различие между слоями и ступенями усматривается в том, что между слоями имеются четкие границы, а между ступенями – только «скользящие переходы» (границы «расплываются») [Там же]. Именно «скользящие переходы» породили такое большое количество разных представлений о рефлексии, которое мы наблюдаем в настоящее время.

Онтологический подход Н. Гартмана и накопленное знание о рефлексии позволяют определить рабочую онтологию рефлексии и статус

рефлексии во всеобъемлющей онтологии. Мы считаем, что рефлексия является высшей ступенью душевного слоя, в которую проникают исторически-духовный слой и другие ступени душевного слоя – сознание, деятельность, мышление, личность. Следовательно, рабочей онтологией рефлексии является онтология единства сознания, мышления, деятельности, личности, которую мы обозначили как мета-онтология.

В нашей концепции онтологии рефлексии мышление, деятельность, сознание, личность являются рядоположенными категориями, между которыми существуют линейные и нелинейные связи, каковыми являются различного рода аксиологические ориентиры совершения выбора субъектом. Каждая из перечисленных категорий имеет свою рабочую онтологию. Так, в деятельности онтологической единицей является действие; в мышлении – мысль, суждение; в сознании – образ, смысл; в личности – отношение. Для моделирования мы выбрали рабочее название «мета-онтология», означающее единство этих четырех онтологий. Термин «единство» допустим к современному научному знанию, его значение было сформулировано А.С. Манасяном как «общность, тождественность; непрерывность, неразрывность, соизмеримость; системность, взаимообусловленность, взаимополагаемость» [11. С. 53]. Единство не означает суммы этих четырех онтологий, оно означает наличие нового, в чем проявляется их целостность. Именно для более глубокого по сравнению с имеющимся в науке атрибутивным пониманием рефлексии и для ее последующего ее моделирования нам необходима онтология единства – мета-онтология, которая, в свою очередь, наиболее адекватно смогла бы выделить сущность сложного феномена.

Опираясь на постулаты постнеклассического периода развития науки, выделенные М.С. Гусельцевой [1], такие как синхронизация, многомерность, аксиологичность, приоритет развития, нелинейность, контекстность языка, мы можем обозначить, что главным является ориентирование субъекта индивидуального и коллективного в сети построения любого знания, особенно личностного (М. Полони), в междисциплинарности самообучения и обучения, в применении многомерности и, как следствие, синхронистичности в организации познания и жизнедеятельности любой организованности, в акцентировании внимания не на существующем, а на возникающем ситуативно в данный момент и на предвосхищении. Рефлексия получила свой новый статус способа ориентирования в окружающем многомерном с линейными и нелинейными связями в пространстве субъекта, каковым является любая самоорганизующаяся организованность. Следовательно, выделенную нами мета-онтологию рефлексии условно можно назвать ориентировочной онтологией, что не противоречит регулятивной онтологии А.С. Шарова [6] и имеет с ней много согласующихся, совпадающих положений. Кардинальное различие этих онтологий в том, что А.С. Шаров концептуальные основания подхода берет в психофизиологических истоках психики, мы же осуществляем попытку выделить суть рефлексии как высшей ступени душевного слоя реальности, и значит, должны применить тот подход, который позволяет целостно ее рассмотреть – модальный подход.

Рефлексия по своему бытию ориентировочна, и для исполнения своей регуляторной функции, на которую опирается А.С. Шаров, ей необходимо «слиться» с мотивом и волей – три процесса должны синхронизироваться и в определенной «точке» соединиться (модальность темпоральности рефлексии). Рефлексия содержит в себе все необходимые средства, механизмы, процедуры, процессы и основания для ориентирования субъекта и совершения им выбора, но выбор осуществляется в процессе работы механизма «рефлексия–мотив–воля», и как результат мы имеем «свершившийся выбор» – принятие решения. Рефлексия ориентирует человека в пространстве (идеальном) и времени в рамках своих аксеологических детерминант, ею же порожденных (убеждений, ценностей); в ходе этого процесса зарождаются мотивы, и при «встрече» определенного содержания рефлексии и определенного мотива активизируется в той или иной, необходимой для принятия решения, степени воля, порой преодолевающая психологические сопротивления личности надвигающейся подлинности осознания и мотивации.

Данные акты наиболее ярко прослеживаются в ходе психологического консультирования. Работа механизма «рефлексия–мотив–воля» является регулированием, а рефлексия как процесс и механизм – ориентированием. Ориентирование обладает большими степенями свободы по сравнению с регулированием. Регулирование сворачивает данные реальностью степени свободы до единицы, доводя до автоматизма и стереотипизации. Ориентирование схватывает данные реальностью возможности в их множественности, сворачивает до дихотомии и вновь разворачивает на другом уровне, привлекая новые данные реальности, приводя весь этот процесс к произвольному выбору. Расширение осуществляется за счет таких свойств рефлексии, как многомерность, трансграницентность (рефлексия рефлексии), полифункциональность и ориентировочность внутри себя, что мы назвали фокусом рефлексии. Мотив и воля ограничивают рефлексия, и при снижении их конструктивного функционирования происходят изменения в рефлексии в виде «застывания, заикленности», что является нарушением трансграницентности и темпоральности.

Рефлексия является связующей ступенью двух основных слоев, выделенных Н. Гартманом для идеального, которое, в свою очередь, реально. Оба слоя проникают в рефлексия, и из нее один (душевный) получает результаты работы рефлексии в виде аутентичности, идентичности, саморегуляции, самодетерминации, активности, самоорганизации, а при проникновении в предметный слой (физически-материальный и органически-живой) – результаты деятельности в виде определенного продукта на основании зародившегося в рефлексии проекта. Исторически-духовный слой есть суть плодов рефлексии, объективированных и укоренившихся во времени. Таково взаимное влияние слоев, осуществляющееся в рефлексии.

Модальности рефлексии. Модальный подход открывает новые возможности в исследовании рефлексии, раскрытии ее сути наиболее приближенно к наблюдаемому и реализуемому в реальности ее бытия. Мо-

дальность (лат. *modus* – способ, вид) – способ, вид бытия или со-бытия; категории модальности – возможность, действительность, необходимость; модальный – обусловленный обстоятельствами; модальный анализ – исследование модальности [12]. Е. Егорова отмечает, что термин «модальность» означает меру, способ существования или протекания какого-либо объекта, явления, события и способ понимания и суждения об этом объекте, явлении, событии [13]. С.Г. Ляпшин пишет, что «модальность относится к разряду универсальных категорий, нашедших проявление в различных областях науки и, более того, лежащих в основе целых научных подходов», и далее, относительно психологии, что «многих психологов, таких, например, как Е.Е. Дергачева, Е.Р. Калитиевская, Д.А. Леонтьев... привлекает категория модальности для разработки более гибкой методологии исследования сложного автономного внутреннего мира личности» [14].

Рефлексия рассматривается нами в базовых модальностях, тех, что характерны для большинства объектов, явлений окружающего и внутреннего мира человека: модальность реального, действительного (по Н. Гартману), модальность возможного (глубоко рассмотренная в работах Д.А. Леонтьева как необходимая для понимания личности и рефлексии, рефлексивного сознания [15]), модальность необходимого и соответствующие им отрицательные категории. О модальном осмыслении мира Андре Конт-Спонвиль писал: «Я не могу осмысливать мир, не делая различия между возможностью реального и его невозможностью, но это не значит, что сам мир, в свою очередь, проводит такое различие» [16. С. 320]. Данный подход характерен для всех модальностей рефлексии. В модальности действительного содержание рефлексии реально, оно основа мотива и действия, но это не означает что это содержание не искажает реальность как реальность.

Вслед за этим в реальности рефлексии встает вопрос подлинности [17] при многовариативности осмысления одного события. Модальность необходимого работает в рефлексии определенным образом – из реальности рефлексия выхватывает только необходимый в текущий момент материал, детерминируемый ценностями, целями, эмоциональным состоянием, содержащий, в свою очередь, в себе необходимое и не необходимое, претерпевающий в последующие моменты времени разные изменения. Необходимое должно быть достаточным для совершения выбора, в противном случае недостаточное вновь порождает поиск необходимого из возможного, вытаскивая из неосознаваемого то, что синхронизируется в данный момент с реальностью.

Суть трансгридентности – в преодолении границ, когда синхронизация работы всех модальностей рефлексии недостаточна для свершения выбора. Следовательно, для рефлексии как высшей ступени между душевным и исторически-духовным слоями (по Н. Гартману) характерны модальности, производные от базовых модальностей: модальность многомерности, модальность осознаваемого–неосознаваемого, модальность достаточного–недостаточного, модальность темпоральности, обозначенная в работах О.В. Лукьянова [18], и модальность трансгридентности. В этих

модальностях раскрывается, описывается существование рефлексии в сознании, мышлении, деятельности, личности, а также ее суть как способа жизнедеятельности человека, включающего все ипостаси рефлексии – процесс, механизм, состояние, свойство.

В 2007 г. В.Е. Ключко писал: «Трудно было представить, что смыслы возникают сами, что здесь мы напрямую столкнулись с продуктами самоорганизации, которые порождались в деятельности, но не самой деятельностью непосредственно. Они не порождались личностью, хотя мы по инерции называли их личностными смыслами. Их невозможно было отделить от своего носителя – предмета, особым (сверхчувственным) качеством которого они являются. Наконец, они не порождались сознанием, поскольку оно само шло за ними, – в поле ясного сознания всегда попадало только то, что имело смысл. Эмоции «считывали» смыслы, но презентовал сознанию не сам смысл, а предмет, обладающий смыслом. В принципе, это и был выход к решению проблемы осознания: человек видит в мире то, что соответствует ему в данный момент, но так, как оно есть «в действительности», т.е. без него (эффект присутствия) [19. С. 19]. Именно модальный анализ в онтологии единства сознания, мышления, деятельности, личности позволяет в настоящее время более адекватно исследовать, описать, объяснить и тем самым представить одно из возможных решений проблемы осознания.

Мы не можем осмыслить мир без модальных категорий. И если мы рефлекслируем по поводу мира с помощью этих категорий, то сама рефлексия должна быть устроена так, чтобы материал, подлежащий рефлексированию, пропускаться через эти категории, как «сквозь сито». В этих категориях, следовательно, необходимо осуществлять моделирование рефлексии.

Мета-модель рефлексии. Опираясь на диалектическую логику и теорию моделирования, под которым «понимается изучение моделируемого объекта (оригинала), базирующееся на взаимно-однозначном соответствии определенной части свойств оригинала и замещающего его при исследовании объекта (модели) и включающее в себя построение модели, изучение ее и перенос полученных сведений на моделируемый объект – оригинал» [20. С. 8], мы разработали мета-модель рефлексии.

Опыт моделирования многомерного объекта существует в психологии с 1984 г., когда I.S. Song и J.A. Nattie разработали свою иерархически организованную многомерную модель Я-концепции [21]. Они ввели разного порядка категории, которые легли в основу разработки тестирования для проверки модели. Моделирование многомерного объекта данными авторами отличается от предлагаемого нами метода, в котором нет иерархизации.

Модели рефлексии Г.П. Щедровицкого [22, 23] и И.С. Ладенко [24] мы отнесли к моделям, разработанным в рамках объемлющей онтологии деятельности. Хотя создавались они не психологами, а философами-методологами, но как известно, методология – это наука о методе – определенной системе принципов и способов любых видов деятельности. К данной онтологии относятся психологические представления А.В. Брушлинского

[25] и Б.Д. Эльконина [26]. Модель И.Н. Семенова, С.Ю. Степанова [27, 28] мы отнесли к рабочим онтологиям мышления в психологии, модели В.П. Зинченко [29] и В.А. Лефевра [30], В.М. Розина [31] – к рабочей онтологии сознания. Место в онтологии, объединяющей в себе максимально возможное количество рабочих онтологий и объемлющих онтологий для многомерных объектов, в настоящей момент оказалось незанятым, и мы его заняли.

В моделировании рефлексии нами был применен декартов метод построения трехмерного пространства – плоскостей и «точки» их пересечения. Данный метод используется для построения сложного объекта соответственно поставленным целям. В применение метода для многомерного объекта были внесены новые процедуры – было построено два взаимно пересекающихся трехмерных пространства, представляющих собой единое целое, так как каждое из них соответствует одной из составляющих объекта, единство которых дает полноту представления об объекте, достаточную для выявления его сущности.

Мы разработали четыре модели рефлексии [32], отражающие ее потенциальное состояние, и пятую модель, отражающую актуальное состояние – фокус рефлексии. На единой основе выполнили их объединение для полного описания исследуемого объекта.

Онтологическая модель рефлексии. Онтология рефлексии, условно отвечающая на вопрос «что?», описывает средства, виды, процедуры и формы рефлексии в мышлении, деятельности, сознании. К средствам рефлексии относятся логические (соответствующие разным видам логик – формальной, диалектической, вероятностной, математической, экзистенциальной, символической и др.), эвристические (средства, отличные от логических, превращающие незнаемое в знаемое), семиотические (работающие со знаком, его смыслом и значением), эмоционально-волевые и социально- психологические средства. Виды рефлексии – экзистенциальная, методологическая, интеллектуальная, личностная, коммуникативная, фрагментарная, комплексная, системная, целостная. Формы рефлексии – репродуктивная, продуктивная, интроспективная; покомпонентная, группирующая, интегрирующая; корректирующая, избирательная, дополняющая; кооперативная, состязательная, противодействующая. Процедуры рефлексии – остановка, фиксация, индикация, субъективация, нормирование, обобщение, объективация, субъектность, методологизация.

Гносеологическая модель рефлексии. Гносеологическое пространство рефлексии, условно отвечающее на вопрос «как?», ограничивается описанием рефлексии как механизма и процесса мышления, сознания, деятельности. И.С. Ладенко определил, что механизм рефлексии представляет собой упорядоченную совокупность правил, достаточную для выявления нормы соответствия или несоответствия компонентов продуктивного действия [24]. Механизм рефлексии является механизмом кооперации. Кооперация разворачивается в позиционной организации деятельности, позиционного отношения к тексту по поводу деятельности, мышления, сознания, личности и выражается в выделении методологической позиции.

В данной позиции осуществляется понимание текста, который создается в других позициях.

Рефлексия как механизм сознания – это один из механизмов формирования образа, как процесс сознания – выделение, построение ассоциативных связей. Рефлексия как механизм деятельности – возникновение действия, как процесс деятельности – смена позиций. Рефлексия как механизм мышления – это основа для логических операций, как процесс мышления – выработка решения.

В качестве процесса рефлексия имеет свои процедуры, которые разворачиваются в конкретных ее видах, проявляющих себя в различных формах.

Как ответ на вопрос, каким образом происходит преодоление затруднения в рефлексии, была разработана процессуальная развертка рефлексии, которая представляет собой процесс рефлексирования и состоит из девяти стадий [3]:

– первая стадия, «остановка» – субъекты индивидуальный, коллективный останавливают естественное течение какого-либо процесса, строят представления (например, о происходящем событии, его фрагментах или границах ситуации, затруднениях, противоречиях, конфликтах и т.п.);

– вторая стадия, «фиксация» – понимание того, что это представление, образ, и при рассмотрении текущего момента (конфликта, затруднения, противоречия) с разных точек зрения все может меняться. Это фиксация случившейся остановки и самого остановленного процесса. В этот момент осуществляются раздвоение и поляризация процесса;

– третья стадия, «индикация» – выделение дифференцированного содержания сложившегося представления: значимого–незначимого, главного–второстепенного, ценного–не имеющего ценности и пр. «Выкладываемые» содержания относятся к прошлым и воображаемым в будущем ситуациям и указывают на лицо, их «выкладывающее». И.Н. Семенов и С.Ю. Степанов назвали это регрессией переживания [27];

– четвертая стадия, «субъективация» – обнаружение расширенных связей и отношений внутри содержания в представлении;

– пятая стадия, «нормирование» – определение в сложившейся ментальной картине представления закономерностей и тенденций, приводящих к выработке общих норм, правил, приемов действия;

– шестая стадия, «обобщение» – проведение критического анализа на предмет поиска недостающего в причинно-следственных связях и оформление «обобщенного» пространства с помощью определенных знаковых средств;

– седьмая стадия, «объективация» – заполнение недостающего в причинно-следственных связях, отчуждение полученного материала;

– восьмая стадия, стадия «субъектности» – появление целостного представления о рефлекслируемом материале, присвоение его и внесение в проектирование дальнейшей жизнедеятельности;

– девятая стадия, «методологизация» – анализ и присвоение осуществляемого способа рефлексирования (методологическая стадия).

Стадии рефлексии мы соотнесли с ее видами. К фрагментарной рефлексии мы отнесли первые три стадии. К комплексной рефлексии относятся четвертая и пятая стадии, к системной – шестая, седьмая, к целостной – восьмая и девятая. На последних стадиях рефлексия становится способом действия, мыследействия, активности сознания и развития личности. Слово «способ» имеет много синонимов: образ, средство, метод, путь, дорога и др. Оно не относится только к деятельности, как это установилось в теории деятельности. Рефлексия становится способом самоорганизации любого масштаба организованности, в частности субъекта. К самоорганизации в организованности относятся деятельность, жизнедеятельность, личность и сознание. Именно способ, по нашему мнению, есть то синтетическое единство «модусов» рефлексии как процесса, состояния и свойства, о которых писал А.В. Карпов [5], когда рефлексия существует одновременно во всех трех.

Исследователи выделяют разные виды рефлексии в зависимости от психологического и физического времени; предметности, в которой она себя проявляет; процедур, которыми она осуществляется. Мы выделили четыре основных вида рефлексии как способа работы с информацией, текстом события [32].

Фрагментарная рефлексия фиксирует переживания, действия и представления (описывает содержание затруднений в деятельности, решении задач, построении образов), выделяя частное по отношению к целому.

Нормативная рефлексия опирается на такие базовые понятия, как норма, самооценка, оценка, представления о самооценке другого. Это характерно как для отдельного субъекта (сотрудника), так и для организации в целом. Комплексная рефлексия опирается на правила соотнесения между собой фрагментов, а также на определенные социальные, моральные, этические, нравственные правила и нормы.

Системная рефлексия опирается на выделение системообразующего фактора, параметра, события, строится на понятиях, правилах их употребления, отношениях между ними и каузальных связях как внутри выстраиваемой системы, так и вне ее, расширяя масштабность рефлекслируемого материала.

Целостная рефлексия охватывает базовые основания любых процессов и предметностей – законы, закономерности, ценности, значения, категории, смыслы, цикл и ритм, она как бы вглядывается вглубь, в самую суть рефлекслируемого перцептивного и экзистенциального материала. Экзистенциальная рефлексия входит в целостную рефлексию, но не замещает ее.

Выделенные виды рефлексии различаются качественно по своим характеристикам: масштабности охватываемого для рефлексирования материала и введению в анализ новых параметров – хаотичность, затем появление правил, появление системообразующего фактора и, наконец, организация материала в целостность, структуризация сложной системы, выделение в нелинейности синхронизации, противоречивости, а также базовых оснований. Эти виды рефлексии развиваются в онтогенезе, можно постро-

ить их иерархию от фрагментарной до целостной. Если мы иерархизировали эти виды, то тем самым определили уровни по качественным показателям. При проведении стандартизированных методов исследования рефлексии можно выделить уровни и по количественным данным.

Функция и направленность рефлексии определяют качественную сторону процесса рефлексирования, базовую единицу которого мы выделили как процессуальный цикл рефлексии: «затруднение R1 – преодоление затруднения R2» (R1 – разрыв; R2 – ресурс) в сознании, мышлении, деятельности. Данный цикл получил название «2R». Цикл «2R» был положен в основание разработки рефлексивных матриц, позволяющих определить, как разрешение одних затруднений приводит к возникновению новых. Так формировался принцип многочленности работы с матрицами: $(R1-R2)1 \rightarrow (R1-R2)2 \rightarrow (R1-R2)3 \rightarrow (R1-R2)4 \rightarrow \dots$, где R1 – разрыв; R2 – ресурс, 1, 2, 3, 4 ... – порядковый номер матриц цикла.

Для рефлексивного психологического консультирования [33] на основе данного процессуального цикла был разработан способ работы с матрицами, задающий прогрессивную рефлексю, – «дерево противоречий». Застревание в цикле или нахождение неадекватного ресурса ведет к неправомерному решению или к регрессу, что является регрессивной рефлексией.

Структурной единицей рефлексии в рассматриваемых статической и динамической моделях является разотождествление–отождествление («RO») всего, что попадает в ее поле действия. В рефлексии нечто отождествляется с чем-либо, так происходит редуцирование – сведение сложных задач к простым, либо разотождествляется, например убирается склейка между собой иррациональных связей, деструктивных шаблонов, имеющих в мышлении, деятельности, сознании, личности. Отождествляться или разотождествляться могут образ действия в сознании и реальное осуществление действия, анализ результатов действия и личностные переживания по поводу действия, образа, результата. Следовательно, в данной единице процесса рефлексии нет зависимости от предметных областей.

Отождествляются и разотождествляются между собой любые объекты, попавшие в рефлексю, – образы, мысли, представления о действиях, решениях, результатах, последствиях, чувствах, личности и др., таким способом происходит преодоление «затруднения» – обнаруживается или формируется «разрыв» и находится «ресурс». Эти две единицы ортогональны и являются составляющими одной единицы рефлексии при рассмотрении ее целостно.

Высказывание клиента: «Чаще всего я действовал в подобных ситуациях таким способом, а сейчас это не работает, нужно найти новый, но я не знаю какой и какой правильный, чтобы получилось то, что я хочу», – является примером разотождествления себя со старыми способами действия и готовности принять, осуществить отождествление с новыми.

Как «2R» (разрыв–ресурс) является единицей самого процесса рефлексирования и обнаруживает себя в конкретной предметной области, так «RO» (разотождествление–отождествление) является единицей всех про-

цессов и механизмов рефлексии независимо от предметных областей, в которых она себя обнаруживает. Иными словами, можно сказать, что в «2R» живет «RO», «RO» обеспечивает действие «2R».

Статическая модель рефлексии представляет собой единство критериев содержания рефлексии в любой предметной области: сознаваемое и неосознаваемое, согласования (согласованное–рассогласованное) и синхронизации (необходимое–не необходимое; достаточное–недостаточное). Совокупность этих критериев является фильтром, сквозь который проходит содержание рефлексии.

1. Критерий наличия осознаваемого и неосознаваемого материала в акте рефлексии. Мы понимаем под неосознаваемым материалом тот материал, который представлен в тексте, но клиентом не осознается. А.В. Россохин [34] экспериментальным путем доказал расширение рефлексивного материала за счет вхождения в актах рефлексии все нового материала из области неосознаваемого на протяжении рефлексивного процесса в ходе психоаналитической консультации.

2. Критерий согласование–рассогласование. Ярче всего проявляется действие этого критерия в конфликтной ситуации. Согласование проходит через рассогласование с чем-либо, а рассогласование возможно, только когда что-то согласовано. Деструктивное согласованное подлежит рассогласованию, и на этом формируются конструктивные согласованные связи между чем-либо, необходимым для разрешения конфликтной ситуации.

3. Критерий достаточного и недостаточного в содержании рефлексии явно прослеживается в словах и выражениях, которыми оперирует человек во время рефлексии, например «без этого можно обойтись», «это мне очень нужно», «да, этого будет достаточно», «мне кажется, в этом еще что-то есть» и др. В этих выражениях явно выделена работа механизмов рефлексии, «вытаскивающих» материал сознания и переводящих его в текст, а затем построения по отношению к этому тексту текста, расширяющего, развивающего его, и тем самым развивающих сознание клиента, его мышление и впоследствии его действия. Достаточное–недостаточное детерминировано условиями ситуации и условиями задачи, цели.

4. Критерий необходимое–не необходимое распаковывается на материале, используемом в дальнейшем развитии текста или не используемом в нем. В ходе решения проблемы клиентом по данному критерию материал распределяется как выделение нужных условий, влияющих на решение проблемы, и условий, в меньшей степени влияющих, не нужных в данный момент для рассмотрения, анализа. В отброшенном, не необходимом материале может быть много интересного для дальнейшей работы клиента с собой или с психологом, но в конкретной актуальной ситуации во взаимодействии психолога и клиента отбирается только необходимый материал. Сам клиент в рефлексии над рефлексией выделяет словами действие этого критерия: «Я вам рассказал очень много, но суть в том, что...»

Содержание рефлексии в рамках этих критериев выстраивается за счет механизмов рефлексии, различающихся по степени сложности своей

структуры, их собственного бытия, а не по предметному знанию, в которое погружена рефлексия [3].

В динамическую модель рефлексии входят следующие механизмы: установочные (фиксированные установки – ситуативные установки); эмоционально-волевые (мобилизация–деобилизация); коммуникативные (кооперация–индивидуализация); интеллектуальные (анализ–синтез; различение–обобщение и т.д.); социально-личностные («Я»–«не Я»); самоотношения (оценочные – положительное–отрицательное, правильное–неправильное и т.д.); переживание времени (прошлое–будущее); экзистенциальные (бесмысленность–осмысленность, смысл). Рассмотрим более подробно механизмы в рефлексии.

Установкой является склонность человека к определенной форме ответной реакции, и формируется она в результате жизненного опыта личности. В рефлексии установка является тем фокусом, через который клиент определенным образом воспринимает и интерпретирует ситуацию. Интерпретация ситуации – это первое проявление рефлексии, в большинстве случаев – фрагментарной.

Эмоционально-волевые механизмы рефлексии изучены И.Н. Семеновым и С.Ю. Степановым [28]. В ходе решения задачи рефлексия приводит к мобилизации или демобилизации ресурсов клиента. В ходе консультации, чаще всего сталкиваясь со своими психологическими защитными механизмами, клиент в рефлексии либо преодолевает сопротивление, либо нет. При преодолении в рефлексии благодаря ее механизмам появляется такой материал из неосознаваемого или уложенных в памяти культурных образцов, который активизирует волю клиента.

Коммуникативные механизмы рефлексии (кооперация–индивидуализация) прозрачны в тексте рефлексии клиента: «У соседки по комнате в общежитии невралгия, и ей бывает тяжело дышать, она не может в эти моменты без свежего воздуха, возможно, когда я захожу в комнату, это вызывает у соседки нервное напряжение, и она открывает окно, видимо, ей трудно со мною жить в одной комнате, надо с ней поговорить об этом, выяснить, что в моих действиях и во мне вызывает у нее напряжение». Клиент в практике жизни собирается занять позицию согласования интересов и предварительно в рефлексии уже занял ее. В данной позиции он активный деятель, организующий процесс согласования.

Интеллектуальные механизмы (логические – анализ–синтез, различение–обобщение, «подведение под понятие», «выделение новых признаков»; эвристические – «интуитивное открытие», «создание нового понятия» и т.д.) легко выделить в выражениях и тексте клиента. Приведем примеры, когда в словах клиента работа эвристических, логических механизмов рефлексии прозрачна: «Я анализировал интересы, которые есть у этого человека, и понял, что мы с ним разные, у нас нет общих интересов»; «Я думаю, если в сказке есть, что Ивану-дураку было предписано явиться ко двору не пешком, но и не верхом, не голому, но и не одетому, и он завернулся в сеть и держал между ногами дохлую козу, я должен найти такое же ре-

шение»; «Мне не стоит мучиться над постоянной необходимостью зарабатывать деньги и заполнять время работой, надо свои увлечения сделать приносящими деньги, я люблю рисовать и изобретать узоры, это ведь может быть полезно другим, я могу учить этому, я могу продавать образцы производству, и мне стоит еще поискать возможности доходного применения моего хобби».

Социально-личностные («Я»–«не Я») механизмы рефлексии рождаются в децентрации. В ходе консультации различения «Я» на реальное и идеальное, на прошлое и настоящее, «Я» и «не Я» как защитный психологический механизм, «не Я» как операция отчуждения материала есть работа в рефлексии этих механизмов.

Механизмы рефлексии самоотношения (оценочные: положительное–отрицательное, правильное–неправильное и т.д.) сопровождают построение текста рефлексии на каждом шагу: «Я знаю, что это плохо, неправильно, но по-другому не могу сейчас», – а через некоторое время: «Может быть, это правильно – отстаивать свои интересы, ведь мои интересы должны быть уважаемы, не только я должен их уважать». Спустя немного времени: «Я знаю, как правильно поступить, так и мои, и ее интересы будут учтены, все же я бываю хорошим, шучу». Эти выражения настолько емки, в них легко реконструировать работу всех механизмов рефлексии и ее процесс. Оценка относится к личности, действию, мысли, желанию. Осуществляется она во всех случаях на основе какого-либо образца – культурного или субкультурного, усвоенного опытом личности.

Механизмы переживания времени (прошлое–будущее) интересны тем, что в рефлексии прошлое и будущее являются во всех случаях настоящим независимо от того, что в тексте употребляется прошлое и будущее время. Механизм времени в рефлексии – это время настоящее, позволяющее «линию» времени свести в «точку». Как только клиент осознает это, в нем меняется представление о своем «настоящем». Механизм времени в личностной рефлексии может привести к быстро происходящим изменениям в личности клиента, его обучаемости жить «здесь и сейчас».

Экзистенциальные (бессмысленность–осмысленность, смысл) механизмы рефлексии направлены на придание смысла или обесмысливание происходящего, того, что «выпадает» неожиданно для клиента в его тексте. Каждому принимаемому решению клиент придает смысл. Каждое действие клиента имеет смысл для него, и работа с осмыслением смысла осуществляется с опорой на экзистенциальные механизмы.

Динамическая модель рефлексии – это совокупность всех выше перечисленных механизмов. В акте рефлексии все механизмы работают отлаженно и в единстве, но один или несколько из них играют ведущую роль в актуальной ситуации рефлексии.

В целом мета-модель рефлексии, построенная на основе методологического принципа единства сознания, мышления и деятельности, охватывает, с одной стороны, онтологическую и гносеологическую сущность рефлексии, с другой – ее статическое и динамическое содержание. Все четыре модели в их единстве и составляют мета-модель.

Онтологическая модель рефлексии представлена в виде средств, видов и форм рефлексии.

Гносеологическая модель описывает бытие рефлексии в деятельности, мышлении, сознании в качестве механизма и процесса.

Статическая модель представляет собой три грани: сознательное-неосознаваемое, согласование, синхронизация.

Динамическая модель рефлексии описывает ее механизмы, которые мы объединили в три группы: первая группа (одна грань в модели) – механизмы самоотношения, социально-личностные, коммуникативные, интеллектуальные, эмоционально-волевые, экзистенциальные; вторая группа – установочные механизмы; третья – механизмы переживания времени.

Мы внесли четкое различие между моделями рефлексии: онтологическая и гносеологическая модели описывают рефлексии в связи с предметными областями, а две другие – рефлексии в «чистом» виде, без предметных областей.

В 12 гранях куба фиксируется рефлексивная ситуация в каждый определенный момент (рис. 1). Актуальная рефлексивная ситуация фиксируется как соответствие друг другу точек пересечения 12 плоскостей. Точка пересечения имеет самостоятельный статус и названа нами «фокус рефлексии».

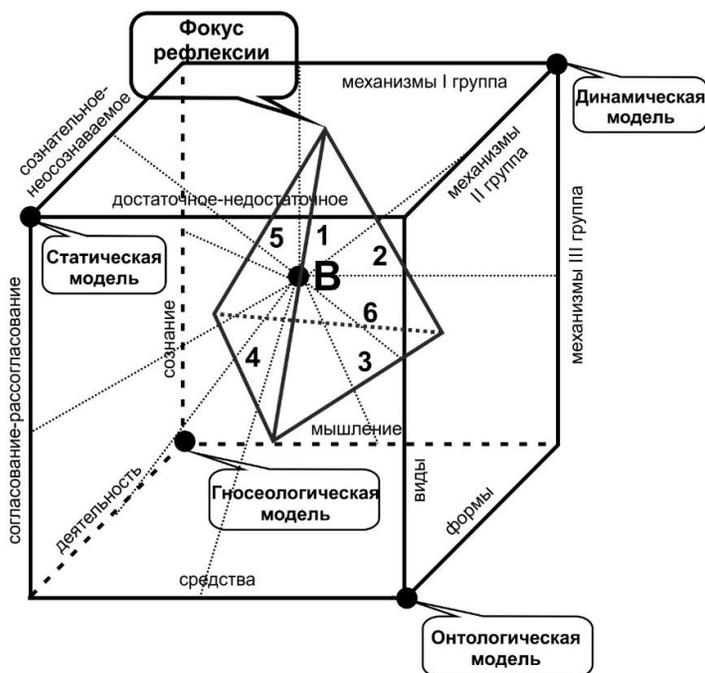

Рис. 1. Мета-модель рефлексии в мета-онтологии.

1 – направленность в рефлексии личности на себя и на «другого», 2 – направленность на развитие или «застывание», 3 – направленность на творчество, 4 – способ переработки информации, 5 – виды работы с информацией, 6 – саморазвитие рефлексии

В фокусе рефлексии шесть граней, которые можно представить в виде тетраэдра в центре куба. Одна грань – направленность в рефлексии личности на себя и «другого», другая – направленность субъекта на развитие (прогрессивная) или «застревание» (регрессивная), третья – направленность на творчество, инновацию, четвертая грань – способ переработки информации – индуктивный и дедуктивный с линейными и не линейными связями, пятая – основные виды работы с информацией в рефлексии – фрагментарный, нормативный, системный, целостный, шестая грань – рефлексия рефлексии, саморазвитие рефлексии. Эти грани являются детерминантами отбора рефлексивного содержания в актуальный момент времени. Модель рефлексии в виде куба отражает потенциальное состояние рефлексии, а в виде тетраэдра – ее актуальное состояние. Основное назначение фокуса рефлексии – совершение выбора, при котором активизируется механизм саморазвития и активности субъекта, личности – «рефлексия–мотив–воля». Фокус рефлексии дает представление о более вероятном содержании рефлексии, что позволяет строить прогнозы.

Исходя из принципа самоорганизации для рефлексии, мы выделили две ее основные направленности: прогрессивная и регрессивная. Прогрессивная рефлексия приводит к результату, развивающему систему, регрессивная обеспечивает «застревание» системы в развитии, что свойственно «дурной бесконечности». Развитие определяется как появление новых качественных показателей, например решений, представлений, проектов, нового понимания ситуации. Регрессивность рефлексии проявляется в заклипании на одном и том же не адекватном условиям ситуации представлении, понимании, проектировании, решении.

Регрессивная рефлексия существует за счет сбоя, нарушения работы основных единиц рефлексии «разрыв–ресурс», «отождествление–разотождествление». В каждой «элементарной частице», единице рефлексии поддерживается гомеостаз между разрывом и ресурсом, отождествлением и разотождествлением. При нарушении гомеостаза можно наблюдать наличие большого количества разрывов и недостаточность ресурса либо избыточность неиспользованных ресурсов, в другом случае отождествления превышают допустимую величину, и это приводит к гипербализации, или разотождествления в большинстве своем заполняют основной объем материала в рефлексии, что усиливает метонимизацию.

Прогрессивная рефлексия существует за счет поддержки гомеостаза системы. В рефлексии наряду с ее первым уровнем – содержанием, рассматривающим перцептивный материал, есть второй уровень, замыкающий ее себя, по В.А. Лефевру [30], это уровень рефлексии над рефлексией, когда рефлексия «посмотрела на саму себя», когда кающийся грешник посмотрел на себя кающегося и сказал, что он поступает хорошо, потому что кается, и разрешил себе грешить. Мы выделяем третий уровень, в котором рефлексия «смотрит на саму себя», выделяя то, как она осуществляется, как строит свое содержание, что является шире методологической рефлексии.

сии, но включает ее в себя, дает развитие рефлексии и возможность обучению. Третий уровень рефлексии призван следить за гомеостазом, предупредить от нарушения.

В данной статье мы описываем модель рефлексии без рассмотрения возможных причин нарушения ее функционирования.

Приведем пример рефлексивных высказываний клиента и проведем анализ рефлексии на основе мета-модели.

Клиент пришел на консультацию с запросом о снижении веса тела. На вопрос психолога, зачем клиент хочется заняться снижением веса своего тела, клиент отвечает: «У меня столько дел, не знаю, когда все успеть сделать, но беспорядок в доме меня раздражает, и вчера весь день убиралась, дела были отложены, а теперь результат этого – сегодня возник конфликт на работе».

Интерпретация ситуации – это первичная рефлексия в консультировании.

Анализ рефлексивного высказывания: вид – личностное, клиент выражает свои эмоции и оценивает значимость действия, подтверждает свои установки; фрагментарное, это то содержание, которое осознается клиентом, и «комплексное» на основе того содержания, которое в данный момент в рефлексии есть, но еще не осознается клиентом.

Форма – репродуктивное (осознается известное), группирующее (объединены три параметра – полнота тела, уборка квартиры и конфликт на работе), избирательное (из множества возможных условий, влияющих на полноту тела, клиент выбирает условия вчерашнего дня – уборку и конфликт), противодействующее интроспективное (направлено на поддержку клиентом борьбы с самим собой).

Средства – логические (диалектическая логика с нелинейными связями: из А – уборка следует В – конфликт, $A + B = C$ (увеличенная масса физического тела); эмоционально-волевые (выделение раздражения, снижение волевой активности на основе расстановки приоритетов дел, актуальное деструктивное эмоциональное переживание); социально-психологические (поиск поддержки психологом правильности совершаемых клиентом действий, перенос ответственности на других).

Процедуры – остановка, клиент только на начальном этапе рефлексивного процесса.

Психологическая консультация – это деятельность, значит, у клиента рефлексия в деятельности, направленная на личностные качества и переживания.

Механизмы рефлексии: самоотношения, установочные.

Содержание в рамках критериев: более половины представленной в тексте информации не осознается клиентом; содержание, недостаточное для понимания клиентом средств разрешения проблемы, с которой сделано обращение к психологу; в содержании представлен необходимый для дальнейшей рефлексивной работы материал; рассогласованный материал

внутри рефлексивного текста – физическое тело как психологический феномен, направленность расстановки приоритетов – самоуничтожение, компенсаторное действие – самовозвеличивание.

На основе данного анализа психолог задает вопрос клиенту: «Какая связь между полнотой вашего физического тела, вашим неумением переживать и принимать беспорядок и отражением этого неумения в открытых и скрытых конфликтах с окружающими?»

Психолог сразу поднимает качество рефлексии на новый уровень, клиент должен вывести в сознательное состояние большой объем неосознаваемого материала, выйти на системный вид рефлексии, интегрирующую форму, активизировать дополнительные логические механизмы, расширить их до применения средств синтеза, освоить процедуру субъективации и объективации, а также умение занимать разные позиции – позицию человека, читающего свой текст, который был произнесен, и позицию аналитика – выделение казуальных связей и расстановка приоритетов.

Данный анализ позволяет в рамках постнеклассической парадигмы не только диагностировать развитие рефлексии, ее качественные характеристики, но и разрабатывать средства для развития рефлексии, выделять, какие ориентиры для выбора задает рефлексия и какова ее направленность. Важным является новая позиция психолога-консультанта, организующего ситуацию так, чтобы рефлексия состоялась, и в этой позиции психолог не консультант, а организатор рефлексивной среды взаимодействия [33].

Заключение

Осуществляемый нами подход к исследованию рефлексии в постнеклассической парадигме позволил свести разрозненные знания по рефлексии к единому основанию – мета-онтологии, которой мы дали условное название «ориентировочная онтология» – единство сознания, мышления, личности, деятельности. Данная мета-онтология позволила выделить и рассмотреть модальности рефлексии – действительного (реальности), возможного, необходимого и производных от них модальностей многомерности, темпоральности, осознаваемого–неосознаваемого, достаточного–недостаточного, трансграницности. Благодаря этому мы смогли разработать мета-модель как единство пяти моделей рефлексии с обозначением связей между ними. Разработанная мета-модель рефлексии в рамках модальностей и мета-онтологии обладает объяснительными, прогностическими и прикладными возможностями, которые мы рассмотрели на примере рефлексивного психологического консультирования в анализе рефлексии текста клиента. Мы обозначили, что применение данной модели изменяет позицию психолога-консультанта на позицию психолога-организатора рефлексивной среды.

Литература

1. Гусельцева М.С., Асмолов А.Г. Парадигмы развития в психологии. URL: <https://studfiles.net/preview/1723029/> (дата обращения: 14.12.2017).
2. Кант И. Сочинения. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
3. Сизикова Т.Э. Рефлексивное психологическое консультирование. Новосибирск : НГПУ, 2016. Ч. 1: Психологическая сущность рефлексии. 203 с.
4. Shavelson R.J., Bolus R. Self concept: the interplay of theory and methods // Journal of Educational Psychology. 1982. Vol. 74, is. 1. P. 3–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/0022-0663.74.1.3/>
5. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 45–57.
6. Шаров А.С. Онтология рефлексии: природа, функции и механизмы // Рефлексивные процессы и управление. 2005. Т. 5, № 1. С. 71–92.
7. Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. 1988. Вып. 3. С. 320–324.
8. Кудрявцев Д.В. Разработка проблемно-ориентированных онтологий. URL: <http://gaai.org/resurs/papers/kii-2006/doklad/Kudryavtsev.doc> (дата обращения: 14.12.2017).
9. Fernandez-Lopez M., Gomez-Perez A. Overview and analysis of methodologies for building ontologies // The Knowledge Engineering Review. 2002. Vol. 17, is. 2. P. 129–156. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0269888902000462>.
10. Чужов А.Л., Чебанов С. В. Николай Гартман на «Днях философии в Санкт-Петербурге – 2014». URL: <http://www.holiz.ru/index.php/nikolaj-gartman-na-dnyakh-filosofii-v-sankt-peterburge-2014> (дата обращения: 14.12.2017).
11. Манасян А.С. Методологические принципы объективности научного знания и единство науки. Ереван : АН АрмССР, 1984. 315 с.
12. Медова А.А. Онтология модальности : автореф. дис. ... д-ра философ. Наук : 09.00.01. Омск, 2016. 38 с.
13. Егорова Е. Категория модальности в современных гуманитарных науках // Литература XX века: итоги и перспективы изучения : материалы IV Андреевских чтений : сб. науч. ст. / под ред. Н.Т. Пахсарьян, Н.А. Литвиненко. М. : Экон, 2006. С. 9–12.
14. Ляпшин С.Г. Модальности социокультурных форм человеческой субъективности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Армавир, 2008. 19 с.
15. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
16. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. М., 2012. С. 318–320.
17. Стайпек А.А. Аутентификация помогающих психологических пространств : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Томск, 2017. 22 с.
18. Лукьянов О.В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01. Томск, 2009. 43 с.
19. Ключко В.Е. Современная психология: системный смысл парадигмального сдвига // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 15–21.
20. Веников В.А., Веников Г.В. Теория подобия и моделирование. М. : Высшая школа, 1984. 439 с.
21. Дашкова Е.А. Многомерная иерархическая модель Я-концепции // Развитие человека в современном мире. 2014. № 5. С. 176–183.
22. Щедровицкий Г.П. Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата : Изд-во КПИ, 1974. С. 12–28.
23. Щедровицкий П.Г. Идея рефлексии, изложенная в самых общих чертах // Модели рефлексии. Новосибирск : ЭКОР, 1995. С. 21–37.

24. Ладенко И.С., Винокуров В.Л. Интеллектуальные системы, рефлексия и генетическая логика // Модели рефлексии. Новосибирск : ЭКОР, 1995. С. 6–20.
25. Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб. : Алетейя, 2003. 272 с.
26. Эльконин Б.Д. Об одном из путей психологического изучения рефлексии // Проблемы рефлексии : современные комплексные исследования. Новосибирск : Наука, 1987. С. 49–54.
27. Семенов И.Н. Психология рефлексии в организации творческого процесса мышления : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1992. 51 с.
28. Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Проблема формирования типов рефлексии в решении творческих задач // Вопросы психологии. 1982. № 1. С. 99–103.
29. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся : очерки российской психологии. М. : Тривола, 1994. 333 с.
30. Лефевр В.А. Рефлексия. М. : Когито-центр, 2003. 496 с.
31. Розин В. М. Рефлексия в структуре сознания личности // Проблемы рефлексии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 222–228.
32. Сизикова Т.Э. Формирование мотива в рефлексивных процессах : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Новосибирск, 1996. 25 с.
33. Сизикова Т.Э., Стунжа Н.А. Методы рефлексивного психологического консультирования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювентология. Социокинетика. 2016. Т. 22, № 3. С. 79–82.
34. Россохин А.В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания: инерсознание в психоанализе. М. : Когито-Центр, 2010. 431 с.

Поступила в редакцию 27.12.2017 г.; принята 03.05.2018 г.

Сведения об авторе:

СИЗИКОВА Татьяна Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: tat@ccru.ru

META-MODEL OF REFLECTION WITHIN THE FRAMEWORK OF META-ONTOLOGY

Siberian journal of psychology, 2018, 68, 6–31. DOI: 10.17223/17267080/68/1

Sizikova Tatyana E., Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: tat@ccru.ru

Keywords: meta-ontology; ontology; reflection; meta-model of reflection; process of reflection; mechanisms of reflection; reflexive psychological counseling.

The purpose of the article is to develop a new model of reflection that meets the requirements of modern science: the consideration of the phenomenon from the standpoint of self-organization of systems, multidimensionality, development and self-development.

Based on these principles we developed a meta-model of reflection. The unity of different psychological theories we defined as meta-ontology on the basis that each theory is developed within the framework of its working ontology: the ontology of activity that determines the place of reflection in the unit of activity (in action); the ontology of consciousness, which assigns the reflection the role of creating images, and giving them meaning; the ontology of thinking, where reflection is the basis of creative thoughts; the ontology of personality, in which reflection is the process of self-development of an individual.

The meta-model of reflection is built on the basis of the methodological principle of unity of consciousness, thinking, activity, and personality that we have introduced. The meta-model unites four models according to the rules for constructing a multidimensional space.

The ontological model of reflection is represented as means, types, and forms of reflection. The epistemological model of reflection describes the existence of reflection in activity, thinking, consciousness as a mechanism and process. The static model of reflection has three facets: the conscious - the unconscious, the reconciliation, and the synchronization. The dynamic model of reflection describes its mechanisms, which we put into three groups: the first group (one facet in the model) represents the mechanisms of self-relationship, social-personal, communicative, intellectual, emotional-volitional, and existential; the second group is the adjusting mechanisms, and the third group is the mechanisms of experiencing time.

We made a clear distinction between the models of reflection. In one case (ontological and epistemological models of reflection) describe reflection in connection with subject areas, and the other two models (static and dynamic) describe reflection in a “pure” form, without subject areas. In the twelve facets of the cube the reflective situation is fixed at each particular moment. A situational factor, that gives an idea of more probable content of the reflection, determines the direction of reflection: progressive or regressive. The actual reflexive situation is fixed as the correspondence between the points of intersection of 12 planes. Within the meta-ontology, units of reflection are identified and its dual essence of existence as a mechanism and process is defined.

In general, this meta-model considers reflection as a means of orientation and choice in the changing non-linear multidimensional space of information, relations, and organization.

References

1. Guseltseva, M.S. & Asmolov, A.G. (n.d.) *Paradigmy razvitiya v psikhologii* [Paradigms of development in psychology]. [Online] Available from: <https://studfiles.net/preview/1723029/>. (Accessed: 14th December 2017).
2. Kant, I. (1964) *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
3. Sizikova, T.E. (2016) *Refleksivnoye psikhologicheskoye konsul'tirovaniye* [Reflexive psychological counseling]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
4. Shavelson, R.J. & Bolus, R. (1982) Self concept: the interplay of theory and methods. *Journal of Educational Psychology*. 74(1). pp. 3–17. DOI: 10.1037/ 0022-0663.74.1.3/.
5. Karpov, A.V. (2003) Refleksivnost' kak psikhicheskoye svoystvo i metodika yeye diagnostiki [Reflexivity as a psychic property and a technique for its diagnosis]. *Psikhologicheskyy zhurnal*. 24(5). pp. 45–57.
6. Sharov, A.S. (2005) Ontologiya refleksii: priroda, funktsii i mekhanizmy [Ontology of reflection: Nature, functions and mechanisms]. *Refleksivnyye protsessy i upravleniye – Reflective Processes and Control*. 5(1). pp. 71–92.
7. Hartman, N. (1988) Staraya i novaya ontologiya [Old and new ontology]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik*. 3. pp. 320–324.
8. Kudryavtsev, D.V. (2006) *Razrabotka problemno-oriyentirovannykh ontologiy* [The development of problem-oriented ontologies]. [Online] Available from: raai.org/resurs/papers/kii-2006/doklad/Kudryavtsev.doc. (Accessed: 14th December 2017).
9. Fernandez-Lopez, M. & Gomez-Perez, A. (2002) Overview and analysis of methodologies for building ontologies. *The Knowledge Engineering Review*. 17(2). pp. 129–156. DOI: 10.1017/S0269888902000462
10. Chuzhov, A.L. & Chebanov, S.V. (2014) *Nikolay Gartman na “Dnyakh filosofii v Sankt-Peterburge – 2014”* [Nikolai Hartman on the “Days of Philosophy in St. Petersburg – 2014”]. [Online] Available from: <http://www.holiz.ru/index.php/nikolaj-gartman-na-dnyakh-filosofii-v-sankt-peterburge-2014>. (Accessed: 14th December 2017).
11. Manasyan, A.S. (1984) *Metodologicheskiye printsipy ob'yektivnosti nauchnogo znaniya i yedinstvo nauki* [Methodological principles of the objectivity of scientific knowledge and the unity of science]. Erevan: Armenia SSR AS.
12. Medova, A.A. (2016) *Ontologiya modal'nosti* [Ontology of modality]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Omsk.

13. Egorova, E. (2006) Kategoriya modal'nosti v sovremennykh gumanitarnykh naukakh [Category of modality in modern Humanities]. In: Pakhsaryan, N.T. & Litvinenko, N.A. (eds) *Literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniya* [Literature of the Twentieth Century: Results and Prospects of Study]. Moscow: Ekon. pp. 9–12.
14. Lyapshin, S.G. (2008) *Modal'nosti sotsiokul'turnykh form chelovecheskoy sub'yektivnosti* [Modalities of Socio-cultural Forms of Human Subjectivity]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Armavir.
15. Leontiev, D.A. (2011) Novyye oriyentiry ponimaniya lichnosti v psikhologii: ot neobkhodimogo k vozmozhnomu [New guidelines for understanding the personality in psychology: from the necessary to the possible]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 3–27.
16. Comte-Sponville, A. (2012) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Translated from French by E.V. Golovina. Moscow: Eterna.
17. Staipek, A.A. (2017) *Autentifikatsiya pomogayushchikh psikhologicheskikh prostranstv* [Authentication of helping psychological spaces]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Tomsk.
18. Lukyanov, O.V. (2009) *Samoidentichnost' kak usloviye ustoychivosti cheloveka v menyayushchemsya mire* [Self-identity as a condition of human stability in a changing world]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Tomsk.
19. Klochko, V.E. (2007) Modern psychology: A system sense of a paradigm shift. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 26. pp. 15–21. (In Russian).
20. Venikov, V.A. & Venikov, G.V. (1984) *Teoriya podobiya i modelirovaniye* [Similarity theory and Modeling]. Moscow: Vysshaya shkola.
21. Dashkova, E.A. (2014) Mnogomernaya iyerarkhicheskaya model' Ya-kontseptsii [Multi-dimensional hierarchical model of the self-concept]. *Razvitiye cheloveka v sovremennom mire*. 5. pp. 176–183.
22. Shchedrovitskiy, G.P. (1974) Kommunikatsiya, deyatel'nost', refleksiya [Communication, activity, reflection]. In: Shchedrovitskiy, G.P. et al. *Issledovaniye rechemyslitel'noy deyatel'nosti* [Research of speech-thinking activity]. Alma-Ata: KPI. pp. 12–28.
23. Shchedrovitskiy, P.G. (1995) Ideya refleksii, izlozhennaya v samykh obshchikh chertakh [The idea of reflection outlined in the most general terms]. In: Ladenko, I.S. (ed.) *Modeli refleksii* [Models of Reflection]. Novosibirsk: EKOR. pp. 21–37.
24. Ladenko, I.S. & Vinokurov, V.L. (1995) Intellektual'nyye sistemy, refleksiya i geneticheskaya logika [Intellectual systems, reflexion and genetic logic]. In: Ladenko, I.S. (ed.) *Modeli refleksii* [Models of Reflection]. Novosibirsk: EKOR. pp. 6–20.
25. Brushlinskiy, A.V. (2003) *Psikhologiya sub'yekta* [The Psychology of the Subject]. St. Petersburg: Aleteyya.
26. Elkonin, B.D. (1987) Ob odnom iz putey psikhologicheskogo izucheniya refleksii [On one way of psychological study of reflection]. In: Ladenko, I.S. (ed.) *Problemy refleksii: sovremennyye kompleksnyye issledovaniya* [Problems of Reflexion: modern complex research]. Novosibirsk: Nauka. pp. 49–54.
27. Semenov, I.N. (1992) *Psikhologiya refleksii v organizatsii tvorcheskogo protsessa myshleniya* [Psychology of reflection in the organization of the creative thinking process]. Abstract of Psychology Dr. diss. Moscow.
28. Stepanov, S.Yu. & Semenov, I.N. (1982) Problema formirovaniya tipov refleksii v reshenii tvorcheskikh zadach [The formation of reflection types in solving creative problems]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 99–103.
29. Zinchenko, V.P. & Morgunov, E.B. (1994) *Chelovek razvivayushchiysya: ocherki rossiyskoy psikhologii* [A Developing Human: Essays on Russian Psychology]. Moscow: Trivola.
30. Lefebre, V.A. (2003) *Refleksiya* [Reflection]. Moscow: Kogito-tsentr.
31. Rozin, V.M. (1987) Refleksiya v strukture soznaniya lichnosti [Reflexion in the structure of an individual's consciousness]. In: Ladenko, I.S. (ed.) *Problemy refleksii: sovremen-*

- nyye kompleksnyye issledovaniya* [Problems of Reflexion: modern complex research]. Novosibirsk: Nauka. pp. 222–228.
32. Sizikova, T.E. (1996) *Formirovaniye motiva v reflektivnykh protsessakh* [Motive formation in reflexive processes]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Novosibirsk.
33. Sizikova, T.E. & Stunzha, N.A. (2016) *Metody reflektivnogo psikhologicheskogo konsul'tirovaniya* [Methods of reflexive psychological counseling]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuventologiya. Sotsiokinetika*. 22(3). pp. 79–82.
34. Rossokhin, A.V. (2010) *Refleksiya i vnutrenniy dialog v izmenennykh sostoyaniyakh soznaniya: inersoznaniye v psikhoanalize* [Reflection and inner dialogue in altered states of consciousness: inertia in psychoanalysis]. Moscow: Kogito-Tsentr.

Received 27.12.2017;

Accepted 03.05 2018

УДК 159.9

DOI: 10.17223/17267080/68/2

Е.В. Бредун, О.М. Краснорядцева, Э.А. Щеглова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Типологические особенности субъективного восприятия времени в контексте хронотопической жизни человека

Представлен краткий обзор существующих в зарубежной и отечественной психологии подходов к изучению феномена восприятия времени. Показано, как объяснительный потенциал системной антропологической психологии позволяет расширить представление о классическом феномене «восприятие времени». Обсуждаются результаты исследования компонентов субъективного восприятия времени и выделенных типологических особенностей децентрации. Описан свойственный для каждого типа субъективный баланс модусов времени, отражающий индивидуальный стиль организации хронотопической жизни человека.

Ключевые слова: *время; субъективное восприятие времени; темпоральность; темпомир; децентрация времени; хронотоп.*

Постановка проблемы

Исследование восприятия времени продолжает оставаться одной из актуальных проблем зарубежной и отечественной психологии. Существуют различные подходы к изучению феномена восприятия времени. Так, можно выделить исследования, в рамках которых рассматриваются детерминационные основания психологического времени:

– рассматривающие в роли основного механизма восприятия времени наличие циркадных ритмов или внутренних биологических часов, отвечающих за оценку времени, к которым могут относиться периоды сна и бодрствования, сердечные ритмы и т.д. [1–3]. По мнению исследователей, подобные физические закономерности отмечают начало и конец последующих промежутков времени, что делает предстоящие события предсказуемыми. Таким образом, точность временных решений будет зависеть от когерентности событий и способности синхронизировать внутренний ритм с внешним, который предлагает окружающая среда;

– понимающие восприятие времени в качестве индивидуального внутреннего плана жизни, в структуре временных параметров которого лежит переживаемая продолжительность явлений, событий, поведенческих актов, возраста, зрелости и др. [4];

– представляющие время в контексте культурно-исторического развития, определяющего ценностное и мировоззренческое значение времени в восприятии жизни человеком [5];

– изучающие направления, связанные с влиянием социального времени на жизнедеятельность человека, социальный опыт, межличностные контакты, формирование временной перспективы и многое другое [6, 7].

В ряде исследований природа психологического времени рассматривается и как форма измерения, и как качественное состояние сознания [8]. Исследования, связанные с формированием поведения человека во времени [4], направлены на изучение различных аспектов управления временем, временной перспективы и ориентации во времени. В современных исследованиях, посвященных влиянию особенностей восприятия времени на формирование поведенческих предпочтений человека, в качестве наиболее часто используемых базисных категорий можно выделить категории прошлого, настоящего и будущего [9–11].

Проникновение нарастающей антропологизации научного знания в психологию [12–14], позволяет расширить представление о классическом феномене «восприятие времени» с учетом характеристик хронотопической жизни человека. Термин «хронотоп» был введен еще А.А. Ухтомским в рамках проводимых им психофизиологических исследований, затрагивающих процесс освоения человеком темпорального пространства своей жизни: «...я вижу чрезвычайное приобретение для человеческой мысли в таком точном и в то же время ярко конкретном понятии, как “хронотоп”, пришедшем на смену старым отвлеченностям “времени” и “пространства”. С точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а “мировые линии”, которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего» [15. С. 342]. Таким образом, представления о темпоральных характеристиках человека выступают в качестве психологических показателей хронотопа.

Темпоральность как длительность, протяженность психологического времени выступает как предмет исследования в работах М. Хайдеггера, Н.А. Бердяева и др. В работах О.В. Лукьянова темпоральность в контексте представлений о человеке как сложной пространственно-временной организации рассматривается в качестве последовательности времен в саморазвивающихся системах, где будущее представлено в настоящем, а прошлое включено в будущее [16, 17]. Модусы времени, располагаясь во временной структуре жизни человека, отражают ее хронотопическую направленность.

Вместе с понятием «темпоральность» в науку приходит сопряженное с ним понятие «темпомир» [18–21]. По определению Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, «темпомир – мир, определяющей характеристикой которого является единый темп (общая скорость) развития всех входящих в него сложных структур» [18. С. 240]. К основным характеристикам темпомира относят пространственно-временную целостность структур, единую скорость их развития, нелинейность, сложность, открытость системы. Темпомир представляет собой одновременно и пространство взаимодействия

человека с объективной реальностью, и временную сущность явлений, возникающих при взаимодействии, порожденном динамикой их движения.

Привлечение объяснительного потенциала системной антропологической психологии [22], в рамках которой многомерный мир человека предстает как органическая часть самого человека, позволяет расширить понимание категории «темпомир» за счет включения тех модусов времени, которые непосредственно отражают хронотопическую организацию жизни. Такой контекст рассматриваемой проблемы открывает новые возможности хронотопического подхода к человеку как открытой в мир пространственно-временной организации, в которой субъективное восприятие и оценка времени зависят от объективных временных порядков внешнего мира, с которым человек осуществляет взаимодействие.

Поскольку восприятие времени не имеет единого характера для всех индивидов, не существует единого способа организации хронотопической жизни, человек сам устанавливает рамки и координаты времени. Так, в исследованиях Ф. Зимбардо был выделен феномен перспективы как конструкта личности человека: в зависимости от отношения ко времени люди разделяются на тех, кто ориентирован на прошлое, настоящее или будущее время [11]. В.И. Ковалев в своих исследованиях ценностного отношения ко времени разделил процессы восприятия, переживания и управления временем, выделив типологию, основанную на зависимости, активности, организации и преобразовании времени человеком [23].

Данные исследования показывают, что частью любого хронотопа является содержание времени и переживание внутренних субъективных временных явлений. Таким образом, можно полагать, что существуют типологические особенности восприятия времени, которые будут зависеть от того, какие модусы прошлого, настоящего или будущего включены в хронотопическую постановку жизненного мира человека. Типологическая дифференциация позволит определить специфический профиль типов субъективного восприятия времени при характерных когнитивных временных смещениях в прошлое, настоящее и будущее, отражающих организацию хронотопической жизни человека. Ракурс смещения субъективного времени представляется как значимый фактор, обуславливающий особенности хронотопической жизни человека в поведенческой и когнитивной активности. Степень связи между категориями времени позволит проследить, как опыт прошлого способствует поведению человека в настоящем, а оно, в свою очередь, определит будущее, поскольку пространственно-временные характеристики отражают трансформацию жизни человека в процессах самоорганизации.

Методы

Анализ доступного нам методического инструментария, традиционно используемого для изучения феномена психологического времени, позволил сформировать исследовательскую программу, направленную на выявление типологических особенностей восприятия времени.

Программа состоит из двух этапов. На первом этапе, цель которого состоит в выявлении познавательных, эмоциональных компонентов времени и оценке длительности переживаемых субъективных явлений времени, были использованы:

– методика «Семантический дифференциал времени» [24]. Выбор данной методики был обусловлен тем, что она позволяет изучить интуитивные представления о времени личности в смысловом единстве прошлого, настоящего и будущего времени. Преимущество данного метода психо-семантической направленности состоит в том, что он представляет собой комбинацию ассоциативного метода и процедуры шкалирования при многомерном измерении времени;

– тест «Временная перспектива» Ф. Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory – ZPTI) [10]. Данный методический прием помогает понять направленность времени, его протяженность, событийную насыщенность, дифференцированность и структуру, а также расширяет представления о системе субъективного отношения ко времени. Временная перспектива предстает как свойство психологического времени личности, описывающее координаты пространства субъективного восприятия времени. Преимущество данного метода состоит в том, что он прост в применении, а результат имеет четкую структуру факторов. Русскоязычная адаптация выполнена А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной [25].

Выбранные методы позволяют учесть время и пространство организации жизни человека, что дает возможность рассмотреть время как темпоральную структуру открытой саморазвивающейся системы.

Задачей второго этапа исследования явилось выделение типологических особенностей восприятия времени в контексте хронотопической жизни человека. Для решения этой задачи были применены корреляционный и факторный анализ с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 23.

Выборка исследования составила 494 человека, средний возраст респондентов 23 года, среди них 119 мужчин, 375 женщин.

Результаты исследования

В табл. 1, 2 представлены обобщенные результаты первого этапа исследования.

Таблица 1

Описательная статистика по шкалам методики «Временная перспектива»

Шкалы	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
Негативное прошлое	1,20	5,00	3,0435	0,70296
Гедонистическое настоящее	1,40	4,93	3,4097	0,51567
Позитивное прошлое	1,53	5,11	3,5102	0,55163
Фаталистическое настоящее	1,20	5,00	3,6035	0,61859
Будущее	1,30	4,77	2,7364	0,55843

Первичный анализ центральных положений наблюдаемой переменной по всем шкалам и стандартного отклонения по выборке свидетельствует о том, что высокие оценки набрали шкалы «позитивное прошлое», «фаталистическое настоящее», наименьшее количество баллов получила шкала «будущее» (см. табл. 1). Полученные нами результаты по шкалам временной перспективы в целом совпали с результатами, полученными Ф. Зимбардо [11], кроме шкалы «фаталистическое настоящее», которая имеет более высокие средние показатели по группе, и шкалы «будущее», которая имеет показания ниже.

Т а б л и ц а 2

**Описательная статистика по шкалам методики
«Семантический дифференциал времени»**

Фактор	Средняя оценка фактора	Стд. отклонение	Средняя оценка фактора	Стд. отклонение	Средняя оценка фактора	Стд. отклонение
	Прошлое		Настоящее		Будущее	
Активность	4,60	1,107	4,84	1,320	4,85	1,085
Эмоции	4,90	1,373	4,96	1,258	5,13	1,308
Величина	4,76	1,234	4,67	1,218	5,22	1,447
Структура	4,16	1,008	4,56	1,072	4,52	1,068
Ощущаемость	4,46	1,078	4,92	1,263	4,36	1,026
Средняя оценка фактора	4,576		4,79		4,816	

Результаты анализа субъективного восприятия времени позволили выявить центральные положения наблюдаемой переменной – времени – по трем категориям (прошлое, настоящее и будущее) и описывающим факторам (активность, эмоциональность, величина, структура, ощущаемость) (см. табл. 2). По всем категориям времени средние показатели по выборке имеют положительные значения. Более высокую субъективную оценку времени в целом, получило настоящее время ($n = 4,79$), наименьшую оценку – прошлое время ($n = 4,57$).

Примененный на втором этапе исследования корреляционный анализ шкал «Семантический дифференциал времени» и «Временная перспектива» подтвердил наличие связи между разными модусами прошлого, настоящего и будущего времени. Полученные данные еще раз подтвердили, что особенности субъективного восприятия времени демонстрируют специфику самого процесса времени в структуре темпомира. При этом разные сегменты в пространстве хромотопической жизни человека могут находиться в разных «возрастах», некоторые из них еще протекают в прошлом, а другие уже в будущем, но при этом, они интегрируются в единое целое за счет установления единого темпа развития системы.

Для выделения связи между переменными и их классификации нами были использованы факторный анализ, метод выделения факторов, метод главных компонент. Было выделено пять факторов, которые представляют

собой типы субъективного восприятия времени. Каждый из выделенных типов базируется на тех модусах времени, которые определяют наиболее значимые позиции временных конструкций событий, ценностей, явлений, отражающих актуальную хронотопическую жизнь индивида в настоящий момент. Модусы времени включают в себя потоки личностного и социального опыта прошлого, настоящего или будущего, помогая упорядочить значения и смыслы данных событий. В табл. 3–7 представлены доминирующие коэффициенты факторной нагрузки групп признаков, характерных для разных типов субъективного восприятия времени, отличающихся особенностями временной децентрации. Каждый из выделенных типов базируется на тех модусах времени, которые определяют наиболее значимые позиции временных конструкций событий, ценностей, явлений, отражающих актуальную хронотопическую жизнь индивида в настоящий момент. Модусы времени включают в себя потоки личностного и социального опыта прошлого, настоящего или будущего, помогая упорядочить значение и смыслы данных событий.

Таблица 3

Коэффициент факторной нагрузки для первой группы признаков

№	Компонент модели	Коэффициент
1	Настоящее эмоции	0,840
2	Настоящее осязаемость	0,776
3	Настоящее структура	0,751
4	Настоящее активность	0,741
5	Настоящее величина	0,730
6	Будущее эмоции	0,612
7	Будущее величина	0,590

Наиболее характерными особенностями первой группы признаков субъективного восприятия времени является концентрация на настоящем времени, которое распространяется в будущее, что подтверждает доминирование таких показателей, как эмоциональная составляющая, осязаемость, структурированность, активность, величина настоящего времени и эмоциональность и величина будущего времени.

Таблица 4

Коэффициент факторной нагрузки 2 группы признаков

№	Компонент модели	Коэффициент
1	Прошлое величина	0,812
2	Прошлое активность	0,731
3	Прошлое эмоции	0,686
4	Будущее активность	0,547
5	Прошлое осязаемость	0,542

Наиболее характерной особенностью второй группы признаков субъективного восприятия времени является ориентация на прошлое время с акцентированием на будущей деятельности, что подтверждает домини-

рование таких показателей, как ощущаемость, активность, величина, эмоциональность прошлого и активность будущего времени.

Таблица 5

Коэффициент факторной нагрузки третьей группы признаков

№	Компонент модели	Коэффициент
1	Будущее ощущаемость	0,704
2	Будущее структура	0,648
3	Прошлое структура	0,643

Наиболее характерными особенностями третьей группы признаков субъективного восприятия времени является ориентация на будущее через понимание упорядоченности прошлого, что подтверждает доминирование таких показателей, как ощущаемость и структура будущего времени, а также структура прошлого времени.

Таблица 6

Коэффициент факторной нагрузки четвертой группы признаков

№	Компонент модели	Коэффициент
1	Будущее	0,775
2	Позитивное прошлое	-0,627
3	Негативное прошлое	0,554

Наиболее характерными особенностями четвертой группы признаков субъективного восприятия времени является пролонгирование прошлого времени в будущее, в основе которого лежит позитивный или негативный опыт, что подтверждает доминирование таких показателей, как будущее, позитивное прошлое, негативное прошлое.

Таблица 7

Коэффициент факторной нагрузки пятой группы признаков

№	Компонент модели	Коэффициент
1	Фаталистическое настоящее	0,807
2	Гедонистическое настоящее	0,492

Наиболее характерными особенностями пятой группы признаков субъективного восприятия времени является ориентация на настоящее, что подтверждает доминирование таких показателей, как фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее.

Обсуждение результатов и выводы

Анализ результатов второго этапа исследования позволил выделить характерные типологические особенности децентрации испытуемых при характерных для них когнитивных временных смещениях. Опираясь на доминирующие коэффициенты факторной нагрузки групп признаков субъективного восприятия времени, нами были определены типы субъективного восприятия времени с различной комбинацией модусов времени прошлого, настоящего и будущего в контексте хронотопической жизни человека.

1. «Функциональный» тип характеризуется зависимостью между актуальным временем и отдаленным будущим, что свидетельствует о представленности будущего в настоящем, их взаимообусловленности. Данный тип объединяет в себе такие показатели, как структурированность, величина, активность и осязаемость, что подразумевает функциональную организацию настоящего времени, активную включенность в текущие события. Будущее же представлено отдельными компонентами – эмоциональностью и протяженностью; это говорит о том, что человек осознает упорядоченность событий, их глубину в настоящем времени и тем самым выстраивает перспективные представления о будущем. Предположительно, у человека с подобным типом восприятия временной центр будет находиться в настоящем, при этом будущее будет выступать как эмоционально насыщенное, наполненное ожиданиями и продолжением той картины жизни, которая складывается у человека сейчас. Таким образом, данный тип восприятия подразумевает центрирование времени на настоящем с элементами эмоциональных представлений о будущем.

2. «Собирающий» тип представляет собой ориентацию на прошлое как существенный, продолжительный, неисчерпаемый ресурс событий, эмоций, действий. Центрированность на прошлом времени происходит тогда, когда есть четкие представления о явлениях ретроспективного порядка, их причинно-следственных связях. Накопленные человеком события являются уже свершенными; опираясь на них, можно выстроить четкую картину прошлого, проследить связи между событиями. При этом прошлое является источником представлений о том, как может сложиться будущее, какие действия нужно совершить для достижения определенных целей. Кроме того, доминирующее влияние прошлого может существенно повлиять на интерпретацию событий будущего времени, что включает создание альтернативных целей, оценку потенциальных проблем и долгосрочных планов. Учитывая тот факт, что время не является линейной, неизменной структурой в восприятии человека, субъективное изменение прошлого может повлечь за собой субъективное изменение будущего. Таким образом, наиболее выпуклой характеристикой данного типа выступает центрирование времени на прошлом, влияющем на представления о будущей активности.

3. «Прагматичный» тип отличается центрированностью на будущем времени с четким представлением о структуре целей, задач будущего на основе упорядоченности явлений прошлого. Структурированность будущего времени происходит за счет понимания закономерностей прошлого, анализа ретроспективных событий, что позволяет дать оценку будущему, спрогнозировать возможные цели, планы и т.д. Единицей анализа времени выступает понимание отношений между событиями в едином пространстве времени, в связи чем происходит переход из одного временного состояния в другое. Таким образом, данный тип представляет собой децентрацию в сторону будущего времени с учетом структуры прошлого, отвечающей за понимание упорядоченности событий.

4. *«Застревающий» тип.* Испытуемые, отнесенные к этой группе, отличаются выраженной взаимозависимостью модальности в оценках прошлого и будущего, что дает основания для предположения о том, что обе временных тенденции будут развиваться в одном темпе. У испытуемых данного типа отрицательное отношение к прошлому влечет за собой снижение перспективной ориентации и центрирование на негативных ретроспективных переживаниях. Ориентируясь на положительные события прошлого, человек предполагает, что в будущем его может ожидать подобное развитие событий, в то время как концентрация на негативном опыте может привести к боязни будущего, так как негативные обстоятельства отрицательно влияют на его представления о временной картине жизни. Иными словами, при высоком оценивании прошлого идет возрастающая тенденция к положительному полюсу будущего, при низких оценках прошлого времени – к смутным или негативным представлениям о будущем. Таким образом, характерной особенностью испытуемых данной группы является свойственное им единство в модальности оценки прошлого и будущего как при негативных, так и при позитивных оценках уже случившихся или предполагаемых событиях будущего.

5. *«Живущий настоящим» тип* представляет собой центрированность индивида на настоящем времени, когда полюс временной перспективы находится в актуальном времени и отсутствует сопряженность с другими временными направленностями. Причиной этому может служить поиск удовольствия и вознаграждения в настоящем времени, все цели и планы подчинены желаниям данного момента при гедонистической направленности. Либо настоящее видится неподвластным, подчиненным судьбе в связи с предопределенностью событий при фаталистической направленности. В обоих случаях настоящее является наиболее важным временем с минимальным учетом опыта прошлого времени и грядущего будущего. Для достижения каких-либо задач в подобном восприятии времени не нужно прилагать чрезмерных усилий, все цели достижимы в краткий срок, иные не представляют интереса для индивида. Таким образом, данный тип представляется через временной центр в настоящем времени, которому подчинена любая активность человека.

Отметим, что два из выделенных нами типов («функциональный» и «живущий настоящим») четко ориентированы на настоящее время. Различие состоит в том, испытуемые, отнесенные нами к «функциональному» типу субъективного восприятия времени, не закливаются исключительно на настоящем, а имеют достаточно выраженные представления и о будущей перспективе, в то время как испытуемые, отнесенные нами к типу «живущий настоящим», сфокусированы только на актуальном времени. Другие два типа («прагматичный» и «застревающий») преимущественно направлены на будущее время, находящееся в тесной связи с прошлым. Разница в данных типах состоит в том, что «прагматичный» тип субъективного восприятия времени строится на предвосхищении организации будущего времени исходя из имеющегося опыта; в то время как субъек-

тивное восприятие времени испытуемых, отнесенных к «застревающему» типу, представляет собой прямое продолжение будущего из прошлого, а неразделенность в оценке событий приводит к тому, что негативный опыт прошлого сужает представления о будущем. Испытуемые, отнесенными нами к пятому типу субъективного восприятия времени, ориентированы в первую очередь на прошлое время как на неиссякаемый источник свершенных событий, ценностей, ориентиров и т.д.

Каждый выделенный тип имеет свою скорость развития субъективного восприятия времени и включения в текущие события. Основываясь на выделенных типах, мы можем предположить, что смещение центра времени в настоящее ослабляет влияние прошлого и будущего времени; при этом смещение центра времени в будущее повышает значение прошлого, и наоборот. Это смещение может стать стилем, который прогнозирует поведение человека во множестве повседневных событий, а также влияет на темпоральную организацию его жизни. Типы восприятия времени могут проявляться в процессах жизнеосуществления человека в разной степени, т.е. индивид может применять один привычный тип или использовать сразу несколько, при этом каждая ориентация может привести к оптимальному решению в конкретных ситуациях. Для каждого индивида существует его собственный субъективный баланс модусов времени прошлого, настоящего и будущего, который отражает его индивидуальный стиль организации хронотопической жизни, что будет определяться компромиссом в выборе доминирующих модальностей оценок прошлого опыта, существующих желаний и будущих последствий.

Таким образом, проведенное исследование позволяет зафиксировать:

– статистически подтверждена устойчивая взаимосвязь между разными модусами времени прошлого, настоящего и будущего в субъективном восприятии времени человека;

– выделены типы восприятия времени, базирующиеся на представлении индивида о характере детерминационной связи между событиями жизни («функциональный», «собирающий», «прагматичный», «застревающий», «живущий настоящим»);

– преобладание доминирующих модальностей оценок в субъективном восприятии времени человека является значимым фактором, обуславливающим особенности хронотопической жизни человека. Степень связи между категориями времени демонстрирует, как предыдущий опыт отражается на настоящем времени, а оно, в свою очередь, влияет на будущее. Преобладание одного или нескольких типов субъективного восприятия времени демонстрирует отношения между модусами настоящего, прошлого и будущего в структуре хронотопа человека. Так, при «функциональном» типе субъективного восприятия времени представление о настоящем становится точкой отсчета для развития представлений о перспективном времени человека, в то время как при «живущем настоящим» типе настоящее является единственным временем, имеющим реальную длительность и какое-либо значение для него. «Прагматичный» и «застревающий» типы

преимущественно направлены на будущее время, «прагматичный» тип субъективного восприятия времени строится на понимании структурных компонентов времени, связи между событиями, а «застревающий» тип субъективного восприятия времени – на эмоциональном представлении о времени. «Собирающий» тип субъективного восприятия времени включает в себя направленность в прошлое как реально существующее и значимое время для человека.

Задачей дальнейшего исследования является изучение проявлений особенностей субъективного восприятия времени в интеллектуальной активности человека, скорости решения когнитивных задач, предъявляющих разные временные и скоростные требования.

Литература

1. Wittmann M., Dinich J., Mewro M., Roenneberg T. Social jetlag: misalignment of biological and social time // *Chronobiol. Int.* 2006. Vol. 23 (1-2). P. 497–509. DOI: 10.1080/07420520500545979.
2. Wearden J.H. Applying the scalar timing model to human time psychology: Progress and challenges // *Time and mind II: information processing perspectives / ed. by N. Helfrich. Hogrefe & Huber, 2003. P. 21–40.*
3. Grondin S. Timing and time perception: a review of recent behavioral and neuroscience findings and theoretical directions // *Attention, Perception, Psychophysics.* 2010. Vol. 72 (3). P. 561–582.
4. Кроник А.А., Головаха Е.И. Психологическое время личности. Киев : Наукова думка, 1984. 272 с.
5. Горькая Ж.В. Социокультурный анализ психологии восприятия времени // *Вестник Самарского государственного университета.* 2014. № 9. С. 245–250.
6. Болотова А.К. Психология организации времени : учебное пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2006. 254 с.
7. Горобец Т.Н. Индивидуальное восприятие ритмов и циклов времени в контексте их социальной обусловленности // *Мир психологии.* 2011. № 3. С. 160–168.
8. Тимофеева М.К. Измеримое время и воспринимаемое время // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Психология.* 2008. Т. 2, вып. 1. С. 11–14.
9. Абульханова К.А., Березина Т.Н. *Время личности и время жизни.* СПб. : Алетей, 2001. 304 с.
10. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб. : Речь, 2010. 352 с.
11. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: a valid, reliable individual-difference metric // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1999. Vol. 77, № 6. P. 1271–1288.
12. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания : методологические проблемы неклассической психологии. М. : Смысл, 2002. 480 с.
13. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск : Том. гос. ун-т, 2005. 174 с.
14. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // *Вопросы психологии.* 1998. № 6. С. 317.
15. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
16. Лукьянов О.В. Готовность быть. Предположения о трансвременности опыта озабоченности настоящим // *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия.* 2007. Вып. 1 (8). С. 125–143.

17. Лукьянов О.В., Ключко В.Е. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333–337.
18. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М. : КомКнига, 2011. 272 с.
19. Князева Е.Н. Курдюмов С.П. Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры // Живая этика и наука. 2008. № 1. С. 379–443
20. Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Темпомиры. Скорость восприятия и шкалы времени. М. : ЛКИ, 2008. 240 с.
21. Хмелевская С.А. Темпомиры форм постижения бытия // Социально-политические науки. 2012. № 4. С. 105–108.
22. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20. DOI: 10.17223/17267080/56/2.
23. Ковалев В.И. Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. М. : Наука, 1995. С. 179–185.
24. Вассерман Л.И., Кузнецов О.Н., Ташлыков В.А. и др. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии. СПб. : СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009. 44 с.
25. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. № 3 (29). С. 101–109.

Поступила в редакцию 21.01.2018 г.; принята 14.05.2018 г.

Сведения об авторах:

БРЕДУН Екатерина Валерьевна, ассистент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: bredun.88@mail.ru

КРАСНОРЯДЦЕВА Ольга Михайловна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krasnoo@mail.ru

ЩЕГЛОВА Элеонора Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shcheglova@sibmail.com

TYPOLOGICAL FEATURES OF SUBJECTIVE TIME PERCEPTION IN THE CONTEXT OF CHRONOTOPICAL HUMAN LIFE

Siberian journal of psychology, 2018, 68, 32–45. DOI: 10.17223/17267080/68/2

Bredun Ekaterina V., Krasnoryadtseva Olga M., Shcheglova Eleonora A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bredun88@gmail.com; krasnoo@mail.ru; shcheglova@sibmail.com

Keywords: time; subjective time perception; temporality; tempoworld; decenteration of time; chronotope.

The article presents a brief review of various approaches to the study of the time perception phenomenon in psychology. We have marked the determinative fundamentals of psychological time. They are: physiological (Wittmann M., Wearden J.H., Grondin S.), social (Bolotova A.K., Gorobets T.N.), cultural (Gorkaya, J.V.), psychological (Golovakha E.I., Kronik A.A.) and others.

The use of the explanatory potential of system anthropological psychology (Klochko V.E., Galazhinsky E.V., Krasnoryadtseva O.M., Lukyanov O.V.) allows us broadening the understanding of the "tempoworld" category by including the modes of time that reflect directly the chronotopical organization of life.

Considering that time perception does not have unified nature for all individuals, there is no single way to organize a chronotopic life. A person sets the frames and coordinates of time by himself. The studies by Zimbardo F. (1999), Kovaleva V.I. (1995), and others demonstrate that the content and the internal subjective experience of temporal phenomena is a part of any chronotope. Thus, we can assume that there are typological features of the subjective time perception. These features depend on the modes of the past, present or future, included in the chronotopic organization of human's life world.

The article discusses the results of the study of cognitive and emotional components of the subjective time perception, and the evaluation of the experienced subjective phenomena of time duration, using the method of "Semantic Time Differential" (by Wasserman L.I.) and the Zimbardo Time Perspective Inventory. Typological features of subjects' decenteration with typical for them cognitive temporal offsets were marked. Based on the dominant coefficients of group factor load, five types of subjective time perception with different combinations of past, present and future time modes in the context of chronotopic human life are defined. These are "Functional", "Collecting", "Pragmatic", "Stuck", "Living the Present". We described the common subjective balance of time modes for each type, it reflects the individual style of the chronotopic life organization, which will be determined by a compromise in choosing the dominant modalities of assessments of past experience, existing desires and future consequences.

References

1. Wittmann, M., Dinich, J., Mellow, M. & Roenneberg, T. (2006) Social jetlag: misalignment of biological and social time. *Chronobiology International*. 23(1-2). pp. 497–509. DOI: 10.1080/074205205000545979
2. Wearden, J.H. (2003) Applying the scalar timing model to human time psychology: Progress and challenges. In: Helfrich, H. (ed.) *Time and Mind II: Information Processing Perspectives*. Hogrefe & Huber. pp. 21–40.
3. Grondin, S. (2010) Timing and time perception: a review of recent behavioral and neuroscience findings and theoretical directions. *Attention, Perception, Psychophysics*. 72(3). pp. 561–582. DOI: 10.3758/APP.72.3.561
4. Kronik, A.A. & Golovakha, E.I. (1984) *Psikhologicheskoye vremya lichnosti* [Psychological Time of Personality]. Kiev: Naukova dumka.
5. Gorkaya, Zh.V. (2014) Sociocultural analysis of time perception psychology. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara State University*. 9. pp. 245–250. (In Russian).
6. Bolotova, A.K. (2006) *Psikhologiya organizatsii vremeni* [Psychology of time organisation]. Moscow: Aspekt Press.
7. Gorobets, T.N. (2011) Individual'noye vospriyatiye ritmov i tsiklov vremeni v kontekste ikh sotsial'noy obuslovlennosti [Individual perception of rhythms and cycles of time in the context of their social conditioning]. *Mir psikhologii*. 3. pp. 160–168.
8. Timofeyeva, M.K. (2008) Izmerimoye vremya i vosprinimayemoye vremya [Measurable and perceived time]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya*. 2(1). pp. 11–14.
9. Abulkhanova, K.A. & Berezina, T.N. (2001) *Vremya lichnosti i vremya zhizni* [Individual's time and time of life]. St. Petersburg: Aleteyya.
10. Zimbardo, P.G. & Boyd, J.N. (2010) *Paradoks vremeni: novaya psikhologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn'* [The Time Paradox: The New Psychology of Time That Will Change Your Life]. Translated from English by O. Gatanova. St. Petersburg: Rech'.
11. Zimbardo, P.G. & Boyd, J.N. (1999) Putting time in perspective: a valid, reliable individual-difference metric. *Journal of Personality and Social Psychology*. 77(6). pp. 1271–1288. DOI: 10.1037/0022-3514.77.6.1271

12. Asmolov, A.G. (2002) *Po tu storonu soznaniya: metodologicheskiye problemy neklasicheskoy psikhologii* [On the other side of consciousness: the methodological problems of nonclassical psychology]. Moscow: Smysl.
13. Klochko, V.E. (2005) *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti* [Self-organization in psychological systems: problems of individual's mental space formation]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Slobodchikov, V.I. & Isayev, E.I. (1998) Antropologicheskiy printsip v psikhologii razvitiya [Anthropological principle in developmental psychology]. *Voprosy psikhologii*. 6. pp. 317.
15. Ukhtomskiy, A.A. (2002) *Dominanta* [Dominant]. St. Petersburg: Piter.
16. Lukyanov, O.V. (2007) Gotovnost' byt'. Predpolozheniya o transtemporal'nosti opyta ozabochennosti nastoyashchim [Willingness to be. Assumptions about the transtemporality of the experience of present concern]. *Ekzistentsional'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya*. 1(8). pp. 125–143.
17. Lukyanov, O.V. & Klochko, V.E. (2009) Personality identity and the problem of personal steadiness in the changing world: a systematic and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 324. pp. 333–337. (In Russian).
18. Knyazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (2011) *Sinergetika. Nelineynost' vremeni i landshafty koevolutsii* [Synergetics. Nonlinearity of Time and Landscapes of Coevolution]. Moscow: KomKniga.
19. Knyazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (2008) Sinergeticheskaya paradigma. Osnovnyye ponyatiya v kontekste istorii kul'tury [Synergetic paradigm. Basic concepts in the context of the history of culture]. *Zhivaya etika i nauka*. 1. pp. 379–443.
20. Alyushin, A.L. & Knyazeva, E.N. (2008) *Tempomiry. Skorost' vospriyatiya i shkaly vremeni* [Tempoworlds. Speed of perception and time scales]. Moscow: LKI.
21. Khmelevskaya, S.A. (2012) Tempomiry form postizheniya bytiya [Tempoworlds of the forms of being comprehension]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki – Sociopolitical Sciences*. 4. pp. 105–108.
22. Klochko, V.E., Galazhinskiy, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2015) System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9–20. DOI: 10.17223/17267080/56/2
23. Kovalev, V.I. (1995) Osobennosti lichnostnoy organizatsii vremeni zhizni [Personal organization of the life time]. In: Abulkhanova-Slavskaya, K.A. & Brushlinsky, A.V. (eds) *Gumanisticheskiye problemy psikhologicheskoy teorii* [Humanistic Problems of Psychological Theory]. Moscow: Nauka. pp. 179–185.
24. Vasserman, L.I., Kuznetsov, O.N., Tashlykov, V.A. et al. (2009) *Semanticheskii differentsial vremeni: ekspertnaya psikhodiagnosticheskaya sistema v meditsinskoy psikhologii* [Semantic differential of time: an expert psychodiagnostic system in medical psychology]. St. Petersburg: The St. Petersburg Bekhterev Psychoneurological Research Institute.
25. Syrtsova, A., Sokolova, E.T. & Mitina, O.V. (2008) Adaptatsiya oprosnika vremennoy perspektivy lichnosti F. Zimbardo [Adaptation of the questionnaire of F. Zimbardo's personality temporary perspective]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 3(29). pp. 101–109.

Received 21.01.2018;

Accepted 14.05.2018

УДК 159.923.3

DOI: 10.17223/17267080/68/3

Д.М. Егоров

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Избирательность восприятия лживых сообщений в зависимости от половой принадлежности

Раскрывается психологическая специфика избирательности восприятия лживых сообщений в зависимости от половой принадлежности респондентов. Избирательность восприятия изучается как одно из базовых свойств психологической активности человека, формирующееся при взаимодействии с лживыми текстами. Так как ложь – это данность человеческого бытия, а достижение правды требует психологического усилия, избирательность восприятия, служащая основанием для формирования стратегии понимания, полагается как базовое свойство активности. Выявлено, что стратегия восприятия может быть эмпирически идентифицирована как достаточно устойчивое отношение к тексту, характеризующееся избирательностью, направленностью и адекватностью. Избирательность и направленность в стратегиях восприятия лживых текстов описаны через призму ведущих и вспомогательных, устойчивых и вариативных смысловых узлов и векторов отношений, которым присущи тенденции к самоорганизации и открытости.

Ключевые слова: *пол; стратегия восприятия; отношение; смысловой узел; вектор; направленность; избирательность; ложь.*

Введение

В современном мире все больше находит свое подтверждение гипотеза философов-экзистенциалистов, в частности М. Хайдеггера [1], о том, что присутствие человека в мире и его адекватное восприятие мира непосредственно связаны с преодолением искажения и «кажмости», а подлинное присутствие и правдивое существование требуют особого психологического труда. Частью этого труда является формирование стратегии восприятия. Статья посвящена результатам исследования формирования стратегий восприятия в соответствии с половой принадлежностью респондентов.

Усложнение информационных технологий приводит к тому, что сегодня перед человеком встает проблема формирования и поддержания адекватного отношения и восприятия информационных сообщений. В общем информационном потоке содержательно сочетаются элементы правды и обмана. Естественным образом текст сам по себе изначально можно считать неопределенным, индифферентным; лживым или правдивым он становится, раскрывается через восприятие субъекта. По мнению философов

и психологов [1–3], ложь, неправда, неподлинность проявляют себя слишком часто, подменяя и замещая собой правду, истинность, подлинность.

Мы предполагаем, что истина, являясь естественным основанием человеческого бытия, проявляет себя в реальной жизни через межсубъектные (в том числе субъект-текстовые) взаимодействия, реализующиеся в многомерном пространстве отношений личности, базовыми из которых являются координаты истинности–лживости. Восприятие феноменов бытия в их истинной, глубинной форме требует от человека высокого уровня целенаправленной познавательной активности и особой организации стратегий восприятия, которые позволяют ему преодолевать неопределенность. Следовательно, актуально исследование вопроса о том, какие индивидуальные способы восприятия формируют люди, есть ли устойчивые особенности индивидуальных способов восприятия в связи с различными личностными и индивидуальными характеристиками, а также в связи с особенностями воспринимаемых объектов. Предыдущие наши исследования [4] позволили изучить специфику избирательности восприятия через призму зависимости стратегий восприятия от формы презентации сообщения.

Исследования гендерных, половых различий и их влияния на способность к обнаружению обмана проводились рядом специалистов. П. Экман показал специфику эмоционального реагирования респондентов женского пола в процессе демонстрации им эмоционального состояния, которое не соответствовало истине [5]. В.М. DePaulo, С.Е. Kirkendol показали особенности видов обмана в зависимости от половой принадлежности респондентов [6]. Вместе с тем ряд работ [7–9] в этой области показывает, что результаты таких исследований часто носят неоднозначный и противоречивый характер.

Отметим, что в подобных исследованиях недостаточное внимание уделяется проблеме избирательности восприятия и процессу формирования стратегий восприятия. Имеется ли специфика в формировании стратегий восприятия сообщения от естественного, т.е. не критично воспринимающего текст, к более истинному в зависимости от половых различий? Существуют ли различия в направленности и избирательности восприятия, а также в мере адекватности отношений в зависимости от пола респондентов? Эти предположения были проверены на уровне стратегий восприятия двух специально составленных текстов «неопределенно-лживого» и «неопределенно-правдивого» содержания. Стратегии восприятия понимаются нами как отношения, тенденции, возникающие при взаимодействии с текстом сообщения. Тенденции характеризуют избирательность, которая описывается посредством понятий «смысловой узел» и «вектор восприятия».

Стратегия восприятия обмана понимается как психологическая система, которой присущи тенденции к самоорганизации, усложнению и открытости [10]. В соответствии с теоретическими представлениями было выделено четыре вида направленности, связанных с мотивационным, когнитивным, аффективным и аутентичным векторами восприятия, а также четыре вида смысловых узлов. Мотивационный смысловой узел опреде-

лялся через параметры «интерес» и «вовлеченность». Когнитивный узел – через понимание и логичность. Аффективный узел определялся через переживание и эмоциональность. Аутентичный узел – через доверие и реалистичность.

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: «если специфика восприятия сообщений зависит от половых различий, то стратегии восприятия мужчин и женщин будут отличаться особенностями формирования смысловых узлов и векторов отношений». Другими словами, такая специфика будет выражаться в особенностях избирательности и направленности, а также в мере адекватности стратегий восприятия.

Процедура исследования

1. Выборка

В исследовании приняли участие 60 студентов колледжа (по 30 человек женского и мужского пола). Возраст участников исследования варьировал в пределах 18–21 года.

2. Переменные

2.1. *Независимые переменные.* Основным фактором выступили половые различия респондентов.

Дополнительно было проверено влияние способа конструирования лживого текста, который был двойким: полностью вымышленный текст (текст-имитация) и текст, заимствованный из популярных источников исторического содержания, которому не хватает доказательной базы для обоснования утверждения (текст-констатация).

2.2. Зависимые переменные:

2.2.1. Стратегия ранжирования параметров, характеризующих избирательность и направленность отношения респондентов на первом этапе (первый способ измерения).

2.2.2. Стратегия оценивания, связанная с количественной оценкой текстов, содержащих лживые сообщения (второй способ измерения).

2.2.3. Стратегия отбора параметров, характеризующих избирательность и направленность отношения (третий способ измерения).

2.2.4. Адекватность стратегий восприятия лживых сообщений, характеризующая полноту различения текстов.

2.2.5. Смысловая динамика, или соответствие между процедурой ранжирования и отбором параметров, характеризующих динамику значимости параметров восприятия лживых текстов.

3. Методика исследования

3.1. *Содержание экспериментальной методики.* Респондентам предлагались для сравнения два лживых текста. Первый (текст-имитация) описывал военный конфликт между вымышленными племенами. Текст выглядел как правдоподобное описание, имел печатную форму и был стилизован под новостное сообщение. Содержание выражалось в том, что вымышленные племена были помещены в конкретные временные рамки и географию.

ческое положение. Тем самым создавались правдоподобие и неопределенность лжи в содержании текста. Второй (текст-констатация) описывал причину карликовости у пигмеев, причем обоснование шло на уровне личного мнения автора без приведения конкретных способов научного обоснования. Для контроля эффекта последовательности использовалась процедура позиционного уравнивания.

3.2. *Параметры оценивания.* Содержания текстов предлагалось воспринимать при помощи восьми параметров, которые по замыслу авторов были связаны между собой определенным образом. *Интерес* и *вовлеченность* характеризовали мотивационный смысловой узел и соответствующий вектор восприятия. *Понимание* и *логичность* определяли когнитивный смысловой узел и вектор восприятия. *Переживание* и *эмоциональность* были связаны с аффективным смысловым узлом и вектором восприятия. *Доверие* и *реалистичность* характеризовали аутентичный смысловой узел и вектор восприятия. Все четыре вида смысловых узлов и соответствующих векторов характеризовали избирательность и направленность восприятия.

3.3. *Ход эксперимента.* Участникам двух экспериментальных групп раздавался бланк согласия на участие в исследовании. После этого каждому респонденту предлагалась методика, которая состояла из печатного текста и шкал оценивания. После этого экспериментатор объяснял последовательность выполнения операций с параметрами.

Первой операцией выступало *ранжирование*, которое было связано с первым способом изучения избирательности (смысловой узел) и направленности (вектор) восприятия. Респондентам предлагались все восемь случайным образом распределенных параметров в таблице. Необходимо было произвести их расстановку в порядке убывания значимости каждого параметра для адекватного восприятия текстов. Расстановка осуществлялась через присвоение рангов от 1 до 8 без повторения ранга.

Второй операцией было *оценивание* (второй способ изучения). Оно осуществлялось при помощи шкалы, диапазон которой находился от -10 до +10. Тексты необходимо было оценить при помощи этой шкалы по всем параметрам восприятия: «-10» – абсолютно негативное отношение, связанное с самым низким уровнем оценивания; «0» – неопределенное отношение к содержанию; «+10» – абсолютно высокий уровень позитивного оценивания. Таким образом, этой операции соответствовала количественная характеристика отношения к лживым (неправдоподобным) текстам.

Третьей операцией был *отбор* (третий способ изучения), выбор предпочитаемых параметров, необходимых для адекватного восприятия, и отсеивание несущественных с точки зрения респондента. Такой отбор осуществлялся при помощи условных меток в соответствующем столбце таблицы для ранжирования. Таким образом, выбор параметров находился в диапазоне от 1 до 8 параметров. Эта операция характеризовала качественную составляющую избирательности и направленности стратегий восприятия лживых сообщений.

Четвертая операция заключалась в повторном ранжировании тех параметров, которые респондент отбирал для адекватного восприятия соответствующего текста. Повторное ранжирование позволяло точно определить ведущие смысловой узел и вектор восприятия и тем самым определить стратегию восприятия.

4. *Операционализация понятий*

4.1. *Стратегия восприятия* определялась как индивидуализированные способы ранжирования параметров, оценивания по параметрам и выбора параметров при формировании отношения человека к живым сообщениям.

4.2. *Смысловой узел* – форма описания избирательности восприятия: на количественном уровне – посредством параметров, имеющих наибольшее число связей в корреляционных рисунках; на качественном уровне – посредством процедуры отбора и повторного ранжирования параметров.

4.3. *Вектор* – это форма описания направленности восприятия, характеризующая стратегию на эмпирическом уровне. Вектор в соответствии с базовыми характеристиками отношения был «разложен» на три составляющие. *Вектор ранжирования* характеризовал стратегию ранжирования. *Оценочный вектор* соответствовал стратегии оценивания. *Избирательный вектор* был связан со стратегией отбора параметров, необходимых для адекватного восприятия двух текстов.

4.4. *Адекватность* стратегии восприятия неопределенно-лживого и неопределенно-правдивого текстов – это средние значения оценок по шкалам «доверие» и «реалистичность».

4.5. *Шкала оценивания* была поделена на 5 уровней выраженности каждого параметра. Необходимо заметить, что шкала имеет рабочий вариант и требует серьезных эмпирических и теоретических способов обоснования. Вместе с тем ряд математических преобразований и эмпирические статистики, такие как средние, дисперсия и стандартные отклонения, позволили предложить нижеуказанный вариант шкалы:

1 уровень – очень низкая степень выраженности $[-10 \leq z \leq -6]$;

2 уровень – низкая степень выраженности $[-6 < z < -2]$;

3 уровень – средняя степень выраженности $[-2 \leq z \leq +2]$;

4 уровень – высокая степень выраженности $[+2 < z < +6]$;

5 уровень – очень высокая степень выраженности $[+6 \leq z \leq +10]$.

4.6. *Переосмысление значимости параметров* – несоответствие между первыми тремя рангами параметров, определенными в процедуре ранжирования, и выбором соответствующих первым трем рангам параметров в процедуре отбора.

4.7. *Количественный состав стратегий* – это число векторов, входящих в стратегии восприятия.

4.8. *Качественный состав стратегий* определялся через операцию отбора и повторное ранжирование параметров, каждый из которых определял стратегию как мотивационную, когнитивную, аффективную, аутентичную или их комбинацию.

4.9. *Простая стратегия* включала один вектор, образованный одним параметром или двумя параметрами, относящимися к одному из четырех видов тенденций. Степень усложнения стратегий описывалась на уровне ранжирования, оценивания и отбора. На уровне ранжирования и оценивания усложнение выявлялось по числу корреляционных связей между параметрами. На уровне отбора – по числу параметров, отбираемых в стратегию восприятия.

4.10. *Сложная стратегия* включала два и более вектора, выявляемых через процедуры ранжирование, оценивание и отбора.

5. *Математические методы обработки*

5.1. Т-тест для зависимых и независимых групп.

5.2. Хи-квадрат тест

5.3. Корреляционный анализ. Вычисление ранговых корреляций Спирмэна и коэффициентов корреляций Пирсона. Обработка проводилась при помощи статистического пакета SPSS 16.0.

Результаты исследования

А) *Стратегии ранжирования параметров.* Здесь необходимо произвести сравнение коррелограмм ранжирования параметров в зависимости от половых различий и содержания текста (рис. 1–6).

На рис. 1 и 2 показано, что стратегия ранжирования респондентов мужского пола носит неопределенный характер для текста-констатации. Для текста-имитации отмечается тенденция к формированию мотивационно-аутентичного вектора со смысловыми узлами в параметрах «интерес», «вовлеченность» и «доверие». В женской группе по сравнению с мужской в стратегии ранжирования для текста-констатации выделяется формирующийся смысловой узел в параметре «логичность». Можно предположить, что формирование стратегии ранжирования осуществляется через когнитивный вектор. Для стратегии ранжирования текста-имитации в женской группе характерно смещение смыслового узла в параметр «переживание». Если для стратегии восприятия текста-констатации на стадии ранжирования характерно доминирование когнитивного вектора, то для стратегии восприятия имитационного текста интенциональный вектор смещается в сторону аффективной направленности.

Сравнение мужской и женской групп позволяет говорить о том, что стратегия ранжирования для неопределенно-правдивого текста не имеет явно доминирующих оснований в смысловых узлах и векторах восприятия. Наиболее вероятными смысловыми узлами для констатирующего текста выступают эмоциональность и логичность и соответствующий *аффективно-когнитивный вектор*. Стратегия ранжирования для имитационного текста формируется на основе *аутентично-аффективного вектора*. Основными смысловыми узлами выступают реалистичность и эмоциональность.

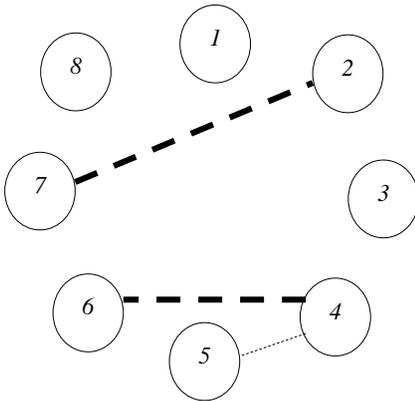

Рис. 1. Ранжирование параметров восприятия для текста-констатации (мужской пол).

1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;

————— $p < 0,05; 0,50 < r < 0,60$;
 ————— $p < 0,01; 0,60 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,50 < r < -0,60$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,60 < r < -1$

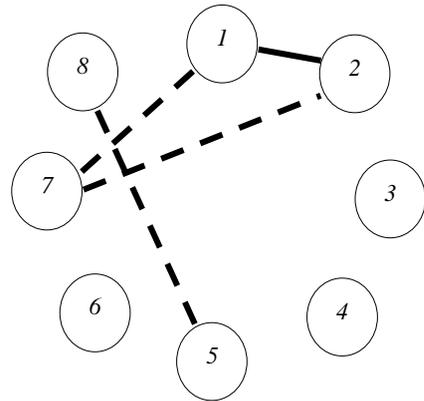

Рис. 2. Ранжирование параметров восприятия для текста-имитации (мужской пол).

1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;

————— $p < 0,05; 0,50 < r < 0,60$;
 ————— $p < 0,01; 0,60 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,50 < r < -0,60$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,60 < r < -1$

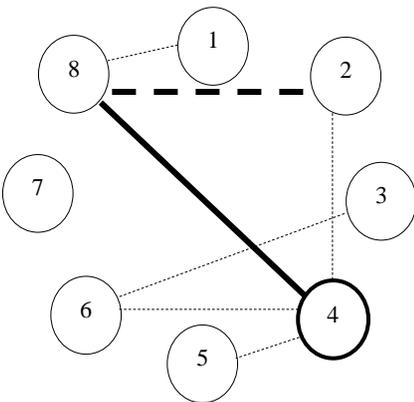

Рис. 3. Ранжирование параметров восприятия для текста-констатации (женский пол).

1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;

————— $p < 0,05; 0,37 < r < 0,47$;
 ————— $p < 0,01; 0,47 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,37 < r < -0,47$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,47 < r < -1$

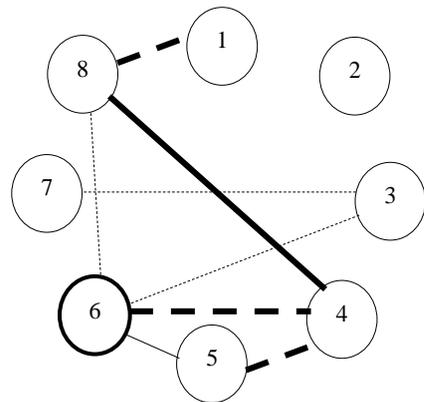

Рис. 4. Ранжирование параметров восприятия для текста-имитации (женский пол).

1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;

————— $p < 0,05; 0,37 < r < 0,47$;
 ————— $p < 0,01; 0,47 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,37 < r < -0,47$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,47 < r < -1$

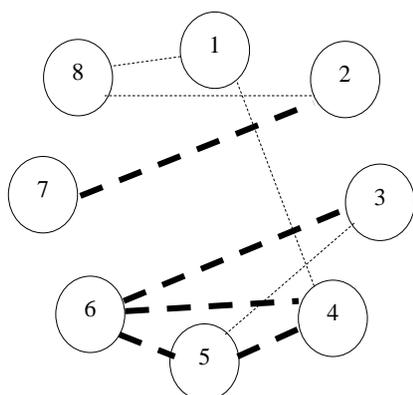

Рис. 5. Ранжирование параметров восприятия для текста-констатации (мужской + женский).

1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;

————— $p < 0,05; 0,27 < r < 0,37$;
 ————— $p < 0,01; 0,37 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,27 < r < -0,37$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,37 < r < -1$

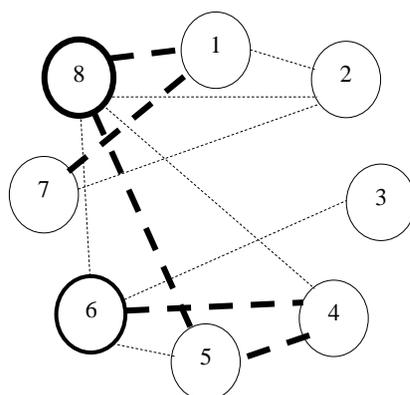

Рис. 6. Ранжирование параметров восприятия для текста-имитации (мужской + женский).

1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;

————— $p < 0,05; 0,36 < r < 0,46$;
 ————— $p < 0,01; 0,46 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,36 < r < -0,46$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,46 < r < -1$

Б) Стратегии оценивания. Вначале приведем коррелограммы оценивания сообщений. Далее представим вторичный статистический анализ.

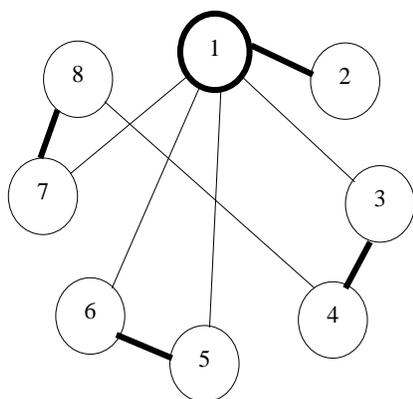

Рис. 7. Оценивание текста-констатации по параметрам восприятия (мужской пол).

1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;

————— $p < 0,05; 0,53 < r < 0,59$;
 ————— $p < 0,01; 0,59 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,53 < r < -0,59$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,59 < r < -1$

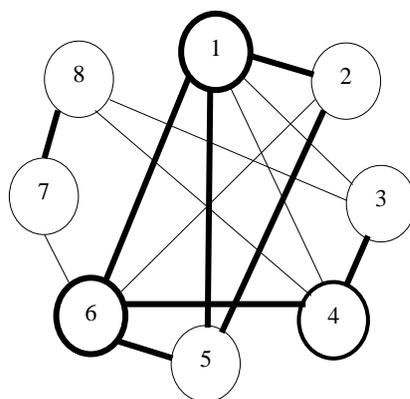

Рис. 8. Оценивание текста-имитации по параметрам восприятия (мужской пол).

1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;

————— $p < 0,05; 0,53 < r < 0,59$;
 ————— $p < 0,01; 0,59 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,53 < r < -0,59$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,59 < r < -1$

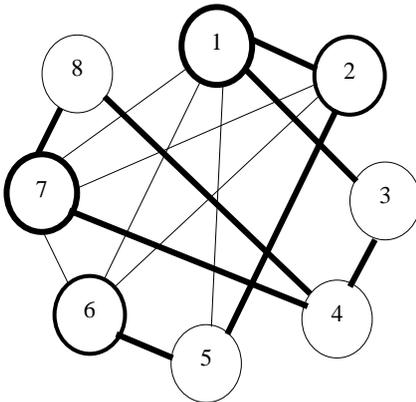

Рис. 9. Оценивание текста-констатации по параметрам восприятия (женский пол).
 1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;
 ————— $p < 0,05; 0,36 < r < 0,46$;
 ————— $p < 0,01; 0,46 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,36 < r < -0,46$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,46 < r < -1$

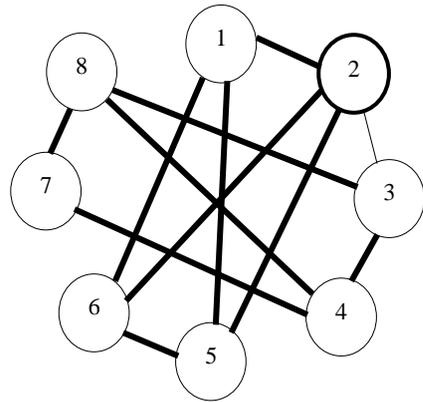

Рис. 10. Оценивание текста-имитации по параметрам восприятия (женский пол).
 1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;
 ————— $p < 0,05; 0,36 < r < 0,46$;
 ————— $p < 0,01; 0,46 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,36 < r < -0,46$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,46 < r < -1$

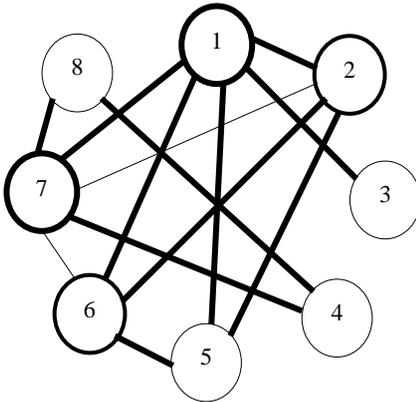

Рис. 11. Оценивание текста-констатации по параметрам восприятия (мужской + женский).
 1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;
 ————— $p < 0,05; 0,25 < r < 0,35$;
 ————— $p < 0,01; 0,35 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,25 < r < -0,35$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,35 < r < -1$

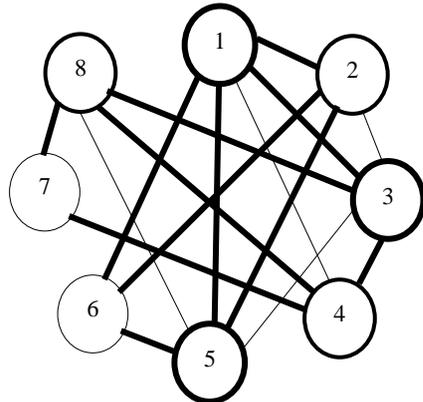

Рис. 12. Оценивание текста-имитации по параметрам восприятия (мужской + женский).
 1 – интерес; 2 – вовлеченность; 3 – понимание; 4 – логичность; 5 – переживание; 6 – эмоциональность; 7 – доверие; 8 – реалистичность;
 ————— $p < 0,05; 0,25 < r < 0,35$;
 ————— $p < 0,01; 0,35 < r < 1$;
 - - - - - $p < 0,05; -0,25 < r < -0,35$;
 - - - - - $p < 0,01; -0,35 < r < -1$

Рис. 7–11 демонстрируют сравнительный анализ стратегий оценивания констатирующего и имитационного текстов в зависимости от половых различий респондентов. Характерной особенностью стратегий оценивания этих сообщений в мужской группе являются следующие: если стратегия восприятия текста-констатации разворачивалась на основе *мотивационного вектора* оценивания с доминирующим смысловым узлом в параметре «интерес», то стратегия оценивания текста-имитации формировалась на основе *мотивационно-аффективного-когнитивного вектора* с ведущими смысловыми узлами в параметрах «интерес», «эмоциональность», «логичность».

Стратегии оценивания в женской группе респондентов отличались следующими особенностями: если стратегия оценивания текста-констатации формировалась на основе *мотивационно-аутентичного вектора* с привлечением аффективной направленности, а ведущими смысловыми узлами здесь выступали параметры «интерес», «доверие» и «эмоциональность», то стратегия оценивания текста-имитации не имела ярко выраженного оценочного вектора. Акцент в оценивании этого сообщения смещался в область *мотивационного вектора* с формирующимся смысловым узлом в параметре «вовлеченность».

Наконец, сравнительный анализ двух групп, вместе взятых, показал, что если стратегия оценивания текста-констатации разворачивалась на основе *мотивационно-аутентичного вектора* с привлечением аффективной направленности, а смысловые узлы находились в параметрах «интерес», «доверие», «вовлеченность», «эмоциональность», то стратегия оценивания текста-имитации смещалась в сторону *мотивационно-когнитивно-аффективного вектора*, а ведущие смысловые узлы были образованы параметрами «интерес», «понимание», «переживание», «вовлеченность», «логичность» и «реалистичность». Таким образом, можно наблюдать усложнение стратегии оценивания за счет числа входящих векторов, для текста-имитации. Можно видеть, что *мотивационный вектор* оценивания, в основе которого лежал смысловой узел в параметре «интерес» выступал в качестве устойчивого компонента, образующего стратегию оценивания.

Критерий Стьюдента для зависимых и независимых групп не выявил статистически значимых различий. Половые различия не влияли на степень оценивания текстов по всем параметрам. Единственное различие было обнаружено между женской и мужской группой по параметру «интерес», который в зависимости от содержания текста значимо отличался при $t = 2,255$, $p = 0,29$. Также степень интереса отличалась внутри женской группы, где $t = 3,038$ при $p = 0,005$. Интерес к неопределенно-правдивому тексту был выше, чем к лживому тексту. Отметим, что перед расчетом этой статистики вычислялся показатель нормальности для двух групп по всем шкалам оценивания. Данный показатель не отличался от функции нормального распределения случайной величины.

В) *Стратегии отбора*. Представим основные гистограммы, которые отражают частоты распределений отбора параметров.

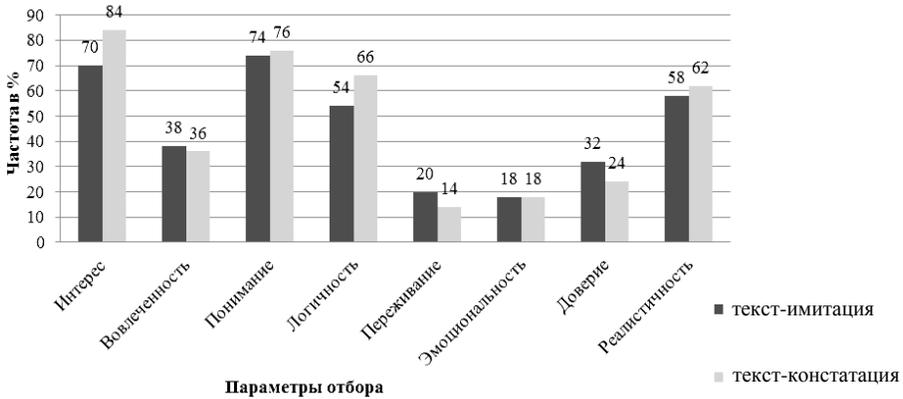

Рис. 13. Сравнение частоты распределения отбора параметров для двух текстов

На рис. 13 показана преобладающая частота отбора в зависимости от содержания текста для всех участников исследования. Основными параметрами отбора выступали *интерес* и *понимание* с привлечением *логичности* и *реалистичности*. Они же выступали в качестве доминирующих смысловых узлов восприятия для текста-констатации и текста-имитации. Вместе с тем частота отбора параметров «интерес» и «логичность» имела различия в зависимости от содержания текста. Интерес отбирался респондентами чаще для текста-констатации, чем для имитационного текста. Это подтверждается результатами вторичной статистики. Таким образом, избирательный вектор стратегии восприятия лживых сообщений находился в области *мотивационно-когнитивно-аутентичной* направленности.

Результаты сравнения распределений стратегий отбора в зависимости от числа входящих векторов восприятия (напомним, их распределение находилось в диапазоне от 1 до 4) по критерию хи-квадрат не выявили статистически значимых различий. В целом в обеих группах (мужской и женской) равномерно встречались двухвекторные *мотивационно-когнитивные* стратегии отбора и трехвекторные *мотивационно-когнитивно-аффективные* стратегии.

Г) *Уровень адекватности стратегий восприятия.* Тест хи-квадрат выявил значимые различия в степени адекватности восприятия текста-констатации. Эмпирическое значение $\chi^2 = 12,675$. Критическое значение $\chi^2 = 9,488$. Связь между факторным и результативным признаками статистически значима на уровне $p < 0,05$. Респонденты женского пола продемонстрировали более высокий уровень адекватности восприятия относительно текста-констатации. Относительно текста-имитации половые различия не оказывали влияния на распределение уровней адекватности восприятия.

Д) *Переосмысление значимости параметров.* Последнее, что следует описать, – это переосмысление значимости параметров восприятия текста-имитации. Ниже представлена гистограмма, иллюстрирующая эту сторону исследования (рис. 14).

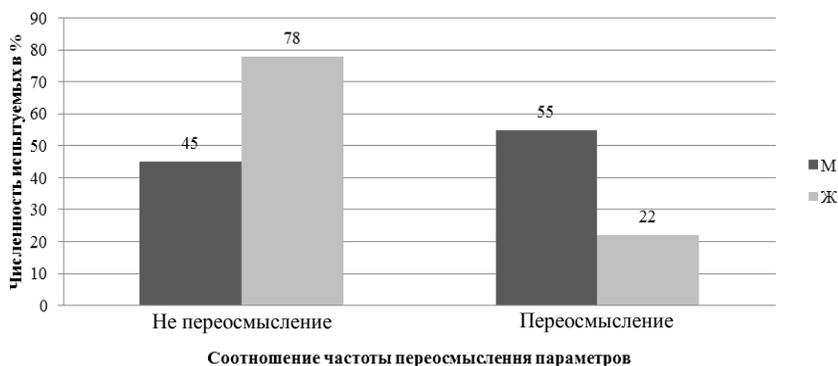

Рис. 14. Динамика переосмысления значимости параметров в зависимости от половых различий (текст-имитация)

Смысловой сдвиг мы определяли как несоответствие между процедурами ранжирования и отбора параметров восприятия. На гистограмме можно видеть, что переосмысление и переоценка значимости параметров в отношении восприятия имитационного содержания текста зависели от половых различий респондентов. В мужской группе переосмысление происходило в 55% случаев, в женской группе – у 22% респондентов. Соответственно, отсутствие динамики такого переосмысления было больше в женской группе (78%). В мужской группе отсутствие динамики наблюдалось в 45% случаев. Возникает вопрос: насколько данное отношение переосмысления восприятия к его отсутствию является неслучайным и зависит от половых различий? На основании проведенного хи-квадрат теста можно получены экспериментальное значение критерия $\chi^2 = 5,864$, критическое значение $\chi^2 = 3,841$. Это позволяет сделать вывод о значимости влияния половых различий на переосмысление параметров восприятия текста-имитации. Для текста-констатации такая динамика не была выявлена.

Обсуждение и анализ результатов

Полученные результаты экспериментального исследования, а также проведенный количественный и качественный анализ стратегий восприятия двух сообщений, включавших неопределенно-лживое и неопределенно-правдивое содержание, позволяет говорить о подтверждении гипотезы исследования. Такое подтверждение базируется на следующих выводах.

Во-первых, сравнительный анализ стратегий ранжирования показал, что они имеют тенденцию к усложнению. Усложнение зависит от половых различий респондентов и заключается в увеличении количественного состава интенциональных векторов, которые характеризуют стратегию на этой стадии. Стратегии ранжирования параметров для восприятия текста-констатации в женской группе присущ *когнитивный вектор* направленности с привлечением аутентичных и мотивационных векторов. В стратегиях ранжирования параметров в соответствии с текстом-имитацией акцент

смещается в сторону *аффективной* направленности с привлечением аутентичного и когнитивного векторов. Совершенно другую картину можно наблюдать для стратегий ранжирования параметров в мужской группе. Здесь основной особенностью стратегий для текста-констатации выступает неопределенный характер формирования стратегии. Для текста-имитации стратегия ранжирования определяется мотивационным вектором на основе интереса, вовлеченности и реалистичности содержания этого сообщения.

Во-вторых, дальнейшее формирование стратегии на стадии оценивания характеризует ее усложнение. Для мужской группы стратегия оценивания разворачивается на основе мотивационного вектора через призму интереса к тексту-констатации. Стратегия оценивания имитационного текста имеет более сложный характер и опирается на *мотивационно-аффективный вектор* с привлечением когнитивной направленности. Для женской группы стратегия оценивания текста-констатации разворачивается на основе *мотивационно-аутентичного вектора*. В этом случае смысловой узел находился в параметрах «интерес» и «доверие» к содержанию этого сообщения. В отношении к тексту-имитации можно отметить незначительное доминирование *мотивационного вектора*, в основе которого лежит вовлеченность в содержание сообщения.

В-третьих, независимо от половых различий выделяется инвариантное, устойчивое ядро, включающее *мотивационно-когнитивные смысловой узел и вектор* с привлечением аутентичной избирательной направленности, в основе которой лежит реалистичность сообщений. Устойчивость смыслового узла определяется интересом и пониманием текста-имитации и текста-констатации.

В-четвертых, адекватность стратегий восприятия лживых текстов различается в зависимости от половой принадлежности респондентов. В женской группе доминируют стратегии с *очень высоким* и *высоким* уровнем адекватности. В мужской группе преобладают стратегии с *высоким* и *средним* уровнем адекватности восприятия. Для текста-имитации подобных различий не обнаружено.

В-пятых, выявлено переосмысление значимости параметров восприятия для имитационного сообщения. В мужской группе такая динамика была выше, чем в женской. Респонденты мужской группы чаще демонстрируют несоответствия между первыми тремя рангами, которые были присвоены параметрам на стадиях ранжирования и отбора соответствующих параметров. В женской группе такое соответствие наблюдалось чаще. Для текста-констатации разница в динамике значимости не выявлена.

Таким образом, гипотеза о специфике стратегий восприятия лживых текстовых сообщений в зависимости от половых различий респондентов нашла свое подтверждение. На каждой из трех стадий измерения показаны тенденции к смысловому структурированию содержания текстов в соответствии с определенными параметрами восприятия. Такая структурированность продемонстрирована в разнообразных корреляционных рисунках и в отборе предпочитаемых параметров. Тенденции смыслового структу-

рирования выражаются в образовании на каждом из трех этапов соответствующих смысловых узлов и векторов, которые характеризуют избирательность и направленность восприятия сообщений. Выявлены устойчивые и вариативные смысловые узлы, которые выражают соответствующие отношения респондентов к двум видам текста. Такие формирующиеся узлы определяют тенденции к самоорганизации восприятия двух содержаний сообщения за счет смыслового структурирования на уровне их восприятия. По сути, продемонстрировано то, как формируются процессы упорядочивания лживых текстов на уровне восприятия посредством параметров порядка, которые в соответствии с теорией психологических систем [11] определяют динамическую устойчивость системы.

Тенденция к открытости восприятия содержанию лживых сообщений находит свое выражение в привлечении субъектом разнообразных направленностей, через которые воспринимаются текстовые сообщения. Чем большее число векторов привлекается в стратегию восприятия лживых сообщений, тем выше степень открытости субъекта содержанию подобного рода сообщений. Необходимо заметить, что полученные результаты исследования могут быть обобщены до некоторых пределов, ограничиваясь возрастом респондентов. Вместе с тем в будущих исследованиях целесообразно определить влияние и роль профессионального, образовательного факторов в формировании стратегий восприятия. Расширение исследований позволит также проверить и степень надежности экспериментальной методики.

Исследования смысловой организации сознания, процессов смыслообразования и смыслопорождения в ситуациях обмана и правды, представленных в разнообразных формах, видятся нам перспективным направлением дальнейших исследований.

Литература

1. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
2. Секацкий А.К. Онтология лжи. СПб.: Из-во СПб. ун-та, 2000. 204 с.
3. Ван Дорзен Э. Вызов подлинности по Хайдеггеру // Экзистенциальные традиции: философия, психология и психотерапия. 2006. № 8.
4. Егоров Д.М. Зависимость индивидуальных стратегий восприятия лжи от форм ее предъявления // Сибирский психологический журнал. 2016. № 60. С. 40–52.
5. Эрман П. Психология лжи. СПб. : Питер, 2010. 255 с.
6. DePaulo В.М., Kirkendol S.E., Kashy D.A., Wyer M.M., Epstein J.A. Lying in Everyday Life // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 70, № 5. P. 979–995.
7. Kirchhubel С. The acoustic and temporal characteristics of deceptive speech : submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. New York, 2013. 315 p.
8. Черкасова Ю.В. Особенности социально-психологической объективизации лжи субъектов будущей деятельности на основе ее детекции : дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 248 с.
9. Фрай О. Детекция лжи и обмана. СПб. : Прайм-Евроник, 2005. 320 с.
10. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблема становления ментального пространства личности : (введение в трансспективный анализ). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 174 с.

11. Клочко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, выпю 1. С. 165–178.

Поступила в редакцию 08.11.2017 г.; повторно 21.01.2018 г.;
принята 02.03.2018 г.

Сведения об авторе:

ЕГОРОВ Дмитрий Михайлович, аспирант Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: e_dima@bk.ru

SELECTIVE PERCEPTION OF DECEPTIVE MESSAGES IN DEPENDENCE TO THE GENDER

Siberian journal of psychology, 2018, 68, 46–61. DOI: 10.17223/17267080/68/3

Egorov Dmitry M., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: e_dima@bk.ru

Keywords: sex; perceptual strategy; attitude; semantic center; vector; focus; selectivity, deception.

The complication of information technology leads to the fact that today a person faces the problem of forming and maintaining an adequate attitude and perception of information messages. In the general information flow, elements of truth and deception are combined meaningfully. A number of specialists carried out studies of gender, sex differences and their impact on the ability to detect deception. We understand perceptual strategies as relationships, as trends that arise when interacting with a message. The trends characterize selectivity, which is described by means of the concepts of a semantic center and a vector of perception.

We understand the strategy of deception perception as a psychological system, which have a tendency to self-organization, complicity and openness. We singled out four types of semantic centers. The motivational semantic center is defined by the criteria of interest and involvement. The cognitive center is defined by the criteria of understanding and logic. The criteria that determine the affective center are experience and emotion, and for the authentic center the criteria are trust and realism.

The sample included 60 people, 30 women and 30 men. We offered them to compare two text messages and evaluate them according to eight parameters of perception. There were 4 consecutive operations on the parameters: ranging the parameters, estimating the texts, selecting the parameters for adequate perception and then secondary ranging of the selected parameters.

The experiment demonstrated that there are common and distinctive features in perception strategies for deceptive messages for men and women. A common feature is motivational cognitive selectivity and orientation. They are expressed in the respective motivational and cognitive centers and vectors of perception. The difference is in the adequacy level of ascertaining text perception strategy. The perception strategies of female respondents were characterized by a high and very high level of adequacy. The perceptual strategies of male respondents were characterized by a high and medium level of adequacy.

As a result of the conducted research, we revealed and described the trends to self-organization and openness of deceptive messages perception. The trend to self-perception was expressed in the semantic structuring of the deceptive message content. The trend to openness of perception was expressed in the increasing number and type of orientations in the strategies. The trends to self-organization and openness of perception are the main characteristics of the subject's selectivity with respect to deceptive messages.

References

1. Heidegger, M. (2003) *Bytiye i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Kharkov: Folio.

2. Sekatskiy, A.K. (2000) *Ontologiya lzhi* [Ontology of Lies]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Van Dorzen, E. (2006) Vyzov podlinnosti po Khaydeggeru [The Challenge of Authenticity by Heidegger]. *Ekzistentsial'nyye traditsiya: filosofiya, psikhologiya i psikhoterapiya*. 8.
4. Egorov, D.M. (2016) Relation between individual strategies of lie perception and forms of its presentation. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 60. pp. 40–52. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/60/3
5. Ekman, P. (2010) *Psikhologiya lzhi* [Telling Lies]. Translated from English by N. Isupova, N. Malgina, M. Mironov, O. Terekhova. St. Petersburg: Piter.
6. DePaulo, B.M., Kirkendol, S.E., Kashy, D.A., Wyer, M.M. & Epstein, J.A. (1996) Lying in Everyday Life. *Journal of Personality and Social Psychology*. 70(5). pp. 979–995. DOI: 10.1037/0022-3514.70.5.979
7. Kirchhubel, C. (2013) *The acoustic and temporal characteristics of deceptive speech*. For the Degree of Doctor of Philosophy. New York.
8. Cherkasova, Yu.V. (2009) *Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskoy ob"yektivizatsii lzhi sub"yektov budushchey deyatel'nosti na osnove yeye detektsii* [Socio-psychological objectification of lies of subjects of future activity on the basis of its detection]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
9. Vrij, A. (2005) *Detektsiya lzhi i obmana* [Detecting Lies and Deceit]. Translated from English by A. Ershova, O. Isakova, A. Kulakov. St. Petersburg: Praym-Yevroznak.
10. Klochko, V.E. (2005) *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problema stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti: (vvedeniye v transspektivnyy analiz)* [Self-organization in psychological systems: on formation of the mental space of the individual: (an introduction to transsexual analysis)]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Klochko, V.E. (2008) Postneklassicheskaya nauka i problema ob"yasneniya v psikhologii [Post-non-classical science and the problem of explanation in psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 3(1). pp. 165–178.

Received 08.11.2017;

Revised 21.01.2018;

Accepted 02.03.2018

УДК 159.9

DOI: 10.17223/17267080/68/4

С.В. Неклюдова, В.И. Кабрин

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Феноменологическое исследование формирования нового типа мобильного образа жизни личности в транскультуральной коммуникации

Проанализированы особенности основных компонентов феномена виртуальных гостевых сетей, лежащих в основе процесса конструирования самоидентичности на пересечении онлайн и офлайн миров, при помощи методов нарративной психологии на примере проекта Couchsurfing. Представлены результаты исследования транскультуральной группы из 10 стран и 17 городов России.

Ключевые слова: *каучсерфинг; психология мобильности; виртуальные гостевые сети; онлайн идентичность; эмпирический капитал; социальный капитал; теория взаимного альтруизма; космополитическая идентичность; доверие; нарративная психология.*

Введение

Современная интернет-революция уже охватила все сферы жизни общества. Игровые анимации, имитирующие реальную жизнь, а также активно конструирующие искусственные виртуальные миры, ощутимо замещают аутентичную коммуникацию и жизнь людей, особенно молодежи. Такая активная вовлеченность молодых людей в новые, необычные и весьма привлекательные «эрзац-реальности» заостряет базовые проблемы поддержания эффективности аутентичной личности, ее развития и самореализации именно на пересечении межличностных и интернет-миров. Это особенно показательно в современном альтернативном туризме.

Изменения в туризме, связанные с развитием современных технологий, привели к возникновению новых форм туристических практик и способов путешествия. В результате «мы являемся свидетелями реванша кочевого стиля жизни над принципом территориальности и оседлости» [1]. Одним из таких новых феноменов стали виртуальные гостевые сети [2. С. 154]. Путешественники всегда одними из первых тестируют новые коммуникационные технологии. На смену термину «флешпэкер», ранее употреблявшемуся по отношению к самостоятельным путешественникам, активно использующим новые технологии, приходит термин «бэкпэкер» (backpacking), также описывающий самостоятельные путешествия с рюкзаком в поисках аутентичного опыта, совершаемые туристом за небольшие

деньги, чаще всего принципиально отказываясь от услуг туроператоров, наиболее распространенные среди молодежи.

Достижения в области сетевых онлайн технологий дают новые возможности единения не только между друзьями, но и между незнакомыми людьми. В качестве яркого примера проявления глобального интернет-сообщества, опирающегося на принципы доверия и взаимобмена, можно привести международную сеть гостеприимства Couchsurfing. На сегодняшний день каучсерфинг является наиболее популярной виртуальной гостевой сетью и объединяет более 14 млн человек из 200 тыс. городов планеты. Он представляет собой веб-сайт, на котором зарегистрированы люди из разных стран мира, готовые бесплатно предоставить жилье и оказать помощь друг другу во время путешествия [3].

В этом контексте исследование современного альтернативного туризма, в котором происходит реальная встреча сетевых (on-line) и межличностных (off-line) коммуникативных миров его участников, приобретает особое прогностическое значение.

Постановка проблемы

Пространственные отношения в современном мире быстро сокращаются, движение человека внутри и между странами находится на небывало высоком уровне. Но проблемы мобильных людей остаются прежними, а статистические данные не передают человеческих переживаний, мотивов, ценностей, надежд, страхов и активного поиска идентичности в данном процессе [4]. Психология мобильности в информационный век поможет расширить возможности человеческого развития. Современному обществу нужна мобильная личность, готовая к любым изменениям и новшествам. Существует крайняя необходимость в новых исследованиях психологических основ мобильности.

Каучсерфинг стал заметным лидером в мире альтернативного туризма и интересным источником для антропологического исследования. Кроме всего прочего, этот феномен возникновения межличностных отношений в Интернете, на наш взгляд, интересен тем, что в нем происходит пересечение виртуального и реального миров. Однако, несмотря на стремительное распространение этой новой социокультурной практики, она относительно редко является предметом серьезных исследований и научных дискуссий в России. Одна из причин этого – отсутствие метаязыка описания новых типов мобильности как социокультурного феномена и объекта трансдисциплинарного изучения. Между тем появление новых форм мобильности – это фактор серьезных антропологических изменений, проявляющихся в социальной, материальной и духовной культуре, а также формирования абсолютно новых типов коммуникативной идентичности, в связи с чем в данной работе будет рассмотрен психологический дискурс исследования современной формы альтернативного туризма, а также возможные перспективы и последствия для человека и общества в целом.

Из литературных данных следует, что идеологическая заданность дискурса мобильности отличается пронизанностью либеральными ценностными установками; человек данного типа принципиально открыт для межкультурных и иных транснациональных коммуникаций, свободно владеет разными языками, легко передвигается по миру, ориентируется в глобальном рыночном пространстве, новых информационных технологиях, новинках потребительской культуры, плотно включен в социальные и политические сети. Идеология каучсерфинга основывается на интересе участников сообщества к путешествиям и взаимопомощи. Стремление путешествовать подразумевает наличие определенных ценностей и установок, таких как значимость познания нового, открытость и солидарность. Большинство каучсерферов не считают себя «типичными» представителями своей национальности. Космополитическими убеждениями характеризуются, как правило, мобильные, любопытные, непредвзятые и рефлексивные индивиды, способные видеть и отмечать ценность индивидуальных различий.

Этот феномен возникновения межличностных отношений в каучсерфинге интересен тем, что в нем происходит пересечение виртуального и реального миров. Этим определяются гипотезы исследования, выдвигаемые на основании нашей предыдущей работы, в которой был проведен теоретический анализ проблемы [5]:

1. Активное участие в проекте «каучсерфинг» будет способствовать росту социального капитала, помогать укреплению положительной репутации и чувства общности, отсутствию предубеждений, открытости по отношению к разнице и» как следствие» конструированию космополитичной идентичности, снижению нетерпимости и росту межкультурного понимания.

2. Коммуникация посредством проекта «каучсерфинг» будет отличаться направленностью на более тесный контакт с местными жителями; объединяющим ядром станут смысловые отношения между людьми, способствующие формированию так называемого эмпирического капитала. Как результат такого обмена опытом возникают четыре типа эмпирического капитала, которые должны способствовать саморазвитию и самосовершенствованию: повышение самооценки, познание, внутреннее ощущение тепла от помощи другим и самоаутентификация.

3. Поскольку мотивация хозяев должна отличаться сознательным отказом от материального вознаграждения, в ряде вопросов мы должны обнаружить альтруистическую заданность ключевых тем.

4. В контексте проекта «каучсерфинг» мы увидим смесь из эгоистических и альтруистических побуждений, лежащих в основе просоциального действия; данная гипотеза была также выдвинута в качестве основания в теории взаимного альтруизма.

5. Аутентичность переживаний участников тесно связана с таким качеством, как спонтанность, что, в свою очередь, будет служить маркером индивидуализированного опыта каучсерферов.

6. Отрицательные отзывы – довольно редкое явление в мире каучсерфинга.

Материалы и методы исследования

Для полноценного исследования психологических аспектов туристического опыта участников проекта, влияющего на существенные изменения современной личности, в качестве методологической основы нами был выбран нарративный подход. Основную идею нарративной психологии можно сформулировать так: человек конструирует свою самость, когда повествует о своей жизни и придает ей смысл в процессе и с помощью своей личной истории. Идеи нарративной психологии близки к экзистенциальным идеям о важности смысла и звучат как конструирование самости через нарратив и придание смысла жизни через смысл истории. Нарративная психология основывается на предположении, что человеческий опыт и поведение обладают значением, и для того, чтобы понять нас самих и других людей, нам необходимо исследовать системы и структуры значений, которые формируют качества нашего мышления, коммуникаций и коммуникативных миров. В этой связи модель «идентичности как жизненной истории», разработанная Д. МакАдамсом [6, 7], представляет собой эффективный метод получения основных характеристик самоидентичности качучсерферов. Она позволит выстроить и проанализировать процесс конструирования самоидентичности личности на пересечении ее онлайн и офлайн коммуникативных миров.

Поскольку глобальные туристские потоки влекут тотальное освоение культурного пространства, турист, пребывая в различных дестинациях, сравнивает социокультурные системы, проводит тем самым компаративный анализ образов неизвестных культур. Ценность путешествия важна как экзистенциальный опыт познания и сравнения культурного пространства различных культур. Так как феномен туризма предполагает свободу выбора, из всего многообразия социокультурного быта человечества мы можем понять основное направление и перспективу развития личности человека ближайшего будущего.

В исследовании приняли 35 человек: 20 респондентов из 17 городов России, 4 респондента из Украины, 2 респондента из Казахстана, 1 из Андорры, 1 из Швейцарии, 1 из США, 2 из Латвии, 1 из Турции, 2 из Германии и 1 респондент из Хорватии. Выборку исследования составили 23 женщины в возрасте от 20 до 28 лет и 12 мужчин от 21 до 40 лет. Дата присоединения к проекту варьирует от 2009 до 2017 г., средняя продолжительность участия 3,7 года. Среднее количество положительных отзывов на 1 участника – 24,5. В среднем на одного человека приходится 7 отзывов от гостей, 8 отзывов от хозяев и 8 личных отзывов. Отрицательных отзывов среди профилей респондентов обнаружено не было, что подтверждает шестую гипотезу. Статус «не принимаю гостей» на своей странице установили 8 человек; «хочу встретиться» – 10 человек; «возможно принимаю гостей» – 11 человек; «принимаю гостей» – 6 человек. Высшее образование имеют 24 человека, верифицированных пользователей – 10 человек. В оценках друг друга пользователи наиболее часто отмечают, что их гость

или хозяин был дружелюбным ($\mu = 5,17$), веселым ($\mu = 3,91$), готовым пойти навстречу ($\mu = 2,94$), тактичным ($\mu = 2,69$), ответственным ($\mu = 2,51$), хорошо информированным ($\mu = 1,91$), проявлял уважение ($\mu = 1,74$), много знает ($\mu = 1,49$). В среднем один респондент в той или иной степени владеет тремя языками и имеет 35 друзей в своем профиле.

Обсуждение результатов исследования

Анализ личных нарративов, в соответствии с предложенным Д. МакАдамсом методом, начинается с чтения и ознакомления с целью получить общее представление о возникающих и значимых темах в тексте [6]. Второй шаг – получить представление о важных элементах «личного нарратива». Согласно МакАдамсу, их три: тон повествования; образы; темы. Тон повествования может быть оптимистичным или пессимистичным. История может быть оптимистичной потому, что в ней происходят хорошие события, или, даже несмотря на то, что случается что-то плохое, человек надеется, что все наладится. История может быть пессимистичной потому, что в ней происходит что-то плохое или человек видит хорошие события в негативном свете [6, 7]. МакАдамс, основываясь на результатах исследований, пришел в выводу, что наибольшее влияние на тон повествования оказывает тип отношений привязанности, которые сложились у человека в детстве – давали ли они человеку чувство безопасности. 33 респондента нашего исследования имеют оптимистичный тон повествования, и только нарративы двух испытуемых отличаются пессимистичным тоном, что вполне объясняется типом отношений привязанности, сложившихся в их семьях.

Следующий шаг в понимании личного нарратива заключается в исследовании уникальных способов использования образов для понимания того, кто есть человек. Необходимо понять природу их происхождения и формирования. Некоторые психологи, как пишет М. Кроссли в своей книге «Нарративная психология», считают, что образы, которые люди используют во взрослом возрасте, в значительной степени сформированы комплексной семейной динамикой в первые 3–4 года жизни ребенка. Задача, которая стояла перед нами: попытаться определить, связаны ли образы с семьей респондента либо же их источник – это дискурсы (мораль, ценности, система верований), доминирующие в обществе, в котором он живет. Образы, связанные с семьей, фигурировали в историях 25 испытуемых; образы, связанные с дискурсами, доминирующими в обществе, были обнаружены у 10 респондентов выборки. После основных образов МакАдамс рекомендует обратить внимание на темы, преобладающие в личном нарративе, некие паттерны, лежащие в основе событий, которые мотивировали или были особенно важны. По его мнению, двумя ведущими темами являются власть (стремление к активности и независимости) и любовь (стремление к связи и зависимости). Интерпретируя автобиографическую историю необходимо понять, что она говорит о мотивах, показывает, насколько

человек движим властью или любовью. В нашей выборке удалось определить 22 человека, движимых стремлением к связи и зависимости, и 13 человек, движимых стремлением к активности и независимости.

Наконец, заключительным шагом исследования является детальный анализ всех вопросов интервью с целью идентификации ключевых образов и тем. Интервью, предложенное МакАдамсом содержит семь вопросов: главы жизни, ключевые события, значимые люди, сценарий будущего, стрессы, проблемы и тема жизни [6]. В англоязычной версии отсутствует вопрос о значимых людях [7]. В таблице приведен выявленный нами на основании контент-анализа список общих для всей структуры интервью тем на примере нашей выборки участников проекта «каучсерфинг».

Идентификация ключевых жизненных тем

Тема	Частота упоминания
Поиск дружеских связей, потребность принадлежать	247
Потребность суждения – увлеченность «вечными вопросами»	185
Гностические потребности и потребности во внешних впечатлениях (познавательные), удивление и любознательность	184
Автономия	147
Потребность достижения, потребность утвердить свою силу	139
Потребность в уважении и поддержке	124
Коммуникативные потребности, потребность находится среди людей, или «стадный» инстинкт (стремление к общению)	122
Романтические (потребность в необычном, неизведанном) и стремление к новому опыту	119
Витальные душевные влечения к путешествиям (Голдштейн)	98
Социальность	92
Гедонистические (потребность в комфорте, безмятежности)	86
Эстетические (потребность в прекрасном)	62
Альтруистические (потребность совершать бескорыстные действия)	58
Потребность поиска покровителя – ожидание совета, помощи; беспомощность, поиск утешения, мягкого обращения	54
Потребность преодоления поражения, неудачи	54
Глорические (потребность в признании собственной значимости)	47
Потребность оказания помощи	45
Инстинкт созидания – стремление к активности	43
Воодушевление – самоутверждение	38
Пассивное повиновение – подчинение силе, принятие судьбы, признание собственной неполноценности	37
Инстинкт продолжения рода	34
Акquisитивные (потребность в накоплении, приобретении)	30

Окончание таблицы

Тема	Частота упоминания
Потребность игры – желание развлечений, беззаботность	30
Агрессия – стремление словом или делом опозорить, осудить, поиздеваться, унижить, гнев	28
Отвержение других или отвращение – неприятие, отторжение к чему-то	26
Потребность избегания наказания – сдерживание собственных импульсов с целью избежать наказания, осуждения; потребность считаться с общественным мнением	26
Инстинкт самосохранения (страх) – (бегство) или потребность избегания опасности	22
Аполитичность, индифферентность	20
Потребность порядка – стремление к аккуратности, упорядочению, точности, красоте	19
Потребность быть в центре внимания	19
Практические (потребность в результативности усилия)	18
Смушение – самоуничижение	18
Родительский инстинкт	15
Доминантность – стремление контролировать, оказывать влияние, направлять, убеждать, препятствовать, ограничивать	14
Духовные потребности	13
Потребность самозащиты – трудности с признанием собственных ошибок, стремление оправдаться ссылками на обстоятельства, отстаивать свои права; отказ от анализа своих ошибок	13
Эгоизм	13
Тема смерти	11
Пунические (потребность в соревновании)	11
Космополитическая идентичность	3
Пищевой инстинкт (голод)	2
Чувство юмора	1
Поиск собственной идентичности	1

Первый вопрос – **главы жизни**. Здесь нами будет приведен общий список тем и соответствующих им образов. Тема *«Поиск дружеских связей, потребность принадлежать»* представлена следующими образами: «чувство, что любовь существует и нельзя заводить семью без любви»; «родственная душа, с которой мы знакомы уже не одну жизнь»; «окружение себя единомышленниками и некое сотворчество с хорошими людьми»; «влюбленность подтолкнула меня сделать этот шаг в мир самостоятельных путешествий». Тема *«Гностицистские потребности и потребности во внешних впечатлениях, удивление или любознательность»* представлена такими образами: «жажда постоянной смены мест ради познания нового-

лишь-бы-чего заменяется стремлением познать внутренний мир и быть рядом с единомышленниками; «я решил не просто путешествовать, а активно расширять кругозор, изучать жизнь, развиваться как личность, устраивать себе испытания, рассматривать трудности как шанс измениться и что-то понять, здесь на помощь пришел каучсерфинг»; «иностранные языки, изучение культур теоретически и практически посредством путешествий и общения с представителями разных национальностей». Тема *«Коммуникативные потребности, потребность находится среди людей, или “стадный” инстинкт»*: «знакомлюсь с интересными людьми»; «я познакомилась с удивительными, творческими, свободными людьми»; «чуть позже я поняла всю прелесть встреч и общения именно с местными людьми»; «обзавестись уютным местом, где мы будем встречать путешественников и обмениваться историями». Тема *«Автономия»* представлена образами: «мы впервые решили путешествовать самостоятельно»; «всю свою жизнь я пытался вырваться из-под ее опеки и установить собственную автономию»; «этим же отчасти были продиктованы и мои путешествия»; «чем меньше ярлыков, тем глубже может оказаться содержание»; «свободная женщина, живущая путешествиями, способная на сумасшедшие поступки, гораздо больше улыбок, чудес и прекрасных знакомств по всему миру»; «пришло осознание почти полной свободы в действиях и безграничности возможностей, с путешествиями зона комфорта стала расширяться до размеров городов, страны, а потом даже вышла за ее пределы». Тема *«Витальные душевные влечения к путешествиям»*: «путешествие, открытие мира – что-то нереальное, первый раз за границей»; «мечта подросткового возраста о путешествиях по всему земному шару превратилась в образ жизни»; «поездка в США перевернула мое сознание, я открыла для себя, что мир не ограничен Россией, он огромный и интересный»; «Все мои мечты связаны с путешествиями. Именно там я чувствую себя счастливой. Это именно то, чего я хочу больше всего. Это то, без чего я начинаю впадать в депрессивные настроения, как без топлива».

Тема *«Потребность достижения, потребность утвердить свою силу»* выражена следующим: «я начал добиваться высоких результатов в своем хобби»; «доказать себе и всем, что я могу»; «получаю статус амбасадора; круто прибавляет самооценки». Тема *«Романтические (потребность в необычном, неизведанном) и стремление к новому опыту»* представлена такими образами: «новые страны, новые знакомства, открытия, конечно же, новые трудности; впоследствии новая работа»; «отпуск в неизвестности»; «первые месяцы было интересно исключительно из переживания нового, незнакомого опыта»; «моя полугодовая британская виза лишала меня сна, и мне необходимы были новые приключения»; «я впервые отправилась в путешествие автостопом, открыла для себя каучсерфинг и, соответственно, много новых мест и новых людей». Тема *«Гедонистические (потребность в комфорте, безмятежности)»*: «рай на Земле, два дня полного блаженства и истинного счастья»; «переживание тотального счастья»; «быть счастливым и наслаждаться жизнью»; «я наслаждался рядом

приятных чувственных переживаний»; «наслаждаться моментом здесь и сейчас», «Просто жить и ловить момент». Тема *«Потребность в уважении и поддержке»*: «за этим стоит то, что я действительно хотела – сообщество единомышленников; это имело для меня самое важное значение»; «на данный момент весь мир воспринимается как большой дом, в котором всегда найдутся близкие люди, которые помогут и поддержат тебя». Тема *«Инстинкт созидания – стремление к активности»* представлена такими образами: «я поняла, что размеренная обывательская жизнь не для меня, что я хочу большего, хочу постоянно развиваться и не сидеть на месте»; «в атмосфере творческого полета и попытке разбудить сонный город прошли следующие пять лет моей жизни; тогда же я узнала про каучсерфинг и начала активно принимать гостей»; «активно участвовать на всех мероприятиях... был активистом на многих событиях»; «в будущем, надеюсь, мои книги и фильмы смогут помочь хотя бы нескольким людям справиться с трудностями, определиться в каких-то вещах или попросту будут вдохновлять». Тема *«Потребность суждения – увлеченность “вечными вопросами”»*: «интересно, что в жизни нет лишних событий или не тех»; «Мир – это книга. И кто не путешествовал по нему – прочитал в ней только одну страницу»; «Такие встречи подтверждают некоторые мировоззренческие позиции, веру в позитивную глобализацию и вообще в гуманность в мире. Это важно и очень ценно»; «если ваши убеждения не меняются, значит, вы не растете»; «двустороннее движение заложено в природе, чтобы дереву поднять и вырасти к небу, ему нужно сначала опустить свои корни глубоко в землю, и закрепиться правильно?.. Тоже самое с человеком, чтобы человеку подняться и возвыситься, ему нужно сначала опуститься вот в самое самое глубокое – ад; чтобы понять, что такое свет, нужна ночь»; «прожить свою жизнь так, чтобы быть не хуже, чем я был при рождении, как можно более приближенным к этому состоянию невинного ребенка»; «то, что вы ищете, тоже ищет вас».

Тема *«Эстетические (потребность в прекрасном)»* представлена следующими образами: «Тепло, уютно, красивейшая природа, вкуснейшая рыба, а на небе столько звезд... Я никогда нигде больше такого звездного неба, как на Байкале, не видела. Любовалась им, лежа у костра и слушая, как ребята поют под гитару. Гармония и счастье»; «моменты единения с природой»; «озеро Табацкури, где время остановилось»; «природа всегда умиротворяет меня»; «лежал на траве, наблюдая за ночным небом, и связывал каждую мелочь, которую я знал о жизни, людях, мире и всех религиях в нечто одно большое». Тема *«Потребность игры – желание развлечения, беззаботность»*: «была без ума от свободы, очарована своим каучем, отпустила в отпуск все серьезные мысли и однажды даже застала себя в таверне, пробующей виноградную водку в компании башмачника, исследователя и кузнеца». Тема *«Альтруистические (потребность совершать бескорыстные действия)»*: «бизнес по доставке я подарил другу»; «быть очень богатым и заняться благотворительностью»; «когда я выступаю хостом, то помогаю людям с жильем и многими другими вещами /

услугами, в которых нуждаются путешественники», «для меня это выглядит больше не как помощь, а часть мироздания – ты что-то даешь и что-то получаешь, “круговорот добра”, хотя правильнее будет сказать “круговорот энергии”»; «стремление сделать мир лучше; делать хоть немножко заметные вещи, облегчить жизнь пусть даже небольшому числу других людей». Тема *«Потребность быть в центре внимания»* определена такими образами: «чтобы после моей смерти меня помнили несколько миллиардов человек»; «я был популярен у школьников». Тема *«Потребность преодоления поражения, неудачи»*: «самый контрастный период в моей жизни, оставивший отпечаток на всю жизнь и изменивший в дальнейшем мой характер и мировоззрение в лучшую сторону»; «данный печальный факт меня не опечалил, началась пора великих путешествий, пожалуй, переломный момент жизни». Тема *«Воодушевление – самоутверждение»*: «не желая больше терпеть несправедливость, я сам взялся за штурвал своей жизни и направил корабль к новым горизонтам»; «эти мысли помогают мне достигать успехов и вдохновили на новую идею, которой еще нет в мире».

Тема *«Социальность»* представлена следующими образами: «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека»; «дай другому быть другим»; «социум является самой важной ценностью в жизни»; «человек, который встречает людей, проходит через чью-то жизнь, помогает, учится и становится чем-то большим», «не может мгновенно изменить мир, но он может изменить сердца людей», «показать им доброту и дать им проявить свою доброту». Тема *«Глорические (потребность в признании собственной значимости)»*: «Такой гений всех времен и народов обратил на меня внимание!», «появилось чувство некоторой своей исключительности»; «я живу ради достижения цели – попасть в историю»; «быть нужным в мире, оставить какой-либо “след”, хоть что-то после себя, а также менять мир к лучшему». Тема *«Пассивное повиновение – подчинение силе, принятие судьбы, признание собственной неполноценности»* характеризуется так: «все считают тебя маленькой и относятся, как к соплячке – и ты ничего не можешь сделать так, как хочешь ты»; «а может, чувствую, что уже не способен на такие подвиги; но и создавать что-то здесь, где я живу, и заниматься здесь чем то продуктивным у меня также нет мотивации»; «Было понятно, что это конец. Какое-то твердое ощущение, что мы не выберемся из этой истории»; «когда это случилось, я просто принял эту ситуацию». Тема *«Потребность оказания помощи»*: «обожаю помогать людям по всяким пустякам, лезть со своей гипертзывчивостью, они потом обычно такие счастливые, когда осознают, что не одиноки»; «я делаю добро, параллельно пытаюсь кому-то что-то помогать»; «это самое главное, что ты можешь сделать – быть рядом, когда ты нужен»; «насчет помощи другим людям – я всегда готова это сделать и без всякого предварительного плана». Тема *«Акзитивные (потребность в накоплении, приобретении)»*: «двухэтажный дом на берегу моря»; «экономить», «подробные планы расходов»; «покупка автомобиля и жилья»; «ожидания связаны с помощью родителей финансами»; «зарабатывать голосом большие день-

ги, которых мне хватит даже на покупку квартиры». Тема *«Инстинкт продолжения рода»* представлена такими образами: «Создать семью»; «встреча любимого в аэропорту из долгой командировки, беременность и рождение сына»; «женится в возрасте 28 лет и завести 2–3 детей к 30 годам»; «заглядывая дальше, хочется примерить на себя и навсегда оставить роль любящей жены и матери». Тема *«Инстинкт самосохранения (страх) – (бегство) или потребность избегания опасности»*: «больше не может быть ребенком, он должен расти, война на пороге», «переход к чувству постоянной потери и страх перед неизвестным»; «попытки бегства из-за того, что не видела другого выхода». Тема *«Смущение – самоуничтожение»*: «я чувствовал себя никудышным, последним человеком в мире, недостойным любви»; «с того момента все мои силы и все мое внимание были направлены на то, чтобы избавиться от ощущения собственной никчемности и вернуть самоуважение». Тема *«Отвержение других или отращивание – неприятие, отторжение к чему-то»*: «после этого сложно начинать новые отношения, верить мужчинам, доверять свои чувства», «они все тупые, как пробки», «мне тут не интересно и нечего с ними делать», «я отдалилась»; «чем дальше, тем больше было это разочарование; и сильнее чувство одиночества»; «Турция – полное недоверие незнакомым людям». Тема *«Практические (потребность в результативности усилия)»*: «начал понимать, что так не пойдет, иначе можно всю жизнь проноситься и толком не пожить». Тема *«Пугнические (потребность в соревновании)»* представлена следующим: «ездил на различные олимпиады, даже было участие на конкурсе пения»; «я был чемпионом по программированию сайтов в своей многомиллионной республике». Тема *«Тема смерти»*: «скоростижно умирает», «я пытаюсь самоубиться, но неудачно»; «у меня умер отец».

Если опираться на мотивационную теорию Ж. Нюттена, то здесь мы увидим потребности, относящиеся ко всем трем уровням психической жизни: психофизическому (потребность жизненного развертывания и биологического контакта), психосоциальному (потребность развертывания личности и психосоциального контакта), экзистенциальному (потребность экзистенциального поддержания и универсальной интеграции), что говорит о гармоничном «Я» участников проекта, прогрессивной интеграции, преодолевающей конфликты и лежащей в основе развития личности.

Второй вопрос – **ключевые события** – содержит несколько подпунктов. В *пиковые моменты* общее стремление к дружбе и любви, страдание при отсутствии дружеских отношений, потребность в уважении и поддержке, коммуникативные потребности и потребность находиться среди людей, стремление к общению сопровождаются общим воодушевлением и даже самоутверждением. Человек в такие моменты не перестает ставить общие вопросы или отвечать на них, увлечен «вечными вопросами», испытывает потребность достижения, стремится преодолеть нечто, превзойти других, сделать что-то лучше, достичь высшего уровня в некоем деле, быть последовательным и целеустремленным, утвердить свою силу, стремиться к автономии. Влечение к путешествиям неразрывно связано с гно-

стическими потребностями, потребностями во внешних впечатлениях, искренним удивлением и любознательностью, потребностью в необычном, неизведанном, стремлением к новому опыту. Открытость человека новым изменениям, возможность самостоятельного выхода в культуру и избирательного взаимодействия с ней позволяют ему стать подлинным субъектом жизнеосуществления и приводят к тому, что он постепенно обретает такое качество, как суверенность. Потребность человека как биосоциального существа в оптимальной и гармонической деятельности всех его уровней и систем на данном этапе реализуется в различных формах эстетической деятельности. Лучшим лекарством для человека, испытывающего эстетические потребности, является красота. У таких людей потребность в выражении себя может быть приоритетней физиологических потребностей.

В моменты спада, несмотря на общее стремление к дружбе и любви, страдание при отсутствии дружеских отношений, потребность в уважении и поддержке, нередко возникает и желание отвергнуть попытки сближения, замкнуться. Здесь наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, мы видим тех, кто пытается преодолеть поражение с акцентом на самостоятельность в действиях, встречаем индикаторы автономии, стремление освободиться от всяких ограничений: от опеки, режима, порядка и пр. С другой стороны, есть тенденция к подчинению силе, принятию судьбы, интрапунитивности, признанию собственной неполноценности.

Стремление к дружбе, любви, добрая воля, симпатии к другим, страдание при отсутствии дружеских отношений, желание сблизить людей, устранить препятствия в поворотных моментах сопровождаются стремлением ставить общие вопросы или отвечать на них, склонностью к абстрактным формулам, обобщениям, увлеченностью «вечными вопросами» и пр. Стремление преодолеть нечто, превзойти других, сделать что-то лучше, достичь высшего уровня в некоем деле, быть последовательным и целеустремленным в большинстве случаев характеризуется еще и акцентом на самостоятельность в действиях, стремлением освободиться от всяких ограничений. Любознательность рождает потребность во внешних впечатлениях и познавательные потребности.

Гедонистические потребности, представленные в самых ранних воспоминаниях, сочетаются с коммуникативными потребностями и стремлением к дружбе и любви. Существует мнение о том, что гедонистическая ценность возникает из способности индивида выражать эмоциональную реакцию, такую как «повышенное возбуждение, высокая вовлеченность, воспринимаемая свобода, исполнение фантазий и абстрагирование от реальности» [8]. Позитивные воспоминания из детства отличаются потребностью в комфорте, безмятежности, предпочтением игры всякой серьезной деятельности, желанием развлечений, изредка любовью к остротам; иногда сочетаются с беззаботностью, безответственностью. Негативные воспоминания от других воспоминаний детства отличают ожидание совета, помощи, беспомощность, поиск утешения, мягкого обращения, а также стремление ставить общие вопросы или отвечать на них, склонность к аб-

страктным формулам, обобщениям, увлеченность «вечными вопросами» и пр. Тема «*Потребность поиска покровителя*» представлена такими образами, как «мама наказывает меня ремнем». Преобладание темы коммуникативных потребностей, потребность в уважении, поддержке и поиске дружеских связей является важным индикатором правильного социокультурного развития ребенка и, безусловно, влияет на формирование видения мира.

Среди *важных воспоминаний юности* преобладают ориентация на поиск дружеских связей, коммуникативные потребности, стремление освободиться от всяких ограничений (опеки, режима, порядка), превзойти уже достигнутые результаты и соревноваться в этом плане с другими людьми или с самим собой, потребность достижения. Инстинкт продолжения рода находит свою реализацию в первом сексуальном опыте и первом опыте отношений с противоположным полом. Вместе с тем уже начинают зарождаться потребность в необычном и неизведанном, стремление к новому опыту, которые в период зрелой жизни выйдут на первый план.

Воспоминания о взрослой жизни отличаются потребностью в необычном и неизведанном, стремлением к новому опыту в сочетании с познавательными потребностями. Можно сказать, что высокий уровень влечения к путешествиям, коммуникативные потребности и поиск дружеских связей отлично служат данной цели. Наряду с этим одной из важных тем во взрослой жизни является тема достижения. Человек, ведомый такой потребностью, имеет тенденцию улучшать достигнутый уровень, переживает успех от своей деятельности, стремится завершить работу любой ценой, настойчив в преодолении препятствий.

В ответах на вопрос, касающийся *событий, в которых респонденты проявили мудрость*, преобладают образы, идентифицирующие стремление к дружбе и любви, симпатию к другим, страдание при отсутствии дружеских отношений, желание сблизить людей, устранить препятствия, которые сопровождаются желанием оказать помощь, забвением собственных интересов во имя группы, альтруистической направленностью, благородством, уступчивостью, заботой о других. Стремление преодолеть нечто, превзойти других, сделать что-то лучше, достичь высшего уровня в некоем деле, быть последовательным и целеустремленным также находит свое отражение в тексте.

В *религиозном, духовном и мистическом опыте* кроме гностических потребностей появляются такие значения, как потребность в прекрасном, стремление к аккуратности, упорядочению, точности, красоте, которые, в свою очередь, вероятнее всего и являются причиной стремления ставить общие вопросы или отвечать на них, склонности к абстрактным формулам, обобщениям, увлеченности «вечными вопросами» и пр. Кроме всего прочего, здесь также наблюдаются лейтмотив забвения собственных интересов во имя группы, альтруистическая направленность, благородство, уступчивость, забота о других и стремление к дружбе и любви, симпатия к другим, страдание при отсутствии дружеских отношений; желание сблизить людей, устранить препятствия. Тема «*Потребность порядка*» представлена такими

образами, как «я начал смотреть на себя как на продукт моего окружения, я перестал ненавидеть части своей личности и ненавидеть других, не глядя на мир своими глазами и не понимая человеческую мотивацию; это заставило меня задуматься о том, что является моей социальной функцией».

Познавательные потребности, потребность во внешних впечатлениях, в необычном, неизведанном и стремление к новому опыту, которые находят свое выражение в влечении к путешествиям и потребности в дружеских связях, были выявлены в *других воспоминаниях*.

При ответе на третий вопрос – **значимые люди** – необходимо отметить следующее. Кроме очевидных коммуникативных потребностей, потребностей в уважении и поддержке и стремления к дружбе и любви в контексте общей социальности, они в представленных нарративах подстегивают стремление к активности, стремление преодолеть нечто, превзойти других, сделать что-то лучше, достичь высшего уровня в некоем деле, быть последовательным и целеустремленным, воодушевляя, а также актуализируют познавательные потребности респондентов. Первые часто сочетаются с ожиданием совета, помощи, беспомощностью, поиском утешения, мягкого обращения, т.е. поиском покровителя, вторые же – с автономией и стремлением освободиться от всяких ограничений: от опеки, режима, порядка и пр. Рассуждения сопровождаются стремлением ставить общие вопросы или отвечать на них, склонностью к абстрактным формулам, обобщениям, увлеченностью «вечными вопросами» и т.п. Тема «*Потребность поиска покровителя*» представлена такими образами: «я развиваюсь, он развивается; он ведет», «очень искренне жаждет моего за ним продвижения».

Ответ на четвертый вопрос – взгляд на *перспективу будущего жизненного проекта* – у участников проекта отличается готовностью бескорыстно действовать на пользу другим, не считаясь со своими личными интересами, и оказывать помощь, стремлением к дружбе, любви, потребностью достижений, познавательными потребностями и потребностью во внешних впечатлениях, влечением к путешествиям, которые К. Гольдштейн назвал витальными душевными влечениями.

К пятому вопросу – **стрессов и проблем** – респонденты подходят философски, что проявляется в суждениях о том, что преодолеть их, вероятнее всего, помогают реализуемая потребность в поиске дружеских связей, в уважении и поддержке и коммуникативные потребности, а также потребность преодоления поражения, неудачи в сочетании с потребностью достижения. Потребность достижения здесь следует трактовать как стремление преодолеть нечто, превзойти других, сделать что-то лучше, достичь высшего уровня в некоем деле, быть последовательным и целеустремленным. Потребность преодоления поражения, неудачи отличается от потребности достижения акцентом на самостоятельности в действиях. Стремление к познанию, потребность во внешних впечатлениях сопровождается стремлением освободиться от всяких ограничений: опеки, режима, порядка и пр. Чаще всего в случае, когда разрешение проблемы зависит от неконтролируемых человеком условий, мы можем наблюдать так называемое

пассивное повиновение, под которым подразумевается подчинение силе, принятие судьбы, интрапунитивность, в крайних формах даже признание собственной неполноценности.

Шестой вопрос, касающийся **персональной идеологии**, также имеет несколько разделов. Тема *веры в Бога* наполнена стремлением ставить общие вопросы или отвечать на них, склонностью к абстрактным формулам, обобщениям, увлеченностью «вечными вопросами» и пр., потребностями в познании, ожиданиями совета, помощи; беспомощностью, поиском утешения, мягкого обращения. Тема *«Потребность поиска покровителя»* характеризуется такими образами, как «я мусульманин, я верю в Бога, который все создал и всем тут всем управляет». *«Духовные потребности»* представлены следующими образами: «Бог есть. В его существование я верила всегда. Бог есть бог. И он один для всех». *Религиозные и этические ценности* представлены потребностью ставить общие вопросы или отвечать на них, социальной направленностью в сочетании со стремлением освободиться от всяких ограничений: опеки, режима, порядка. *Самые важные ценности* также характеризуются потребностью ставить общие вопросы или отвечать на них, социальной направленностью в сочетании со стремлением к дружбе, любви, доброй волей, симпатией к другим, страданием при отсутствии дружеских отношений, желанием сблизить людей, устранить препятствия, готовностью бескорыстно действовать на пользу другим, не считаясь со своими личными интересами, а также потребностью в комфорте, безмятежности. Как сообщают респонденты, их *убеждения отличаются от других* забвением собственных интересов во имя группы, альтруистической направленностью, благородством, уступчивостью, заботой о других, сдерживанием собственных импульсов с целью избегания наказания, осуждения, потребностью считаться с общественным мнением, с одной стороны, и стремлением освободиться от всяких ограничений – с другой стороны. Данное противоречие требует дальнейшего изучения.

Тема *«Потребность избегания наказания»* представлена такими образами: «у всех свои убеждения, все познают мир по-своему и идут своим путем»; «со старшим поколением я не спорю и говорю, что я – христианка; не люблю ничего и никому навязывать и доказывать». *Смена религиозных убеждений с течением времени* характеризуется стремлением ставить общие вопросы или отвечать на них, склонностью к абстрактным формулам, обобщениям, увлеченностью «вечными вопросами», потребностью в познании и внешних впечатлениях, стремлением освободиться от всяких ограничений: опеки, режима, порядка.

Политические симпатии и социальные ценности испытуемых характеризуются отрицательным или безразличным отношением к политике, участию в общественной жизни. Аполитичность характерна для общества, в котором ограничивается влияние широких масс на деятельность политиков, партий, государства и его учреждений. Одно из проявлений аполитичности – отказ значительного числа избирателей от участия в выборах пред-

ставительных органов, хотя иногда бойкот выборов является и активной политической позицией. Тема аполитичности сопровождается стремлением ставить общие вопросы или отвечать на них, склонностью к абстрактным формулам, обобщениям, увлеченностью «вечными вопросами» и отличается стремлением освободиться от всяких ограничений, от опеки, режима, порядка и т.д. Среди высказываний также преобладают тема забвения собственных интересов во имя группы, альтруистическая направленность, благородство, уступчивость, забота о других. Тема *«Аполитичность, индифферентность»* представлена такими образами: «совершенно не интересуюсь политикой»; «я очень аполитична; это не совсем правильно, но нет ни желания, ни времени на это “грязное” дело»; «я вне политики»; «надо держаться от политики подальше»; «в политике вообще не разбираюсь и вообще не хочу разбираться».

Образы темы «Что бы вы могли еще рассказать?» отличают стремление респондентов ставить общие вопросы или отвечать на них, склонность к абстрактным формулам, обобщениям, увлеченность «вечными вопросами», потребность в познании, которая может проявляться в любознательности, потребность совершать бескорыстные действия, забвение собственных интересов во имя группы, альтруистическая направленность, благородство, уступчивость, забота о других.

Нарратив седьмого вопроса – **темы жизни** – отличают стремление ставить общие вопросы или отвечать на них, склонность респондентов к абстрактным формулам, обобщениям, увлеченность «вечными вопросами», потребность в познании, которая может проявляться в любознательности, потребность достижения, характеризующаяся стремлением преодолеть нечто, превзойти других, сделать что-то лучше, достичь высшего уровня в некоем деле, быть последовательным и целеустремленным, а также стремление к дружбе, любви, добрая воля, симпатии к другим, страдание при отсутствии дружеских отношений, желание сблизить людей, устранить препятствия.

Заключение

Свидетельствовать о наличии ценностных либеральных установок может высокая частота упоминаемости темы «Автономия» в таких вопросах, как религиозные и этические ценности (второе место), самые важные ценности (седьмое место), отличие убеждений от убеждений других (третье место), изменение, развитие религиозных и политических взглядов (третье место), политические / социальные ценности и симпатии (третье место). Нам также удалось обнаружить идентификаторы открытости в таких главах нарратива, как книга жизни (седьмое место), пик развития события, кульминация (второе место), яркое воспоминание из взрослой жизни (первое место), другие воспоминания (первое место), сценарий будущего (девятое место), религиозные и этические ценности (пятое место) и в теме жизни (девятое место).

Социальность занимает третье место среди религиозных и этических ценностей, второе среди самых важных ценностей, первое в списке отличий убеждений от убеждений других. Это подтверждает предположение о том, что новые сервисы обмена гостеприимством способствуют межкультурному пониманию и снижению нетерпимости в мультикультурной среде и укреплению чувства общности. Однако в отношении политики первое место занимает тема аполитичности либо индифферентности, встречается и агрессия, проявляющаяся в желании осудить. Исходя из приведенных выше данных, мы можем сказать, что гипотеза о том, что активное участие в проекте «каучсерфинг» будет способствовать росту социального капитала, помогать укреплению положительной репутации и чувства общности, отсутствию предубеждений, открытости по отношению к разнице и, как следствие, конструированию космополитичной идентичности, снижению нетерпимости и росту межкультурного понимания, подтвердилась частично. Что касается космополитической установки, то прямых указаний на это в нарративах не так много, однако они есть. Скорее, данная установка может оцениваться в качестве тенденциальной и проявляющей себя через социальность, которая в данном случае выражается в толерантности, аполитичности и автономии.

Поиск дружеских связей и коммуникативные потребности занимают верхние позиции в списке лидирующих тем в следующих вопросах: описание книги жизни; пик развития события, кульминация; момент спада; поворотный момент; самое раннее воспоминание; позитивные, негативные, важные воспоминания из детства; важное воспоминание из юности; события, в которых вы проявили мудрость; другие воспоминания; значимые люди; сценарий будущего; стрессы и проблемы; тема жизни в целом. Исходя из этого, сложно отрицать, что мотивация респондентов не направлена на тесный контакт с людьми, что, в свою очередь, может служить доказательством гипотезы о том, что мотивация хозяев должна отличаться сознательным отказом от материального вознаграждения; в ряде вопросов будет обнаружена альтруистическая заданность ключевых тем.

Альтруистическая заданность ключевых тем, свидетельствующая об отказе от материального вознаграждения участников проекта, была выявлена в таких вопросах, как главы жизни (четырнадцатое место), сценарий будущего (первое место), религиозные или этические ценности (четвертое место), самые важные ценности (четвертое место), что бы вы могли еще рассказать, другое (третье место). Данный факт подтверждает гипотезу мотивации каучсерферов, а именно ее нематериальную направленность. По нашему мнению, идентификаторами появления ориентации на получение «эмпирического капитала» могут служить, во-первых, гностические или познавательные потребности, которые могут способствовать формированию единства индивидуальности смыслов, навыков и культурного обучения, во-вторых, потребность оказания помощи другим, возникающая как результат обмена таким опытом. Гностические потребности занимают второе место в книге жизни, четвертое место в разделе «пик развития со-

бытия, кульминация», третье в «поворотный момент», четвертое в «важное воспоминание из детства», второе в «яркое воспоминание из взрослой жизни», первое в «религиозный, духовный мистический опыт», третье в «других воспоминаниях», четвертое в «значимые люди», пятое в сценарии будущего, трижды второе место среди вопросов, касающихся персональной идеологии, и второе место среди главных тем жизни.

В контексте проекта «каучсерфинг» мы увидели смесь эгоистических и альтруистических побуждений, лежащих в основе просоциального действия. Поскольку об альтруистических мотивах уже было сказано выше, мы можем лишь дополнить свидетельство просоциального поведения данными о том, что тематика эгоизма также не чужда респондентам, встречается она не так часто и наиболее ярко проявлена в так называемые «моменты спада». Потребность оказания помощи наиболее часто упоминается в главах жизни, событиях, в которых была проявлена мудрость, сценарии будущего и самых важных ценностях. Все это, на наш взгляд, может быть свидетельством подтверждения гипотезы о просоциальном поведении.

Доминантность, проявляющаяся в стремлении контролировать, оказывать влияние, направлять, убеждать, препятствовать, ограничивать, имеет ничтожно низкую частоту упоминания среди ключевых тем, что может свидетельствовать, на наш взгляд, о таком качестве респондентов, как спонтанность, которая предполагает отсутствие контроля над событиями, тем самым подтверждая гипотезу об индивидуализированности опыта каучсерферов.

Таким образом, подробный феноменологический анализ опыта участников проекта «каучсерфинг» при помощи нарративного метода вносит свой вклад в исследования, касающиеся обмена опытом и совместного пользования, открывая дополнительную перспективу смещению акцента на возможность делиться с другими какими-либо материальными ресурсами, а также перспективу сравнительного исследования конкретных типов эмпирического капитала, который может способствовать саморазвитию как результату такого обмена. Каучсерфинг отличается чрезвычайно богатым культурным разнообразием, что представляет научно-исследовательский интерес с точки зрения того, как участники из разных стран и культур уживаются и сотрудничают друг с другом. Исследование взаимосвязи между культурными отличиями, личностными предпочтениями, процессом формирования доверия и привязанностей может помочь в объяснении и преодолении различных психологических препятствий на уровне как глобальных, так и местных сообществ.

Все это способствует научному прогнозированию образа будущего человека и его личностного потенциала.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
2. Луневич И. Феномен аутентичности в современном индивидуальном туризме (на примере проекта «Couchsurfing») // Европа-2012: перспективы и вызовы европеиза-

- ции : сб. науч. трудов / редкол.: Г.Я. Миненков (отв. ред.) и др. Вильнюс : ЕГУ, 2013. С. 151–159.
3. Официальный сайт проекта «Couchsurfing». URL: <https://www.couchsurfing.com/> (дата обращения: 07.08.2017).
 4. McCubbin L.D., Marsella A. Native Hawaiians and Psychology: The Cultural and Historical Context of Indigenous Ways of Knowing // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2009. Vol. 15, is. 4. P. 374–387. DOI: 10.1037/a0016774.
 5. Неклюдова С.В., Кабрин В.И. Формирование нового типа мобильного образа жизни личности в транскультуральной коммуникации // *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 65. С. 66–82. DOI: 10.17223/17267080/65/5.
 6. Кроссли М.Л. Нарративная психология: самость, психологическая травма и конструирование смыслов / пер. с англ. О.В. Гритчиной. Харьков : Гуманитарный центр, 2013. 282 с.
 7. McAdams D.P. The life story interview. 1995. URL: <http://www.sesp.northwestern.edu/foley/instruments/interview> (access date: 17.09.2017).
 8. Babin B.J., Darden W.R., Griffin M. Work and / or Fun: Measuring Hedonic and Utilitarian Shopping Value // *Journal of Consumer Research*. 1994. Vol. 20 (4). P. 644–656.

Поступила в редакцию 01.11.2017 г.; принята 26.12.2017 г.

Сведения об авторах:

НЕКЛЮДОВА Снежана Владиславовна, аспирант факультета психологии Томского государственного университета, ассистент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: s.v.nekludova@gmail.com

КАБРИН Валерий Иванович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kabrin@list.ru

PHENOMENOLOGICAL RESEARCH OF MOBILE PERSONALITY LIFESTYLE FORMATION IN TRANSCULTURAL COMMUNICATION

Siberian journal of psychology, 2018, 68, 62–81. DOI: 10.17223/17267080/68/4

Nekludova Snezhana V., Kabrin Valery I., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: s.v.nekludova@gmail.com; kabrin@list.ru

Keywords: couchsurfing; psychology of mobility; hospitality exchange networks; online identity; experiential capital; social capital; theory of reciprocal altruism; cosmopolitan identity; psychology of trust.

Nowadays Internet revolution has already covered all spheres of society. Game animations, imitating real life, as well as actively constructing artificial virtual worlds, already significantly substitute authentic communication and life of people, especially youth. Such active involvement of young people in new, unusual and very attractive "ersatz-reality" points the basic problems of authentic personality efficiency maintaining, her development and self-realization. In this context, the study of contemporary alternative tourism, in which a real meeting of network (on-line) and interpersonal (off-line) communicative worlds of its participants takes place, acquires a special prognostic significance. Travelers are always among the first to test new communication technologies. One of such new phenomena have become virtual hospitality networks. As a vivid example of a global Internet community based on the principles of trust and exchange the international hospitality network Couchsurfing can be cited. Today, couchsurfing is the most popular virtual guest network and unites more than 14 million people from 200 thousand cities of the world, is a website where people from all over the world are registered who are ready to provide accommodation free of charge and to assist each other while traveling.

To examine the authenticity of the tourist experience of the hospitality network participants, affecting significant changes of the modern person, as a methodological framework, we will describe and offer a narrative approach. The study was attended by 35 people. 20 respondents from 17 cities of Russia, and also 15 respondents from other countries. The study sample comprised 23 women aged from 20 to 28 years old and 12 men from 21 to 40 years. In this article we present the results of the content analysis of respondents' interviews, revealing the prevailing themes in the structure of their narratives.

In this way, a detailed phenomenological analysis of the experience of the participants in the project of couchsurfing using the narrative method is able to contribute to research related to sharing experiences and sharing, opening up an additional perspective of shifting the emphasis on the opportunity to share with other material resources, as well as the prospect of comparative study of specific types empirical capital, which can promote self-development as the result of such an exchange. Couchsurfing is extremely rich in cultural diversity, which is of scientific interest in terms of how participants from different countries and cultures coexist and cooperate with each other. The study of the relationship between cultural differences, personal preferences, the process of building trust and attachments can help in explaining and overcoming various psychological obstacles both at the level of global and local communities.

References

1. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English by Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Piter.
2. Lunevich, I. (2013) Fenomen autentichnosti v sovremennom individual'nom turizme (na primere proyekta "Couchsurfing") [The phenomenon of authenticity in modern individual tourism (a case study of the "Couchsurfing" project)]. In: Minenkov, G.Ya. (ed.) *Evropa-2012: perspektivy i vyzovy yevropeizatsii* [Europe-2012: Prospects and Challenges of Europeanization]. Vilnius: European Humanities University. pp. 151–159.
3. Couchsurfing.com. (n.d.) *Ofitsial'nyy sayt proyekta "Couchsurfing"* [Official site of the "Couchsurfing" project]. [Online] Available from: <https://www.couchsurfing.com/>. (Accessed: 7th August 2017).
4. McCubbin, L.D. & Marsella, A. (2009) Native Hawaiians and Psychology: The Cultural and Historical Context of Indigenous Ways of Knowing. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 15(4). pp. 374–387. DOI: 10.1037/a0016774
5. Neklyudova, S.V. & Kabrin, V.I. (2017) Formation of a new type of mobile personality lifestyle in transcultural communication. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of University*. 65. pp. 66–82. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/65/5
6. Crossley, M.L. (2013) *Narrativnaya psikhologiya: samost', psikhologicheskaya travma i konst-ruirovaniye smyslov* [Introducing narrative psychology. Self, trauma and constructing of meaning]. Translated from English by O.V. Gritchina. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
7. McAdams, D.P. (1995) *The life story interview*. [Online] Available from: <http://www.sesp.northwestern.edu/foley/instruments/interview>. (Accessed: 17th September 2017).
8. Babin, B.J., Darden, W.R. & Griffin, M. (1994) Work and / or Fun: Measuring Hedonic and Utilitarian Shopping Value. *Journal of Consumer Research*. 20(4). pp. 644–656. DOI: 10.1086/209376

Received 01.11.2017;

Accepted 26.12.2017

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159.9.072

DOI: 10.17223/17267080/66/5

Е.Ю. Брель

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Возможности изучения факторной структуры алекситимического пространства

Представлены результаты изучения факторной структуры алекситимического пространства у респондентов подросткового и юношеского возрастов без психической и соматической патологии. В контексте алекситимического пространства выявлено и описано восемь факторов, рассмотрена психологическая составляющая каждого фактора.

Ключевые слова: алекситимия; алекситимическое пространство; тревожные переживания; агрессивные и враждебные реакции различной модальности; эмпатийные затруднения.

Введение

Основные подходы к изучению феномена алекситимии в рамках медицинской психологии определяются потребностью в сохранении психического здоровья в обществе, находящемся в состоянии кризиса. Статистические данные свидетельствуют о снижении уровня здоровья населения России на фоне общего роста заболеваемости.

Актуальность изучения алекситимии как фактора психического здоровья определяется современными тенденциями изменчивого бытия, апеллирующего к человеческому фактору. Одной из причин, определяющих наличие кризисности современного общества, является его переход в эпоху цифровых технологий, что обуславливает снижение возможностей непосредственного общения между людьми, недостаточность развития телесных форм реагирования. Поэтому важный спектр современных исследований, опосредованно связанный с алекситимией и ее избыточными проявлениями в молодом возрасте, определяется необходимостью изменения образовательных программ и поисков новых форм психологического сопровождения, направленного на сохранение здоровья, социальную адаптацию и гармоничное личностное развитие в молодом и подростковом возрасте [1]. В рамках немногочисленных психологических исследований, которые базируются на теории поколений, у молодых людей, «детей мульт-

тимедийных технологий», отмечаются депривационные когнитивные и коммуникативные особенности, свидетельствующие о накоплении алекситимических проявлений [2–4]. Отмечается, что длительное пребывание в виртуальном пространстве способствует нарастанию сопутствующих алекситимии проявлений аутизации, тревожности и депрессивности [5, 6]. Неспособность к вербализации формирует состояние внутреннего напряжения, разрешающееся разного рода соматическими феноменами в ситуациях, требующих проявления собственных чувств или идентификации эмоций в другом человеке [7].

Выделенные исследователями психологические характеристики поколения Z связаны с алекситимией в аспекте нарушений в распознавании и идентификации эмоциональных состояний у себя и других. Данные проявления отражают снижение возможностей социальной адаптации, что, в свою очередь, приводит к накоплению у молодых людей психических отклонений [8, 9].

Таким образом, проблема алекситимии обусловлена изменением взаимодействия личности и среды, снижением коммуникаций между человеком и обществом, заменой социальных контактов на виртуальные. Это способствует разрушению человеческой идентичности и усиливает риски нарушения психического и психосоматического здоровья [10, 11].

Большинство исследователей придерживаются представления о психологическом содержании алекситимии, которое заключается в неспособности человека к вербализации своих чувств и эмоций, невозможности дифференциации переживаний и физических ощущений, понимания собственных эмоциональных проявлений, а также эмоциональных состояний других людей [12]. В настоящем исследовании, рассматривая алекситимию как психологическую составляющую психического здоровья, мы выдвинули **гипотезу** о том, что этот феномен следует изучать не как изолированную психологическую характеристику, а при высокой степени ее выраженности как формирующую особое психологическое пространство, включающее высокую тревожность, враждебные и агрессивные реакции и низкие эмпатийные способности. Данный подход обусловил выбор психодиагностических методов исследования.

Цель исследования – изучение факторной структуры алекситимического пространства.

Материалы и методы исследования

Общая выборка испытуемых составила 384 человека в возрасте от 12 до 20 лет. Испытуемые – школьники и студенты различных образовательных учреждений, у которых не зафиксированы какие-либо психические и соматические заболевания.

Дизайн исследования алекситимического пространства включает:

1. Психодиагностические методы исследования (Торонтская алекситимическая шкала (TAS), характерологический опросник Г. Шмишека,

шкала тревожности Дж. Тейлор, тест-опросник А. Басса и А. Дарки, тест-опросник способности к эмпатии И.М. Юсупова, опросник Г. Айзенка, метод экспертных оценок для определения уровня образованности респондентов).

2. Методы статистической обработки и анализа результатов исследования (определение достоверности различий по t-критерию Стьюдента, факторный анализ образов с косоугольным вращением VARIMAX).

Результаты и их обсуждение

Тестирование с помощью Торонтской алекситимической шкалы позволило получить результаты, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Частотное распределение выраженности уровней алекситимии в различных возрастных интервалах (Торонтская алекситимическая шкала)

Уровень алекситимии		Возрастной интервал 12–15 лет			Возрастной интервал 16–20 лет		
		Юноши	Девушки	Всего	Юноши	Девушки	Всего
Выражена алекситимия	частота	45	20	65	30	46	76
	валидный процент	29,4	13,1	42,5	12,9	19,9	32,9
Промежуточная группа	частота	26	17	43	31	56	87
	валидный процент	16,9	11,2	28,1	13,4	24,3	37,7
Не выражена алекситимия	частота	25	20	45	24	44	68
	валидный процент	16,3	13,1	29,4	10,4	19,1	29,4

Таким образом, установлена общая тенденция к большей выраженности алекситимии у юношей, которая подтверждена при определении статистически достоверных различий (при средних значениях 69,26 у юношей и 67,19 у девушек $t = 2,1$; $p < 0,05$).

В дальнейшем изучение структуры алекситимического пространства осуществлялось с помощью применения факторного анализа образов. В нашей исследовательской выборке эмпирически обнаружено, что 32 факторизуемых параметра можно сгруппировать в 8 смысловых факторов, объясняющих 60% всей возможной дисперсии смыслов. Рассмотрим и проанализируем с точки зрения проявленной алекситимии каждый из них, причем по степени значимости собственных значений (табл. 2).

В первый фактор с положительными высокими значениями вошли такие шкалы, как агрессивность (0,87), негативизм (0,68), раздражительность (0,66), физическая агрессия (0,65) и вербальная агрессия (0,61). Семантическое единство этих шкал позволяет определить название данного фактора как *проявленная агрессивность*. По отношению к алекситимии этот фактор определяет проявление компенсаторных механизмов: недостаточная эмоциональная чувствительность и, возможно, осознание некоторой неадекватности собственных реакций по отношению к партнерам по

коммуникации порождает внутреннее напряжение. Это напряжение способствует снижению самоконтроля и формированию поведенческих реакций в виде физической и вербальной агрессии, направленной на ближайшее окружение. Скорее всего, осознание собственных действий затруднено, а «виноватыми» оказываются партнеры по коммуникации, спровоцировавшие подобные реакции. Это подтверждается выраженным негативизмом и увеличенной раздражительностью.

Во втором факторе со значимыми отрицательными вкладами находятся все показатели эмпатийного опросника И.М. Юсупова: общая эмпатия (0,98), эмпатия по отношению к незнакомым (0,70) и к детям (0,70), эмпатийные переживания по отношению к животным (0,66), старикам (0,59), героям художественных произведений (0,58) и к родителям (0,55). Кроме этих показателей во втором факторе с большим вкладом находится показатель эмотивности (0,43). Данный фактор можно назвать *гипоэмпатийными переживаниями*. Очевидно, что у значительной части респондентов алекситимия проявляется в явных эмпатийных затруднениях, сниженной способности к сочувствию и состраданию ко всему, что их окружает. На наш взгляд, это обусловлено такой психологической характеристикой алекситимии, как общее снижение эмоциональной чувствительности по отношению к себе и, как следствие, по отношению к окружающему миру. Эмоционально тонкое восприятие состояния другого человека становится невозможным при отсутствии способности к идентификации собственных эмоций.

Третий смысловой фактор структуры алекситимии объединяет со значимыми вкладами высокую гипертимность (0,81), экстравертированность (0,76), выраженную демонстративность (0,63) и отсутствие дистимических реакций (-0,47). Мы назвали этот фактор *экстравертированной гипертимностью*, так как экстравертированная направленность личности задает «внешний» вектор эмоциональных переживаний, а повышенная чувствительность к стимулам, предъявляемым социумом, создает содержание и насыщенность этих переживаний. Определенно можно утверждать наличие эффекта «эмоционального отзеркаливания», который проявляется в поверхностно-демонстративном поведении в ситуации рефлексии – алекситимичности. Это попытка сохранения личностной аутентичности, которая, судя по отсутствию дистимических реакций, является достаточно успешной.

Таблица 2

Факторная структура алекситимического пространства

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7	Фактор 8
Возрастной интервал	0,00	0,04	-0,10	0,84	0,02	0,12	-0,03	0,03
Образование	-0,18	0,06	0,29	0,69	0,09	-0,12	0,11	-0,21
Гипертимность	0,15	0,11	0,81	-0,07	-0,02	-0,06	0,00	0,02
Неуравновешенность	0,15	0,07	-0,10	0,09	0,77	-0,11	0,09	-0,05
Эмотивность	-0,15	-0,43	0,27	0,05	0,39	0,15	-0,03	-0,20
Педантичность	-0,11	0,14	-0,18	0,17	0,52	0,26	-0,07	0,29

Окончание табл. 2

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7	Фактор 8
Тревожность	0,04	0,09	-0,08	0,05	0,02	0,76	0,13	0,08
Циклоидность	0,14	-0,06	0,24	0,08	0,55	0,34	-0,09	0,11
Демонстративность	-0,01	0,14	0,63	0,30	0,07	0,07	0,08	0,03
Возбудимость	0,54	0,00	0,10	-0,01	0,11	0,38	-0,01	-0,09
Листимичность	0,01	-0,02	-0,47	-0,13	0,41	0,26	0,01	0,09
Экзальтированность	0,06	0,21	0,07	0,06	0,44	0,47	0,00	0,03
Эмпатия с родителями	-0,06	-0,55	-0,03	0,21	0,08	-0,03	-0,25	0,26
Эмпатия с животными	-0,13	-0,66	0,07	-0,16	0,07	0,18	-0,08	0,02
Эмпатия со стариками	0,10	-0,59	-0,13	0,22	0,08	-0,03	0,09	-0,13
Эмпатия с детьми	0,00	-0,70	0,13	-0,17	-0,11	0,00	-0,05	0,09
Эмпатия с героями художественных произведений	-0,11	-0,58	0,02	-0,13	0,23	0,19	0,15	-0,09
Эмпатия с незнакомыми людьми	-0,04	-0,70	0,07	0,23	-0,06	0,02	0,11	-0,05
Общая эмпатия	-0,06	-0,98	0,04	0,05	0,08	0,09	-0,01	0,02
Тревожность (Тейлор)	0,17	0,14	-0,28	0,04	0,06	0,72	0,10	0,11
Экстраверсия	0,18	-0,03	0,76	-0,11	-0,02	-0,17	-0,03	0,01
Нейротизм	0,20	0,07	-0,03	-0,09	0,29	0,72	0,13	-0,04
Физическая агрессия	0,65	-0,21	0,05	-0,05	-0,10	0,13	0,12	0,20
Косвенная агрессия	0,40	0,07	0,14	0,13	0,11	0,01	0,40	-0,08
Раздражение	0,66	-0,01	-0,11	-0,08	0,10	0,18	0,18	0,04
Негативизм	0,69	-0,02	0,09	-0,05	0,10	-0,20	0,20	-0,05
Обида	0,21	-0,02	-0,02	0,06	0,02	0,24	0,80	0,15
Подозрительность	0,28	0,01	0,00	-0,14	0,13	0,06	0,17	0,79
Вербальная агрессия	0,61	-0,06	0,24	0,04	0,01	0,05	-0,16	0,43
Чувство вины	0,08	0,06	-0,02	-0,21	0,51	0,25	0,32	0,09
Индекс враждебности	0,33	-0,02	-0,02	-0,06	0,10	0,19	0,64	0,62
Индекс агрессивности	0,87	-0,11	0,12	-0,04	-0,01	0,17	0,04	0,31
Собственное значение фактора	3,44	3,76	2,37	1,70	2,22	2,69	1,65	1,70
% объясняемой дисперсии	11,36	12,48	7,24	5,78	7,29	8,31	5,82	5,35

Четвертый фактор был назван *возрастными особенностями* проявления алекситимии. Самые большие и единственно достоверные два вклада – это шкалы возрастного интервала (0,84) и уровня образования (0,69). Дополнительные, недостоверные, но все же высокие вклады обнаружены по шкалам демонстративности (0,30), эмпатии к незнакомым людям (0,23), эмпатии к старикам (0,21), чувства вины (-0,21) и эмпатии к родителям (0,21). На определенном этапе взросления у респондентов появляется демонстративность поведения, но вместе с этим молодые люди учатся эмпатии. В более раннем возрасте (12–13 лет) подростки не способны понять переживаний и чувств людей старшего поколения, в том числе и своих родителей. Некоторые психологи, работающие в области возрастной психологии, даже постулируют «конфликт поколений» в качестве одной из особенностей подросткового возраста: ребенок в поиске самоидентичности неизбежно противопоставляет себя уже известным, сложившимся в семье нормам поведения и самореализации. Отсутствие эмпатии к родителям в раннем подростковом возрасте просто неизбежно. Этой же особенностью можно объяснить и отсутствие эмпатии к незнакомым и малознакомым людям: сказываются установки, формируемые в детстве – «с незнакомыми нельзя разговаривать», «доверять незнакомым людям опасно» и т.д. Складывается интересная ситуация: старым отношениям уже не доверяют, а новым еще не доверяют. И то и другое выходит из области сопереживания. С завершением подросткового возраста возвращается эмпатия с родителями и стариками и появляется эмпатия к незнакомым людям. Возрастная динамика переживания чувства вины заключается в его уменьшении с увеличением возраста респондентов с 12 до 20 лет. Феноменология вины, возможно, связана с осознанием несоответствия собственным или чужим ожиданиям. В раннем подростковом возрасте это ожидания и требования со стороны родителей и учителей; в юношеском – требования к самому себе. Со сменной референтной группы в индивидуальном коммуникативном пространстве личности происходит переоценка значимости ожиданий со стороны, и акцент смещается все больше в сторону внутреннего локуса контроля. А значит, и виноватым быть не перед кем. Такие же закономерности, описанные для возраста, характерны и для увеличения уровня образования.

Рассматривая интерпретацию по четвертому фактору в контексте возрастных особенностей проявления алекситимии, отметим, что с возрастом у респондентов появляется адаптация к слабой эмоциональной чувствительности, в переживании алекситимии уходит чувство вины и появляются компенсаторные эмпатийные тенденции.

Пятый фактор включает следующие шкалы с большими вкладами: неуравновешенность (0,77), циклоидность (0,55), педантичность (0,52), чувство вины (0,51), экзальтированность (0,44), дистимические реакции (0,41). Этот фактор был назван *экзальтированная неуравновешенность*. Алекситимические расстройства характеризуются разнообразными особенностями, многие из которых раскрыты в предыдущих главах данной

работы. Семантическое пространство понимания алекситимии, обозначенное в пятом факторе, скорее всего, свидетельствует об активном осознании респондентами собственной эмоциональной нечувствительности, что и находит отражение в повышенном чувстве вины, циклоидности и неуравновешенности. Такое сочетание характеристик можно назвать личностным аутопоесисом системы психологических особенностей коммуникации. Иначе говоря – это отчаянная попытка самосохранения психологического равновесия и гармонии. По всей вероятности, эта стратегия компенсации не является эффективной: ощущая вину и проявляя экзальтированную педантичность, невозможно выстроить «ровные» эмоциональные коммуникации. К тому же такому аутопоесису мешает проявление циклоидности, что неминуемо приводит респондентов к дистимии. По силе эмоционального напряжения фактор экзальтированной неуравновешенности является самым значительным из всех смысловых факторов алекситимического расстройства личности.

В шестой фактор со значимыми вкладами вошли такие шкалы, как тревожность по Г. Шмишеку (0,76), нейротизм (0,72), тревожность по Дж. Тейлор (0,72) и экзальтированность (0,47). Поэтому этот фактор был назван *тревожные переживания*. Избыточные тревожные переживания присутствуют в структуре алекситимического пространства в качестве одного из важных факторов, который связан с сильной нервной системой и влияет на интерсубъективные переживания личностью собственной эмоциональной нечувствительности. Появление высокой тревожности, скорее всего, связано не с ситуативными, а с личностными особенностями, более устойчивыми по природе и типологическими по этимологии. Коммуникативная активность в силу высокого нейротизма способна вызвать доминирующие тенденции, имеющие либо экстернальную, либо интернальную направленность. В случае интровертированности личности респондентов фактор «тревожные переживания» остается внешне непроявленным и способен привести к депрессивным состояниям и аутизму. При экстравертированности – наоборот, тревожность будет иметь внешнее выражение в виде повышенного беспокойства о себе и о партнере по коммуникации.

Седьмой фактор представлен всего тремя значимыми вкладами: обида (0,80), враждебность (0,64) и косвенная агрессия (0,40). Мы назвали этот фактор *враждебная обида*, так как соответствующие шкалы имеют самые большие и достоверные вклады. Некоторые участники исследования, в аспекте изучения алекситимии, проявляют обиду на партнеров по коммуникации, что может быть связано с неумением рефлексировать собственные эмоциональные переживания. Скорее всего, межличностное взаимодействие воспринимается неадекватно, порождая враждебность и косвенную агрессию. Такая агрессивность не выражается в виде внешних реакций, а имеет тенденцию накапливаться в качестве внутреннего переживания, что, в свою очередь, создает эффект подавленности и отстраненности и воспринимается окружающими как общая враждебная настроенность.

Самый последний смысловой фактор, восьмой, объединяет в единое семантическое поле шкалы подозрительности (0,79), враждебности (0,62) и вербальной агрессии (0,43). По смысловому содержанию этот фактор похож на первый, с небольшими отличиями в способе проявления агрессии. Он был назван *подозрительной враждебностью*: некоторые респонденты с алекситимией выработали оборонительную реакцию на эмоциональную область коммуникативных взаимодействий, они как бы изначально готовы негативно отреагировать на эмоциональные проявления со стороны других. Такие подростки и юноши подозрительно относятся к глубоким эмоциональным контактам и враждебно воспринимают упреки в свой адрес. При невысоких значениях физической агрессии значительно преобладают вербальная агрессивность и враждебность.

Поскольку мы предполагали изучить развернутую структуру алекситимического пространства с коррелирующими параметрами, дополнительно был проведен анализ взаимосвязи факторов алекситимии. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Корреляции между факторами

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7	Фактор 8
Фактор 1	1,00	-0,60	0,01	-0,31	-0,26	-0,05	0,21	0,31
Фактор 2	-0,60	1,00	-0,06	0,01	-0,12	-0,15	-0,28	-0,30
Фактор 3	0,01	-0,06	1,00	0,02	-0,28	-0,42	-0,16	-0,15
Фактор 4	-0,31	0,01	0,02	1,00	-0,08	-0,18	-0,12	-0,26
Фактор 5	-0,26	-0,12	-0,28	-0,08	1,00	0,18	-0,07	-0,11
Фактор 6	-0,05	-0,15	-0,42	-0,18	0,18	1,00	0,08	0,05
Фактор 7	0,21	-0,28	-0,16	-0,12	-0,07	0,08	1,00	0,14
Фактор 8	0,31	-0,30	-0,15	-0,26	-0,11	0,05	0,14	1,00

Представляется логичной прямая зависимость между факторами «проявленная агрессивность» и «подозрительная враждебность» ($r = 0,31$), поскольку при внутренне враждебном отношении к окружающему миру открытые агрессивные реакции можно рассматривать как форму доступного индивиду примитивного поведения. Подтверждением этого служит обратная зависимость между факторами «проявленная агрессивность» и «гипоэмпатийные переживания». При выраженных способностях к сочувствию, сопереживанию, способности к идентификации эмоционального состояния партнера по общению спектр возможных стратегий поведения расширяется, а не ограничивается только враждебно-агрессивным стилем реагирования.

Установлено, что фактор «возрастные особенности» также отрицательно коррелирует с фактором «проявленная агрессивность». То есть при естественном физиологическом и социальном взрослении, а также повышении уровня образованности склонность к открытой агрессии снижается.

Заключение

Результаты исследования могут быть использованы в практике группового и индивидуального психологического консультирования. Учитывая, что непосредственная коррекция алекситимии традиционно вызывает низкий эффект, воздействие на нее через отдельные компоненты алекситимического пространства будет более результативным. Важно, что рассматривая возможность реализации превентивного подхода при разработке программ психопрофилактики, становится возможным позитивное влияние на стабилизацию эмоционального состояния и, как следствие, улучшение соматического здоровья человека.

Литература

1. Коатс Дж. Поколения и стили обучения. М. : МАПДО; Новочеркасск : НОК, 2011. 121 с.
2. Сиденко Е.А. К вопросу адаптации младшего и старшего подростка в социуме // Эксперимент и инновации в школе. 2011. № 6. С. 3–9.
3. Селюкова М.А. Развитие социальной компетенции как ведущее направление в работе школьной социально-психологической службы с подростками // Эксперимент и инновации в школе. 2011. № 6. С. 71–77.
4. Солдатова Г.В., Зотова Е.Ю., Чекалина А.И., Гостимская О.С. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об Интернете / под ред. Г.В. Солдатовой. М., 2011. 176 с. URL: <http://www.ifap.ru/library/book524.pdf> (дата обращения: 30.03.2018).
5. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей : результаты всероссийского исследования. М. : Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с. URL: <http://detionline.com/assets/files/research/DigitalLiteracy.pdf> (дата обращения: 27.02.2018).
6. Солдатова Г., Зотова Е., Лебешева М., Шляпников В. Интернет: возможности, компетенции, безопасность : методическое пособие для работников системы общего образования. М. : Центр книжной культуры «Гутенберг», 2013. Ч. 2: Практикум. 137 с.
7. Малкина-Пых И.Г. Акмеологический смысл алекситимии и возможности ее психологической коррекции // Акмеология. 2012. № 4. С. 74–78.
8. Искусных А.Ю. Алекситимия у студентов. Распространенность, причины, последствия // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 9 (66). С. 61–65.
9. Юткина О.С. Изучение алекситимии у детей школьного возраста // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2. С. 68.
10. Кристалл Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия. М. : Ин-т общегуманитар. исслед., 2006. 800 с.
11. Искусных А.Ю. Алекситимия. Причины и риски возникновения расстройств // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии : сб. статей по материалам ЛШ междунар. науч.-практ.й конф. Новосибирск : Изд. СибАК, 2015. № 6 (52). С. 59–68.
12. Плотников Д.В., Северьянова Л.А., Плотников В.В. Акцентуация интегральных параметров индивидуальности как основа феномена алекситимии // Социальная и клиническая психиатрия. 2017. Т. 27, № 2. С. 17–23.

Поступила в редакцию 21.01.2018 г.; принята 03.05.2018 г.

Сведения об авторе:

БРЕЛЬ Елена Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований и психогенетики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: brelelena@mail.ru

POSSIBILITIES OF STUDYING THE FACTOR STRUCTURE OF ALEXITHYMIC SPACE

Siberian journal of psychology, 2018, 68, 82–92. DOI: 10.17223/17267080/68/5

Brel Elena Y., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: brelelena@mail.ru

Keywords: alexithymia; alexithymic space; anxious feelings; aggressive and hostile reactions of different modality; empathic difficulties.

The aim of the research is to study the factor structure of alexithymic space. The article presents the results of our study of alexithymic space factor structure.

Alexithymia should be studied not as an isolated psychological characteristics, but, if it is highly expressed, as a forming factor of special psychological space, that includes high anxiety, aggressive and hostile reactions and low empathic abilities. This approach determined our choice of research methods.

The sample is represented by 384 volunteers of prepubescent and preadult age with no somatic pathologies. The psychodiagnostic research was performed using the Toronto alexithymics scale (TAS), the Characterological Questionnaire by Schmieschek H., the Scale of Anxiety by Taylor G., the test by Bass A. and Darki A., the test of empathic ability by Yusupov I. M., the Eysenck Personality Inventory, and the method of expert assessments to determine the level of education of the volunteers. We used the factor analysis and the determination of the differences accuracy by Student's t-criterion for statistical processing of the obtained data.

We divided the factorized parameters into eight groups of semantic factors that explain 60 per cent of all sense dispersion. They are "Shown Aggression", "Hypo-Empathic Feelings", "Extroverted Hypertymia", "Age aspects", "Ecstatic Instability", "Anxious Feelings", "Hostile Offense", "Suspicious Hostility".

Alexithymic space, that includes massive anxious feelings, aggressive and hostile reactions of different modality and empathic difficulties, forms the basis for the violation of a person's emotional state and forces the risks of changes in his psychosomatic health. Psychoprophylactic measures, organized within the framework of the preventive approach and involving the impact on the components of alexithymic space, can be more successful than the direct impact on the alexithymic manifestations.

References

1. Coates, J. (2011) *Pokoleniya i stili obucheniya* [Generations and Learning Styles]. Moscow: MAPDO; Novocherkassk: NOK.
2. Sidenko, E.A. (2011) K voprosu adaptatsii mladshogo i starshego podrostanta v sotsiume [On the adaptation of the junior and senior adolescents in social life]. *Eksperiment i innovatsii v shkole*. 6. pp. 3–9.
3. Selyukova, M.A. (2011) Razvitiye sotsial'noy kompetentsii kak vedushcheye napravleniye v rabote shkol'noy sotsial'no-psikhologicheskoy sluzhby s podrostantami [Development of social competence as a leading direction in the work of school social and psychological service with adolescents]. *Eksperiment i innovatsii v shkole*. 6. pp. 71–77.
4. Soldatova, G.V, Zotova, Ye.Yu., Chekalina, A.I. & Gostimskaya, O.S. (2011) *Poymannyye odnoy set'yu: sotsial'no-psikhologicheskoye issledovaniye predstavleniy detey i vzroslykh ob Internetе* [Caught by a single net: a socio-psychological study of the views of children

- and adults about the Internet]. [Online] Available from: <http://www.ifap.ru/library/book524.pdf>. (Accessed: 30th March 2018).
5. Soldatova, G.U., Nestik, T.A., Rasskazova, E.I. & Zotova E.Yu. (2013) *Tsifrovaya kompetentnost' podrostkov i roditeley: rezul'taty vserossiyskogo issledovaniya* [Digital competence of teenagers and parents: the results of the all-Russian study]. Moscow: Fond Razvitiya Internet. [Online] Available from: <http://detionline.com/assets/files/research/DigitalLiteracy.pdf>. (Accessed: 27th February 2018).
 6. Soldatova, G., Zotova, E., Lebesheva, M. & Shlyapnikov, V. (2013) *Internet: vozmozhnosti, kompetentsii, bezopasnost': metodicheskoye posobiye dlya rabotnikov sistemy obshchego obrazovaniya* [Internet: opportunities, competencies, security: a methodical guide for employees of the general education system]. Moscow: Gutenberg.
 7. Malkina-Pykh, I.G. (2012) Akmeologicheskiy smysl aleksitimii i vozmozhnosti yeye psikhologicheskoy korrektsii [Acmeological sense of alexithymia and the possibility of its psychological correction]. *Akmeologiya*. 4. pp. 74–78.
 8. Iskusnykh, A.Yu. (2016) Aleksitimiya u studentov. Rasprostranennost', prichiny, posledstviya [Alexithymia among students. Prevalence, causes, consequences]. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii*. 9(66). pp. 61–65.
 9. Yutkina, O.S. (2017) The inspection of standard of alexithymia among schoolchildren. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 2. pp. 68. (In Russian).
 10. Crystal, G. (2006) *Integratsiya i samoistseleniye. Affekt, travma i aleksitimiya* [Integration and self-healing. Affect, trauma and alexithymia]. Moscow: Institute of Humanitarian Research.
 11. Iskusnykh, A.Yu. (2015) Aleksitimiya. Prichiny i riski vozniknoveniya rasstroystva [Alexithymia. Causes and risks of the disorder]. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii*. 6(52). pp. 59–68.
 12. Plotnikov, D.V., Severyanova, L.A. & Plotnikov, V.V. (2017) Accentuation of integral individual parameters as a basis of alexithymia phenomenon. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya*. 27(2). pp. 17–23. (In Russian).

Received 21.01.2018;
Accepted 03.05.2018

УДК 159.9.072.42

DOI: 10.17223/17267080/68/6

О.В. Волкова

*Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России (Красноярск, Россия)*

Принцип эмерджентности как основание разработки принципиально нового подхода к изучению генеза выученной беспомощности

Предпринята попытка создания новых методологических оснований исследования генеза выученной беспомощности. Описано современное состояние психологической науки в области изучения феномена беспомощности. Актуализирована значимость исследования не просто сущности, а генеза данного феномена. Одной из методологических проблем современной психологии обозначена важность поиска эмерджентных свойств научных систем (концепций) в процессе соединения уже имеющихся систем в новые концепции. В качестве соединяемых концепций описаны теория выученной беспомощности М. Селизмана и концепция культурно-исторического развития психики человека Л.С. Выготского. Показаны точки соприкосновения и взаимного дополнения данных научных систем. Обоснована необходимость применения метода трансспективного анализа В.Е. Ключко в изучении генеза выученной беспомощности. Поднята проблема роли субъективного восприятия человеком собственного прошлого опыта, актуальной ситуации и событий настоящего времени жизни, а также представлений о собственном будущем в контексте изучения генеза выученной беспомощности человека.

Ключевые слова: *выученная беспомощность; культурно-историческая концепция; эмерджентность; трансспективный анализ; система.*

Постановка проблемы и актуальность исследования

Современное состояние психологической науки выдвигает ряд особых требований к исследователям, которые в том числе заключаются в обосновании новизны и прикладной значимости концептуальных положений разрабатываемых теоретико-методологических изысканий.

При возведении в актуальность поисков нового в науке перед учеными все чаще возникает вопрос использования ее отдельных элементов как системы с целью соединения в нечто принципиально отличающееся от того, что было открыто и широко применяется, а также обнаружения ее потенциально новых свойств и возможностей через такое свойство систем, как эмерджентность.

Обратившись к «Словарю иностранных слов», можно найти следующее толкование понятия «эмерджентность»: «от англ. “emergent” – неожиданно возникающее».

данно появляющийся; наличие у системы свойств целостности, т.е. таких свойств, которые не присущи составляющим элементам; эмерджентность является одной из форм проявления принципа перехода количественных изменений в качественные» [1].

Любая область научного знания в обязательном порядке является системой знаний, иначе она не является относящейся к науке в принципе. Соответственно, составные элементы системы научного знания подчиняются тем же принципам, что и любая система.

Одно из свойств всех систем – эмерджентность, о которой было упомянуто выше. Все системы, существующие в природе, обладают свойством приобретать принципиально новые особенности и эффекты при соединении двух ранее не соединяемых элементов: при слиянии двух химических элементов, имеющих различные свойства, возникает соединение, наделенное теми, что не были присущи двум базовым соединяемым элементам (химия); взаимодействие двух физических тел приводит к появлению новых физических явлений – звук, давление, трение и т.п. (физика); соединение двух особей биологической системы дает жизнь новой особи, обладающей новыми биологическими характеристиками (биология); сложение двух математических величин приводит к появлению суммы, имеющей новые количественные показатели и возможности математических операций (математика) и т.д. [2]

Несмотря на то, что носителями эмерджентных свойств системы являются ее элементы, свойства самой системы не могут быть присвоены и выражены за счет отдельных элементов, если мы берем во внимание системы, изменяющиеся в качественную сторону, а не фрактальные, меняющиеся только в пределах количественных показателей.

По сути, уже не элементы системы, а ее структура является носителем свойств вновь образованной, качественно новой системы, так как по-разному структурно организованным системам, являющимся носителями сходных элементов, присущи различные свойства.

Эмерджентность поддерживается целостностью: как только система теряет целостность, она теряет эмерджентное свойство, но при возвращении совокупности элементов системы в целостное образование эмерджентное свойство системе возвращается.

Появление новой в отношении качества системы может быть осуществлено более прогрессивным в сравнении с принципом накопления одинаковых элементов способом: соединением минимум двух различных элементов в нечто новое, обладающее новыми свойствами.

Теоретик концепции «сложного мышления» Э. Морен так говорил о проявлениях принципа целостности: «От атома до звезды, от бактерии до человека и общества, организация целого приводит к возникновению у него новых качеств или свойств по отношению к частям, рассмотренным в их обособленности. Новые качества – это эмерджентности» [3. С. 17].

Рассуждая о целостности и эффектах эмерджентности, В.Е. Ключко писал: «О том, что “целое больше суммы частей”, мы знаем еще со времен

зарождения гештальтпсихологии, но вот о том, что “организация целого приводит к возникновению у него новых качеств или свойств по отношению к частям, рассмотренным в их обособленности”, приходится говорить отдельно» [4].

Подобная научная позиция задает большой потенциал к разработке новых теоретико-методологических оснований в построении концепции генеза выученной беспомощности, технологии исследования и системы психологической помощи, которые соединяют в себе элементы двух отдельно существовавших систем: теории выученной беспомощности М. Селигмана [5] и концепции культурно-исторического развития психики человека Л.С. Выготского [6]. Сопровождение данного обобщения с учетом основ транспективного анализа В.Е. Ключко позволят приблизить понимание генеза и возможности коррекции выученной беспомощности [7].

Методология и методы исследования

Первые исследования феномена выученной беспомощности были проведены американскими специалистами в русле физиологии и психиатрии. Общепринятое понимание сущности этого феномена заключается в определении его как состояния, влияющего на все сферы личности человека; предпосылки к его становлению формируются в период детства, что детерминировано особыми социальными условиями.

Однако в изучении генеза выученной беспомощности чисто описательного подхода недостаточно. В связи с установленным ранее фактом внешней и внутренней детерминированности процесса развертывания выученной беспомощности в структуре личности человека в процессе онтогенетического развития (влияние специфики взаимоотношений с социальным окружением, уровень соматического здоровья) актуализируется целесообразность опоры на базовые принципы культурно-исторической концепции становления высших психических функций человека, раскрывающей основные этапы происхождения и становления его сознания [6].

Концепция Л.С. Выготского содержит положения, раскрывающие идею о наличии у человека, в отличие от животных, особых психических функций. Данные функции получили название высших психических, поскольку составляют самый высокий уровень психики человека и отражены в понятии «сознание». Формирование высших психических функций происходит в процессе осуществления взаимодействия с социумом. Иными словами, как считал Л.С. Выготский, сознание как комплекс высших психических функций характеризуется социальной природой возникновения и становления. В число высших психических функций были включены произвольная память, произвольное внимание, логическое мышление и др. [Там же].

Концепция культурно-исторического развития психики человека Л.С. Выготского состоит из трех взаимосвязанных частей.

В первой части представлены идеи, касающиеся соотношения человека и природного (естественного) начала («Человек и природа»). Основное содержание первой части концепции отражены в следующих тезисах.

Тезис первый постулирует идею о том, что отношения субъект–среда претерпели глубокие качественные изменения в процессе их трансформации от представителей животного мира к человеку. Отношения животного со средой носили и носят объектный характер, который отражается в необходимости животного изменяться под условия постоянно изменяющейся среды, приспосабливаться к ней с целью выживания. Отношения человек–среда характеризуются противоположным содержанием: природа находится под воздействием человека, изменяется благодаря его вмешательству. С целью выживания человек не меняется сам, он меняет среду. Во втором тезисе содержится объяснение механизмов изменения человеком природной естественной среды, которые заключаются в появлении орудий труда, становлении материального производства.

Во второй части концепции культурно-исторического развития психики человека предпринята попытка объяснить соотношение человека и его внутреннего мира («Человек и его собственная психика»). Положения данной части концепции содержат идеи о том, что процесс воздействия человека на естественное природное начало определил его способность овладевать собственной психикой, детерминировал становление высших психических функций, отражающихся в произвольной деятельности и поведении. Способность человека прилагать усилия и целенаправленно запоминать необходимую информацию, концентрировать внимание на конкретных объектах действительности, контролировать и направлять свою мыслительную деятельность понимаются в концепции Л.С. Выготского как высшие психические функции. Особое внимание в данной части концепции уделяется попытке объяснить способность человека к овладению своей деятельностью и окружающей средой появлением специальных психологических орудий – «знаков».

В качестве так называемых знаков Л.С. Выготский описывал искусственно созданные средства, позволяющие овладевать собственными психическими процессами. Основная задача такого знака (сначала предметного, впоследствии символического) – активизация памяти с целью воспроизведения какого-либо действия посредством восстановления ассоциаций с конкретной трудовой операцией. Соответственно, знаки стали выполнять функцию пускового механизма в отношении активизации психологических процессов, т.е. функцию психологических орудий.

Вопрос генетических аспектов становления «знаков» рассмотрен в третьей части концепции Л.С. Выготского.

Идея о том, что человек сформировался под воздействием трудовой деятельности, явилась основанием к разработке третьей части культурно-исторического развития психики человека. Трудовая деятельность, осуществляемая совместно с сородичами, обуславливала необходимость обмена информацией между участниками трудового процесса. Специально созданные знаки, символически отражающие определенные трудовые функции, на начальном этапе их создания обозначали приказы-указания, адресованные участникам совместной трудовой деятельности. Со време-

нем внешнекомандная функция знака-слова трансформировалась в организующую функцию, что позволило адресовать команды-указания не только в среду, но и во внутренний психический план. Следствием стало появление способности человека управлять своим поведением. Таким образом, культурное развитие человека явилось условием к становлению способности отдавать приказы себе.

Межличностные (интерпсихологические) функции с течением времени и в процессе развития человека превратились во внутрличностные (интрапсихологические) – процесс этого перехода Л.С. Выготский назвал процессом интериоризации. Интериоризация заключается в переходе средств-знаков из сугубо внешнего плана (как материальных напоминаний о необходимости произвести некоторое действие) во внутренний (в форме образов, элементов внутренней речи, символов и т.д.) [6].

Процесс онтогенетического развития, с точки зрения Л.С. Выготского, развертывается аналогично. На начальных этапах развития ребенка побуждает к действию взрослый, используя при этом слово. В дальнейшем, развиваясь, ребенок по аналогии научается словом инициировать деятельность взрослого. Далее ребенок обретает способность обращать слово к самому себе и инициировать собственную деятельность.

Основное содержание идей концепции культурно-исторического развития психики человека можно обобщить следующим образом: высшие психические функции опосредованы по своему происхождению, а развитие психики человека осуществляется в процессе интериоризации отношений управления и средств-знаков.

Положение концепции Л.С. Выготского о социальной природе сознания человека и невозможности его развития без участия социума является важным в контексте данного исследования. Полноценное развитие психики ребенка возможно исключительно в том случае, если его онтогенетическое развитие происходит через усвоение социально-исторического опыта в форме воспитания и обучения как оптимальных способов трансляции опыта человеческого сообщества [Там же].

Обращаясь к содержанию теории выученной беспомощности, разработанной Мартином Селигманом, важно отметить, что автор обозначает старший дошкольный возраст как период, к которому складываются субъективное отношение к качественной стороне окружающей действительности, специфическая поведенческая стратегия, выбираемая в трудных жизненных ситуациях, а также оптимистический или пессимистический стиль восприятия событий окружающего мира [5].

Наблюдение за родительскими моделями поведения, их копирование, восприятие этих паттернов как единственно доступных к применению в освоении собственного жизненного пространства в его позитивных и негативных проявлениях детерминируют формирование оптимистического / пессимистического стиля атрибуции.

С точки зрения М. Селигмана, стиль атрибуции не только перенимается в качестве поведенческого паттерна, он обретает все более устойчивую

позицию в структуре детского сознания в условиях постоянной критики со стороны представителей ближайшего социального окружения (родители, педагоги и т.п.). Пессимистическое восприятие жизни, приобретенное ребенком, подкрепляет состояние выученной беспомощности, которая также укореняется в условиях проживания трудных жизненных ситуаций: семейный кризис, острый стресс, смерть значимых близких, психологическое и физическое насилие в семье, нарушение соматического здоровья членов семьи, отклонения в собственном здоровье ребенка и т.п. [8].

Целостная картина восприятия жизненной действительности формируется непосредственно под влиянием обстановки в семье, специфики детско-родительских отношений и особенностей взаимодействия ребенка с социумом за пределами семьи. В связи с тем, что детскому возрасту не свойственно нейтральное эмоциональное реагирование на события реальности, переживание регулярного негативного эмоционального опыта детерминирует формирование генерализованного пессимизма. Отсутствие своевременной оказанной помощи, направленной на преодоление негативных эмоциональных переживаний в связи со спецификой ситуаций жизни ребенка, связанных с ощущением отчаяния и беспомощности в достижении желаемого положительного результата активности, создает условия для распространения негативной реакции и на события будущей жизни.

Ярким примером формирования подобного устойчивого пессимистического стиля атрибуции может послужить одна из острых проблем воспитательно-образовательного процесса в образовательных учреждениях, о которой М. Селигман писал так: «Если ребенок не вполне справляется со школьной программой, то учителям и родителям проще всего сделать ошибочное заключение, что у него нет способностей или даже что он глупый. Ребенок станет подавленным, и выученная беспомощность, как и выученное поведение в ситуации преодоления трудностей, может препятствовать раскрытию его настоящего скрытого потенциала в будущем» [9. С. 18–21].

К числу принципиально значимых факторов, детерминирующих формирование пессимистического стиля атрибуции событий действительности, М. Селигман относит прочность (устойчивость во времени и пространстве), распространенность (распространяемость на все сферы жизни) и персонализацию. Продолжительные депрессивные состояния, не проходящее чувство собственной ущербности, ожидание непреодолимых трудных жизненных ситуаций определяется теми причинами, с которыми человек связывает негативные события собственной актуальной жизни.

Например, дети, достаточно быстро принимающие решение об отказе выполнять сложное учебное задание, имеют крепкое убеждение, что они в принципе не способны получить положительный результат в учебной деятельности, что невезение сопровождает их постоянно, поэтому они не видят смысла прилагать усилия. Кроме того, такие дети имеют установку на то, что данная тенденция будет сопровождать их на всех этапах дальнейшей жизни, соответственно, достижение успеха им недоступно. Стабильность таких ожиданий способствует возникновению состояния

выученной беспомощности, генерализующейся на все сферы жизни и деятельности ребенка, которая в дальнейшем фрустрирует процесс самоактуализации взрослого человека.

Дети же, характеризующиеся отсутствием признаков выученной беспомощности, активно преодолевают трудности, пробуют разные способы решения сложных учебных и жизненных задач, имеют стойкое убеждение, что все трудности и ошибки носят временный характер.

М. Селигман описывает две противоположных по содержанию с позиции оценки на уровень выраженности оптимизма–пессимизма реплики детей, когда им предложено объяснить причину неудовлетворительной оценки за школьное задание. Первая: «У меня не получилось, потому что я – дурак». Вторая: «У меня не получилось, потому что я плохо подготовился». Само содержание таких характеристик, как время, пространство и персонализация, в этих двух выражениях отражает совершенно разные жизненные позиции [9. С. 26].

Выраженная установка на стабильность и непреодолимость ситуации даже с течением времени наблюдается в выражениях первого типа: «Я – дурак, это навсегда, это не изменить». Относительно распространенности на прочие события жизни ситуация идентичная: «Я – дурак, я везде, во всем дурак». Негативное самоотношение ребенка, низкий уровень самооценки, неадекватный уровень самопритязаний, субъективное пессимистическое отношение в плане возможностей самореализации, обнаруживающиеся в приведенных высказываниях, имеют отношение к фактору персонализации выученной беспомощности [Там же. С. 29].

Глобализация – одно из свойств выученной беспомощности: «Я неуспешен в этом конкретном деле, так чего вы ожидаете от меня в других делах?» Оптимизм, который демонстрируют дети, имеет под собой основания, берущие начало из реального опыта, наполненного не только неудачами, но и успехами в ряде видов активности: «Я не очень хорошо учусь, зато здорово играю в футбол!» Ребенок, выучивший беспомощность, даже не станет пробовать других видов занятий, полагаясь на страх, а не на объективную оценку своих талантов, склонностей, интересов и физических данных: «Уж раз в школе не получается, нет смысла пробовать что-то еще» [Там же. С. 165].

Негативное самоотношение (персонализация), выражающееся в наделении себя такими чертами, как глупость, неумелость, неуспешность, постепенно переходит в черту характера, которая регулярно подкрепляется критическим отношением (субъективно воспринимаемым как объективное: «Ведь это действительно так!»), а со временем трансформируется в депрессию. Причины неудач относятся на собственный счет без учета степени влияния внешних обстоятельств, негативное самоотношение, низкая самооценка создают основу для общей невротизации.

Анализ механизмов и условий появления и укрепления субъективного негативного отношения к себе как к беспомощному, а восприятия перспектив собственной жизни в свете пессимистического атрибутивного стиля, приводит к обнаружению ряда аналогий с процессом интериоризации,

описанным Л.С. Выготским в концепции культурно-исторического развития психики человека [6].

Специфические детско-родительские отношения, характеризующиеся пессимизмом, дефицитом позитивных подкреплений, восприятием ребенка как неумелого, неловкого, подобно интерпсихологическим отношениям с развитием личности ребенка находят свое место во внутреннем психологическом плане личности ребенка. Со временем такое внешнее отношение к ребенку становится значимой частью его негативного самоотношения, которое находит постоянную поддержку внешнего мира. Опыт собственных ошибочных действий, подкрепленный негативной оценкой извне, становится основанием для выбора пессимистической жизненной стратегии, стратегией выученной беспомощности.

При первых неудачах негативную оценку ребенок получает со стороны значимого взрослого, причем часто эта оценка обозначается без учета степени влияния внешних факторов, объективных обстоятельств, степени вложенных ребенком усилий, без оценки положительной динамики и достижений на уровне процесса. Впоследствии, присвоив данный стандарт оценивая и перенеся его во внутренний план, ребенок сам негативно воспринимает и оценивает предпринятые инициированные попытки к действию, результат, не соответствующий ожиданиям, а значит, регулярно убеждается в объективности внешнего отрицательного оценивания. На следующем этапе интериоризации образа себя как беспомощного ребенок прекращает попытки добиться результата не только в условиях преодоления трудностей, но и в ситуации, когда достижение желаемого результата вполне реально. Ограничительное воздействие не только сказывается на деятельности, но и генерализуется в отношении намерений, мотивов, воли, эмоций, мыслей, а следовательно, развития.

Соответственно, специфика взаимоотношений с представителями ближайшего социального окружения является одним из значимых факторов в генезе выученной беспомощности.

Данные идеи находят свое отражение в результатах исследований отечественных ученых, посвященных сравнительному анализу особенностей семейного воспитания в семьях детей, демонстрирующих признаки выученной беспомощности и без них. Значимые различия в стилях воспитания, которые проявляются тем, что родители беспомощных детей имеют тенденцию проявлять неустойчивость стиля воспитания, были выявлены Д.А. Циринг и Е.В. Забелиной. Присутствуют и ролевые отличия в выполнении отцовских и материнских функций родителями самостоятельных и беспомощных детей. Тип отношения к беспомощному ребенку со стороны матери характеризуется потворствованием, максимальным и некритичным удовлетворением любых потребностей ребенка; матери превращают желание ребенка в закон, аргументируя целесообразность такого стиля воспитания уникальностью ребенка, желанием восполнить дефициты, с которыми встречались в период собственного детства, неполным составом семьи (отсутствием отца).

Относительно роли отца важно отметить противоположные тенденции. Исследования показывают, что отцовское потворствующее отношение имеет эффект поощряющего в становлении самостоятельности, в то время как материнское фрустрирует ее [11, 12].

Инфантилизация ребенка, сдерживание его взросления, восприятие его как маленького, слабого, незащитного, сохранение и поощрение детских качеств, страх взросления детей, сниженный уровень требований, ограждение от опыта преодоления трудностей, лишение ответственности и самостоятельности, возможности активно менять ситуацию – типичные воспитательные паттерны отцов беспомощных детей [Там же].

Сравнительный анализ семей беспомощных и самостоятельных детей, проведенный Д.А. Циринг и Е.В. Забелиной, показал, что матери беспомощных детей склонны к гиперпротекции, чрезмерному жертвованию в пользу ребенка собственного времени, внимания, жизненного пространства в сочетании с тотальным контролем, доминированием и ограничением свободы и самостоятельности. Отцы в семьях этих детей также демонстрируют противоречивое отношение к ребенку: с одной стороны, попустительское (отсутствие четких границ и требований к поведению, небольшой круг обязанностей, не привлекают к домашним делам), а с другой – склонность к жесткому стилю воспитания (наказания за незначительные нарушения поведения, невыполнение семейных требований).

Проецирование на ребенка собственных нежелательных качеств является одной из характерных особенностей стиля воспитания беспомощных детей. Мать и отец склонны обнаруживать в ребенке те черты, наличие которых не хотят признавать в самих себе, они ведут борьбу с этими качествами ребенка, как реальными, так и мнимыми, извлекая из этого эмоциональную выгоду для себя. Навязывание негативных нежелательных качеств ребенку создает условия для снятия родителями с себя ответственности за наличие таких качеств и проявлений в структуре собственной личности [11–13].

Усугубляет ситуацию отношение родителей к ребенку как патологически неисправимому. Однако ребенок может предпринимать попытки изменить ситуацию, самого себя, свое поведение, но реакция родителей остается прежней, соответственно, ребенок не может оценить степень собственного влияния на ситуацию, что поддерживает генез выученной беспомощности.

Трансформация негативного опыта, отрицательно заряженных мыслей относительно себя и собственной успешности в установки происходит даже в случае осознания психологического дискомфорта от их присутствия. Такое состояние беспомощности становится привычным, а способа его преодоления у ребенка попросту нет.

В контексте данного исследования особый интерес представляет фактор соматического здоровья ребенка. Соматическое здоровье – одна из детерминант как развития ребенка, так и организации всей социальной, предметной, воспитательно-образовательной среды. Пересечение концеп-

ции Л.С. Выготского и теории М. Селигмана создает условия для определения роли фактора соматического здоровья через призму проблемы генеза выученной беспомощности.

Специфика развития ребенка с нарушениями соматического здоровья определяется присутствием двух значимых факторов: патологического (функциональные нарушения и органические поражения) и материнского (фиксация внимания ребенка на его слабости, болезненности, невозможности делать то, что делают другие дети). Основой становления самоидентичности ребенка в ситуации болезни являются формирующиеся образы тела: «природный» и «культурный». На основе специфической самоидентичности ребенка складывается и система его отношений, в том числе и познавательная позиция по отношению к окружающему миру [14–17].

Ситуация нарушений соматического здоровья ребенка придает особое своеобразие процессу его развития в социальном. Особая, качественно иная ситуация развития личности ребенка, формирование специфических детско-родительских отношений в ситуации болезни, неадекватная внутренняя картина болезни преломляют через себя все события внешнего мира и процессы внутреннего плана.

Выученная беспомощность в ситуации нарушений соматического здоровья ребенка формируется не столько под воздействием специфического содержания внутренней картины болезни или объективных физических страданий, сколько под влиянием специфики реагирования на болезнь ребенка представителей ближайшего социального окружения. Стереотипизированные неоптимальные формы семейного поведения детерминируют появление негативных тенденций в становлении эмоционально-волевой сферы личности ребенка в связи с тем, что члены семьи фрустрируют своим реагированием возможность развития способности к преодолению трудных жизненных ситуаций, с которыми сталкивается ребенок в состоянии болезни. Зачастую подобные формы взаимодействия в семье нарушают течение нормального развития ребенка в системе социальных отношений [18–20].

Доминирование в семье неэффективного типа детско-родительских отношений, неадекватное восприятие феноменов болезни и здоровья создают условия для появления выученной беспомощности ребенка. Специфика детско-родительских отношений, обусловленная нарушениями соматического здоровья ребенка, характеризуется особым неэффективным отношением к ребенку как к «больному», а также сочетается с амбивалентным отношением и наличием вторичной выгоды в условиях болезни со стороны ребенка.

Поиск общих точек соприкосновения в концепциях культурно-исторического развития психики человека Л.С. Выготского и теории выученной беспомощности М. Селигмана сам по себе не может быть достаточным в разработке концепции генеза выученной беспомощности, так как генез – это в большей степени динамическое образование, несущее в себе черты стабильно присутствующих характеристик феномена.

В этих точках соприкосновения актуализируется значимость базовых представлений о методе транспективного анализа, детально прописанных в работах В.Е. Ключко. В одной из своих работ В.Е. Ключко писал: «...наука прогрессирует и, как любые другие открытые системы, обеспечивает свое устойчивое существование за счет усложнения своей системной организации. Сложность в том, что для выделения признаков и показателей этого усложнения необходимо представить науку в качестве открытой системы. Именно этим системам свойственно саморазвитие, а искомое усложнение представляет собой основную тенденцию развития любой науки, в том числе и психологии...» [21. С. 137].

Усложнение концепций как систем осуществляется в том числе методом применения транспективного анализа, в опоре на который «...(как специально разработанное средство, позволяющее выявлять тенденции развития науки как саморазвивающейся системы) появляется возможность в некоторой степени предвосхитить, спрогнозировать то состояние научного пространства, которое будет характеризовать науку в ее ближайшем и более отдаленном будущем. Растущие прогностические возможности науки, обеспеченные формированием нового представления о механизмах ее (само) развития, представляют особое значение для решения “сквозных” проблем психологии, имеющих непреходящий статус, поскольку они центрируют на себе предмет науки» [Там же. С. 137].

Исследуя не одно только содержание феномена выученной беспомощности, а его генез, необходимо иметь в арсенале те методологические инструменты, которые позволят обнаружить признаки генеза в этапах и периодах уже случившейся, прошлой жизни человека, а также определить степень влияния и возможности воздействия данного феномена на последующий опыт жизни человека. Соответственно, только метод, позволяющий исследовать в точке настоящего времени последствия прошлого и объективизировать потенциально возможные вариации будущего, может создать условия для восстановления целостной картины происходящего в человеке. Таким методом и является метод транспективного анализа.

В этой части поиска совместимости двух ранее несовместимых теорий, а также способов поддержки целостности подобного слияния возникает вопрос касательно объективности получаемой в процессе исследования информации, которая в значительной своей доле касается периода времени жизни человека, которого либо уже нет (прошлое), либо оно еще не случилось (будущее).

Ответ на данную дилемму можно обнаружить в рассуждениях В.Е. Ключко о состоянии современной психологии как науки о человеке. «Психология уже откровенно устала без человека. Она накопила большой объем информации о психике и сознании, часть которого просто избыточна, поскольку она представляет собой не больше чем строительные леса строящегося здания психологической науки. Психология вынуждена прогрессировать – чтобы сохранить себя как науку. Изучая психику вне человека, наука постепенно перестает быть наукой: она начинает гадать, для

чего нужно это сложное устройство, какую функцию оно выполняет (на позитивном языке науки это называется “выдвижение гипотез”). Мне кажется, что потребуется значительное время на преодоление “хрестоматийных истин”, утверждающих, что “психика отражает”, “сознание регулирует”, “потребность находит себя в предмете”, “внимание избирает” и т.д. Все это вынужденная антропоморфизация, т.е. приписывание роли активного начала частным системам в отсутствие истинного субъекта активности – человека» [21. С. 138].

Данное видение задач психологии повышает значимость субъективного отношения человека к окружающей действительности (по большому счету, объективным оно быть не может априори), к процессам, происходящим в рамках внутренних переживаний, отношений к этим переживаниям, да и к самому опыту, который, казалось бы, можно подвергнуть сухому объективному измерению в единицах событий, травм, открытий, действий, актов, продуктов, отношений, но который оставался, остается и будет оставаться тем багажом, который изнутри является иным, нежели можно разглядеть снаружи, субстратом.

Еще Л.С. Выготский подчеркивал позитивную значимость психики именно не в отражении реальности, а в «субъективном искажении ее в пользу организма» [6. С. 347].

Продолжая мысль о роли субъективного, В.Е. Ключко упоминал феномен «антропоморфизации сознания», а именно «...наделение его самостоятельной деятельностью (“деятельностью сознания”) и, значит, собственным отношением к миру, потому что любая деятельность, направленная на мир, так или иначе есть реализация отношения человека к тому, что составляет содержание этого мира. Проблема в том, что субъектом отношения становится не человек, не какой-либо из его аналогов, представляющих один или несколько значимых человеческих признаков или граней (индивид, субъект, личность), а сознание как таковое, которое “работает”, отбирает стимулы, строит гипотезы и т.д.» [21. С. 139].

В.Е. Ключко также пишет: «Многомерная логика в них выступает достаточно выпукло – как в плане непосредственного использования этого понятия, так и в задачах конкретных исследований, направленных на выявление генетико-средовых координат психических изменений, этапов развития человека, их эволюционную подготовленность, связь фило- и онтогенеза, саморазвитие системной организации психики» [21. С. 140].

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что психологическая наука нуждается в переходе к учету субъективной стороны разворачивания сознания, причем не только видимого процесса внутри него, как принято обозначать, «на момент исследования», но в большей степени испытывает потребность в «познании природы смыслов и процессов смыслообразования» (В.Е. Ключко), которые достижимы посредством метода трансспективного анализа, позволяя выделить «такие элементы жизненного пространства человека, через которые он может осуществить перевод

своих возможностей в действительность, а также удержат «устойчивость своего существования в реальном времени и пространстве» [14].

Выводы

Таким образом, акцент на принцип эмерджентности в попытке объединить базовые идеи концепции культурно-исторического развития психики человека Л.С. Выготского и представления о феномене выученной беспомощности М. Селигмана, сканирование данного слияния через призму трансспективного анализа как метода психологии позволили обобщить следующие ключевые идеи, задающие новый вектор в исследовании генеза выученной беспомощности.

Возможность изучения генеза «выученной беспомощности» (М. Селигман) с учетом базовых положений концепции культурно-исторического развития психики человека (Л.С. Выготский) видится нам обоснованной в связи с тем, что исследование этапов, механизмов и условий развития состояния выученной беспомощности имеет сходство с процессом интериоризации знаковой системы в ходе становления личности человека в онтогенезе, предложенным в концепции Л.С. Выготского.

Исследование факторов, способствующих развертыванию и поддержанию генеза выученной беспомощности, целесообразно осуществлять с учетом фактора социального воздействия, под влиянием которого определяется направленность становления личности ребенка. Поведенческие стратегии и паттерны взрослого социального окружения, демонстрируемый ими стиль атрибуции, касающийся собственной жизни и событий жизни ребенка, создает условия для формирования пессимистического или оптимистического атрибутивного стиля ребенка, который, в свою очередь, повышает резистентность или сенсibilitätность в отношении генеза выученной беспомощности [21].

Ситуация соматической болезни создает особые условия, в которых процесс становления личности ребенка приобретает специфические черты. В связи с этим в исследовании генеза выученной беспомощности в процессе онтогенетического развития личности изменение качественных характеристик развития ребенка в ситуации болезни, опосредованных в том числе особой системой детско-родительских отношений, влияющих на содержание внутренней картины болезни / здоровья ребенка, а также определяющих направленность развития личности ребенка в целом, являются факторами, заслуживающими пристального внимания.

Изучение генеза выученной беспомощности достижимо в ситуации повышения значимости субъективного восприятия человеком собственного опыта проживания этапов его жизни: исследование пережитого опыта прошлого, измерение доступного настоящего, выдвижение гипотез относительно обозримого и необозримого будущего (что в ключе феномена беспомощности обозначается уровнем осознаваемых потенциалов «могу / не могу»), конкретно – с использованием принципов трансспективного анализа В.Е. Ключко.

Литература

1. Комлев Н.Г. Словарь новых иностранных слов : (с пер., этимологией и толкованием). М. : Изд-во МГУ, 1995. 143 с.
2. Тарасенко Ф.П. Прикладной системный анализ : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2010. 224 с.
3. Морен Э. Метод. Природа Природы. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
4. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности : (введение в трансспективный анализ). Томск : Том. гос. ун-т, 2005. 174 с.
5. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М. : София, 2006. 368 с.
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 4. 432 с.
7. Ключко В.Е. От саморегуляции личности к самоорганизации человека: системные основания парадигмального сдвига в научной психологии // Субъект и личность в психологии саморегуляции. М. : Изд-во ПИ РАО ; Ставрополь : Сев.-Кав. ГТУ, 2007. С. 103–120.
8. Seligman M.E.P. What You Can Change & What You Can't. New York : Knopf, 1993. 359 p.
9. Зелигман М. Как научиться оптимизму : советы на каждый день : пер. с англ. М. : Вече, 1997. 432 с. (Self-Help).
10. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Сер.14, Психология. 1986. № 1.
11. Циринг Д.А. Психология выученной беспомощности : учеб. пособие. М. : Академия, 2005. 120 с.
12. Забелина Е.В. Коммуникативная активность и беспомощность подростков: результаты формирующего эксперимента // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. № 5. С. 28–25.
13. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М. : Академия, 2010. 410 с.
14. Волкова О.В. Интегративный подход к изучению выученной беспомощности детей // Сибирский психологический журнал. 2014. № 54. С. 126–145.
15. Исаев Д.Н. Психология больного ребенка. СПб. : Петерб. педиатр. мед. ин-т, 1993. 75 с.
16. Ковалевский В.А. Развитие личности соматически больного дошкольника, младшего школьника и подростка. Красноярск, 1997. 122 с.
17. Мамайчук И.И. Психологические аспекты здоровья ребенка // Психологические и этнические проблемы детства. СПб., 2003. С. 12–19.
18. Авдеева Н.Н. Роль матери и отца в развитии ребенка в раннем детстве // Дошкольное воспитание. 2005. № 3. С. 101–106.
19. Гаврилова Т.П. Психология семьи : сб. статей / сост. Т.П. Гаврилова. М., 2002. 165 с.
20. Дружинин В.Н. Психология семьи. М. : КСП, 1996. 160 с.
21. Ключко В.Е. От слова к мысли: становление сознания в онтогенезе и этапы когнитивного развития // Мир психологии. 2014. № 2. С. 134–148.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.; принята 02.03.2018 г.

Сведения об авторе:

ВОЛКОВА Олеся Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и психотерапии с курсом ПО Красноярского государственного медицинского университета им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России (Красноярск, Россия). E-mail: olesyavl.volkova@mail.ru

THE EMERGENCE PRINCIPLE AS A BASIS OF DEVELOPING AN ESSENTIALLY NEW APPROACH IN STUDYING THE GENESIS OF THE LEARNED HELPLESSNESS

Siberian journal of psychology, 2018, 68, 93–108. DOI: 10.17223/17267080/68/6

Volkova Olesya V., Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: olesyavl.volkova@mail.ru

Keywords: learned helplessness; genesis; cultural and historical approach; emergence principle; transpective analysis; system.

The article presents an attempt to create the new methodological fundamentals for the researches devoted to the learned helplessness genesis. The current state of psychological science in the field of studying the helplessness phenomenon is described. We urged the importance to study not only the entities of the learned helplessness but its genesis also. One of the methodological problems of modern psychology is the importance of searching the emergent features of scientific systems (concepts) in the course of combining the existing systems in definitely new concepts.

We highlighted the role of the person's subjective perception of his past experience, relevant situation and events of his present life and also the ideas of his own future in the context of studying the learned helplessness genesis.

It is expedient to carry out the study of learned helplessness genesis (M. Seligman) taking the concept of cultural and historical development of mentality (L.S. Vygotsky) as a base considering the fact that it is obviously possible to trace mechanisms of learned helplessness symptoms formation in a similar way to the processes of interiorization of the sign system in the course of ontogenetic development described by L.S. Vygotsky.

In the question of making clear the factors determining the learned helplessness genesis it is important to consider a role of society within which a child's identity is formed and developed. Behavior models of immediate adult environment representatives, their attributive style to the events of their own life and events of the child's life is a prerequisite to formation of personal optimism / pessimism of the child which, being, in fact, a type of attribution allows (or doesn't allow) arising and fixing the learned helplessness phenomenon.

The evolution of a child gets special in a disease situation. From this point of view in studying the learned helplessness genesis in the course of ontogenesis it is important to consider the emergence of special, qualitatively different situation of child evolution, formation of the specific child / parental relations in a disease situation that forms an internal picture of a disease which is also the significant construct refracting through itself all events of the outside world and processes of the internal plan.

Studying the learned helplessness genesis is achievable in a situation of increasing the importance of person's subjective perception of his own life stages experience, namely, a research of the endured experience of the past, measurement of the available present, promotion of rather foreseeable and vast future hypotheses – with the use of transpective analysis principles by V.E. Klochko.

References

1. Komlev, N.G. (1995) *Slovar' novykh inostrannykh slov* [Dictionary of New Foreign Words]. Moscow: Moscow State University.
2. Tarasenko, F.P. (2010) *Prikladnoy sistemnyy analiz* [Applied Systems Analysis]. Moscow: KNORUS.
3. Moren, E. (2005) *Metod. Priroda Prirody* [Method. Nature's Nature]. Translated from French by E.N. Knyazeva. Moscow: Progress-Traditsiya.
4. Klochko, V.E. (2005) *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problema stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti: (vvedeniye v transspektivnyy analiz)*

- [Self-organization in psychological systems: on formation of the mental space of the individual: (an introduction to transsexual analysis)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Seligman, M. (2006) *Novaya pozitivnaya psikhologiya: nauchnyy vzglyad na schast'ye i smysl zhizni* [New positive psychology: a scientific view of happiness and the meaning of life]. Translated from English. Moscow: Sofiya.
 6. Vygotskiy, L.S. (1984) *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected works: In 6 vols]. Vol. 4. Moscow: Pedagogika.
 7. Klochko, V.E. (2007) Ot samoregulyatsii lichnosti k samoorganizatsii cheloveka: sistemye osnovaniya paradigmal'nogo sdviga v nauchnoy psikhologii [From the self-regulation of the individual to the self-organization of human: The systemic foundations of the paradigm shift in scientific psychology]. In: Morosoanova, V.I. (ed.) *Sub'yekt i lichnost' v psikhologii samoregulyatsii* [Subject and personality in the psychology of self-regulation]. Moscow: PI RAO; Stavropol': North-Caucasian Federal University. pp. 103–120.
 8. Seligman, M.E.P. (1993) *What You Can Change & What You Can't*. New York: Knopf.
 9. Seligman, M. (1997) *Kak nauchit'sya optimizmu: sovery na kazhdy den'* [How to Learn Optimism: Tips for Every Day]. Translated from English. Moscow: Veche.
 10. Vygotskiy, L.S. (1986) Konkretnaya psikhologiya cheloveka [Concrete psychology of human]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.14, Psikhologiya*. 1.
 11. Tsiring, D.A. (2005) *Psikhologiya vyuchenoy bespomoshchnosti* [Psychology of Learned Helplessness]. Moscow: Akademiya.
 12. Zabelina, E.V. (2008) Kommunikativnaya aktivnost' i bespomoshchnost' podrostkov: rezul'taty formiruyushchego eksperimenta [Communicative activity and helplessness of adolescents: the results of the forming experiment]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Kostroma State University*. 5. pp. 28–25.
 13. Tsiring, D.A. (2010) *Psikhologiya lichnostnoy bespomoshchnosti: issledovaniye urovney sub'yektnosti* [Psychology of personal helplessness: The study of levels of subjectness]. Moscow: Akademiya.
 14. Volkova, O.V. (2014) Integrative approach in studying the learnt helplessness problem of children. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 54. pp. 126–145. (In Russian).
 15. Isayev, D.N. (1993) *Psikhologiya bol'nogo rebenka* [Psychology of a sick child]. St. Petersburg: St. Petersburg Pediatrician Medical Institute.
 16. Kovalevskiy, V.A. (1997) *Razvitiye lichnosti somaticheski bol'nogo doshkol'nika, mladshego shkol'nika i podrostka* [The development of the personality of a somatically sick preschooler, a junior schoolchild and an adolescent]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
 17. Mamaychuk, I.I. (2003) Psikhologicheskiye aspekty zdorov'ya rebenka [Psychological aspects of child's health]. In: Nezhentsev, M.V. & Veselov, N.G. (eds) *Psikhologicheskiye i etnicheskiye problemy detstva* [Psychological and Ethnic Problems of Childhood]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 12–19.
 18. Avdeyeva, N.N. (2005) Rol' materi i ottsa v razvitii rebenka v rannem detstve [The role of mother and father in child development in early childhood]. *Doshkol'noye vospitaniye – Preschool education*. 3. pp. 101–106.
 19. Gavrilova, T.P. (ed.) (2002) *Psikhologiya sem'i* [Psychology of Family]. Moscow: Voprosy psikhologii.
 20. Druzhinin, V.N. (1996) *Psikhologiya sem'i* [Psychology of Family]. Moscow: KSP.
 21. Klochko, V.E. (2014) Ot slova k mysli: stanovleniye soznaniya v ontogeneze i etapy kognitivnogo razvitiya [From word to thought: the formation of consciousness in ontogeny and the stages of cognitive development]. *Mir psikhologii*. 2. pp. 134–148.

Received 18.01.2018;

Accepted 02.03.2018

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.64:159.9.072.432
DOI: 10.17223/17267080/66/7

М.В. Балева

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)*

Влияние произвольной групповой самоидентификации на социальную перцепцию групп разного типа

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект 16-16-59006.

Исследуется влияние групповой самоидентификации и категории социальной группы на ингрупповой фаворитизм и стереотипизацию. Групповая самоидентификация рассматривается как осознание группового членства и отнесение ингруппы к большинству / меньшинству. Обнаружено, что фаворитизм и стереотипизация задаются особенностями групповой самоидентификации субъекта, но при этом опосредуются категориями социальных групп. Аутгруппы этнической категории в меньшей степени подвержены предвзятости и стереотипизации.

Ключевые слова: социальная перцепция; групповая самоидентификация; аутгрупповая стереотипизация; ингрупповой фаворитизм (предвзятость); прототипизация; искусственные социальные группы; категории социальных групп.

Введение

Социальная перцепция определяется как процесс взаимного восприятия социальных объектов, под которыми подразумеваются, прежде всего, отдельные индивиды и социальные группы [1]. Вместе с тем в последнее время в качестве объектов социальной перцепции все чаще исследуются разного рода социальные феномены, например одежда [2], имидж [3], рекламный образ [4]. Социальная перцепция имеет два определяющих ее содержательных полюса. Во-первых, в нее входит информация об объекте как основное содержание и результат перцептивного процесса, а во-вторых – характеристики субъекта восприятия как опосредующий их фактор. Действительно, восприятие Другого, с одной стороны, обусловлено присутствующими ему характеристиками, такими как тип культуры [5], социально-экономический статус [6], специфика автостереотипа [7] и др. С другой стороны, важную роль в социальной перцепции играют внутренние факторы, относящиеся к субъекту, например доминантность [8], авторитаризм [9], интернальность [10], агрессивность [11].

Групповая самоидентификация является важной составляющей Я-концепции человека и определяет его специфическое место и роль в социальном пространстве. В целом ее можно рассматривать как угол зрения на это пространство. В процессе социальной перцепции в зависимости от ответа на вопрос «Кто я?» становится понятно, кого я воспринимаю как «Другого». И это не единственное следствие групповой самоидентификации. От ее содержания зависят и интенсивность, и валентность оценки объекта восприятия.

В реальной жизни процесс групповой самоидентификации в большой степени предопределен гендерными, культурными, идеологическими, социальными и другими предпосылками. То есть группа членства часто заранее задана для индивида как его врожденными особенностями, так и обстоятельствами жизни. В то же время за человеком остается некоторая свобода выбора, которая может проявляться в отказе от собственной национальности, смене политических убеждений и даже пола.

По существующей в социальной психологии традиции исследования межгруппового восприятия проводятся применительно к конкретным, реально существующим социальным группам. При этом перцептивный образ группы является специфичным для нее. Как правило, исследуемый феноменологически, он не может быть предсказан заранее, однако всегда может быть объяснен и проинтерпретирован постфактум, что лишним раз подтверждает феномен хиндсайта [12]. С одной стороны, такое положение дел представляется вполне логичным. Учитывая, что образы социальных групп определяются их родом деятельности, социальной активностью, экономическим статусом, культурными традициями и др., они разнообразны настолько, насколько своеобразны жизненные уклады социальных общностей. С другой стороны, содержательное разнообразие образов социальных групп затрудняет их научную систематизацию и обобщение и переводит проблему социальной перцепции, скорее, в область публицистики.

В то же время в социальной психологии выявлено два устойчивых феномена, не зависящих от конкретного вида воспринимаемой социальной группы и достаточно стабильно проявляющихся во взаимодействиях «Я–Другой». Речь идет о феноменах ингруппового фаворитизма (предвзятости) и аутгрупповой стереотипизации. Предвзятость, или ингрупповой фаворитизм, рассматривается как переоценка собственной группы по ряду параметров [13]. Под стереотипизацией понимается склонность идентифицировать членов аутгруппы в терминах их групповых характеристик [14], т.е. осуществлять перенос стереотипного образа группы на ее конкретных представителей. Однако и в отношении этих феноменов вряд ли можно выдвигать прямые гипотезы относительно их выраженности при восприятии конкретного социального объекта. В каком случае ингрупповая предвзятость будет выше, а в каком – ниже? От чего зависит ослабление стереотипизации? Даже в случае количественных исследований данных феноменов предварительные предположения об их интенсивности являются затруднительными в силу многофакторной обусловленности процессов социальной перцепции.

Прямое измерение выраженности феноменов социальной стереотипизации и предвзятости наталкивается на ряд проблем. Так, при ответе на вопрос о том, насколько стереотипным («типичным») является конкретный представитель социальной группы, испытуемые склонны переоценивать его исключительность и индивидуальное своеобразие, что вообще ставит под сомнение стереотипизацию как таковую [16]. Исследования предвзятости оказываются чувствительными к идеологическому контексту и социальной желательности [9]. В этой связи представляются наиболее адекватными непрямые измерения данных феноменов. Одной из форм проявления ингрупповой предвзятости является ингрупповая прототипизация [16]. Она представляет собой проецирование характеристик ингруппы на группу более высокого уровня – протогруппу, которая является родовой (общей) для ингруппы и аутгруппы. Например, немцы считают немцев более похожими на европейцев, чем, скажем, итальянцев. Предельным вариантом протогруппы является образ «людей вообще». Стереотипизация связывается с вербальными индикаторами, которые отражают фокусировку восприятия либо на чертах объекта как его обобщенных характеристиках, либо на его конкретных (единичных) поведенческих проявлениях. Преимущественное описание индивида в терминах черт трактуется, таким образом, как его стереотипизированное восприятие, а суждения о нем в терминах наблюдаемого (фактологического) поведения – как нестереотипизированное восприятие [17].

Целью настоящего исследования является попытка обнаружить общие, не зависящие от уникальной содержательной специфики социальных групп закономерности влияния групповой самоидентификации на проявления ингрупповой предвзятости и аутгрупповой стереотипизации. В качестве объектов восприятия выступают вымышленные социальные группы, отношение к которым у испытуемых не воспроизводится в готовом, уже устоявшемся виде, а формируется в ходе эксперимента, в процессе предъявления соответствующей информации. Это позволяет избежать влияния предварительных установок и (с большой вероятностью) эмоциональной окрашенности восприятия. Вместе с тем вымышленные группы имеют реальные прообразы, поскольку выделяются по тем же критериям, что и реальные социальные группы: этническому, идеологическому и социально-стратификационному (подробнее об этом в описании методов исследования). При отсутствии специфического содержательного наполнения они, тем не менее, представляют определенные социальные категории (протогруппы). В каждой из них выделяется две противоположных группы, отличающихся друг от друга по врожденным (физиологическим) особенностям, идейным убеждениям и статусным предпочтениям. В конструируемой таким образом экспериментальной ситуации групповая идентификация субъекта является в большой степени произвольной и формируется непосредственно в процессе восприятия.

В исследовании тестируется следующая гипотеза: выраженность ингрупповой предвзятости и аутгрупповой стереотипизации является

результатом произвольной групповой самоидентификации субъекта, опосредованной спецификой категории, охватывающей воспринимаемые социальные группы.

Методы исследования

Описание выборки. В эксперименте приняли участие 387 студентов 1–3-х курсов Пермского государственного национального исследовательского университета в возрасте от 17 до 22 лет. Из них в исследование эффектов групповой самоидентификации и групповой категории на переменную интрупповой предвзятости вошли 365 человек, оставшиеся после удаления статистических выбросов – 282 девушки и 83 (23%) юноши ($M = 19,02$, $SD = 0,93$). Эффекты тех же факторов на аутгрупповую стереотипизацию исследовались на выборке сокращенного объема – 207 человек (155 девушек и 52 (25%) юноши, $M = 19,05$, $SD = 1,01$). Это связано с отсевом испытуемых, не сумевших осуществить взаимоисключающий выбор обобщенных черт и конкретного поведения в методике измерения стереотипизации и указавших при описании конкретного представителя группы набор характеристик, включавший синонимичные черты и поведенческие описания. Испытуемые, у которых при описании стимульных объектов обнаружилось содержательное совпадение черт и поведения более чем в 50% от общего количества выбранных характеристик, исключались из выборки.

Диагностический инструментарий. Испытуемым предъявлялись описания социальных групп. Социальные группы как стимульные объекты восприятия предъявлялись через описание их искусственных, не существующих в реальности аналогов, якобы обнаруженных в ходе научных исследований. Описание групп предъявлялось в виде научно-популярной статьи, стилизованной под скриншот из Интернета. Описываемые группы относились к одной из следующих категорий: этнические, идеологические и социально-стратификационные. В качестве представителей этнических групп в исследовании выступали люди, отличающиеся физиологически обусловленными способностями определенным образом реагировать на звуки низкой и высокой частоты (приложения 1, 2). В первом случае текст-описание этих групп людей не содержал упоминания об их внешних признаках, позволявших «на глаз» отнести их к той или иной группе, во втором случае в тексте сообщалось, что их групповую принадлежность можно определить по внешности: цвету волос и чертам лица (без уточнения деталей). Предполагалось, что первый текст описывает аналог фенотипически неявных, а второй – фенотипически явных представителей некоего этноса. Группы, относящиеся к категории идеологических, были представлены в тексте-описании людьми, имеющими противоположные убеждения в отношении своего ближайшего социального окружения: первые якобы воспринимают других людей как своих соратников, а вторые – как соперников (приложение 3). Данная искусственно сконструированная идеология наиболее близко отражает два распространенных контрастных варианта

политической идеологии, которые в реальности воплощаются, например, в социалистических и либеральных политических взглядах. Группы, относящиеся к категории социально-стратификационных, были представлены описанием людей, имеющих противоположные статусные предпочтения (приложение 4): первые предпочитают «высокостатусные» (дорогие) вещи, а вторые – «низкостатусные» (дешевые). Данные предпочтения отражают социальные группы людей разного социального статуса, первые из которых относятся к группе состоятельных, а вторые – малоимущих.

Каждый испытуемый получал только один текст. После его прочтения респондентов просили выполнить несколько заданий. Во-первых, предлагалось определить свою наиболее вероятную групповую принадлежность – основной показатель групповой самоидентификации. Произвольная фиксация группы членства позволяла определить контекст последующего субъективного описания этих групп как «своей» и «чужой». Во-вторых, предлагалось обозначить, какая из описанных социальных групп составляет большинство, а какая меньшинство (дополнительный показатель групповой самоидентификации), в-третьих – описать каждую группу в целом, ее отдельного представителя и протогруппу с помощью набора положительных и отрицательных характеристик.

Для измерения ингрупповой предвзятости использовался показатель числа совпадений отмеченных характеристик «своей» и «чужой» групп с характеристиками, отмеченными для протогруппы. Более высокое значение данного показателя свидетельствовало о большей выраженности ингруппового фаворитизма и преобладало при описании ингруппы по сравнению с аутгруппой ($t = 6,82, p < 0,001$).

Для измерения аутгрупповой стереотипизации использовался показатель разности числа выбранных обобщенных характеристик (например, «упрямый») и числа выбранных описаний конкретного поведения (например, «категорически отказался принять точку зрения партнера»). Более высокое значение свидетельствовало о более высокой выраженности стереотипизации и преобладало при описании аутгруппы по сравнению с описанием ингруппы ($t = 16,73, p < 0,001$).

Анализ данных. Обработка результатов осуществлялась в программе Statistica с использованием двухфакторного дисперсионного анализа (смешанный план: межгрупповой дизайн и метод повторных измерений). В качестве независимых (межгрупповых) факторов в анализ включались показатели категории социальной группы (с четырьмя номинальными уровнями: 1 – «этническая, фенотипически неявная», 2 – «этническая, фенотипически явная», 3 – «идеологическая», 4 – «стратификационная») и оценки социальной распространенности ингруппы (с двумя уровнями: 1 – ингруппа относится к большинству, 2 – ингруппа относится к меньшинству). В качестве зависимых переменных (внутригрупповых факторов, представленных повторными измерениями) в анализ включались показатели предвзятости и стереотипизации (с двумя уровнями каждый: 1 – предвзятость / стереотипизация «своей» группы, 2 – предвзятость / стереотипи-

зация «чужой» группы). Таким образом, основной показатель групповой самоидентификации был задан разными уровнями внутригрупповых факторов. В качестве дополнительного анализа использовались методы описательной статистики; нормальность распределения определялась по значениям асимметрии и эксцесса.

Результаты исследования

Анализ распределения количественных показателей, включенных в анализы, показал удовлетворительные результаты. Значения асимметрии и эксцесса не превышали критических значений для соответствующих размеров выборки (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика показателей предвзятости и стереотипизации

Показатели социальной перцепции	N	Среднее значение (M)	Стандартное отклонение (SD)	Асимметрия (A)*	Эксцесс (E)**
Прототипизация «своей» группы	365	2,83	1,85	0,24	-0,76
Прототипизация «чужой» группы	365	2,10	1,49	0,26	-0,90
Стереотипизация «своей» группы	207	-0,62	2,48	0,01	0,25
Стереотипизация «чужой» группы	207	2,64	1,72	0,25	0,46

* $A_{крит.} = 0,38$ при $N = 365$; $A_{крит.} = 0,50$ при $N = 207$.

** $E_{крит.} = 1,26$ при $N = 365$; $E_{крит.} = 1,64$ при $N = 207$.

Итоги дисперсионного анализа для зависимой переменной «прототипизация» представлены в табл. 2–4. В табл. 2 приводятся значения главных эффектов и взаимодействий факторов групповой самоидентификации и категории группы на переменную прототипизации.

Таблица 2

Значения главных эффектов и взаимодействий независимых факторов по переменной «прототипизация»

Межгрупповые и внутригрупповые переменные (факторы)	Сумма квадратов (SS)	Степени свободы (df)	Средний квадрат (MS)	Критерий Фишера (F)	Уровень значимости (p)
<i>Главные эффекты межгрупповых факторов</i>					
Категория группы	19,10	3	6,37	1,82	0,14
Отнесение ингруппы к большинству / меньшинству	2,10	1	2,10	0,60	0,44
<i>Главный эффект внутригруппового фактора</i>					
Своя–чужая группа	61,80	1	61,80	31,13	0,001
<i>Взаимодействия факторов</i>					
Категория группы					
Отнесение ингруппы к большинству / меньшинству	4,61	3	1,54	0,44	0,72
Своя–чужая группа					
Категория группы	33,04	3	11,01	5,55	0,001

Окончание табл. 2

Межгрупповые и внутригрупповые переменные (факторы)	Сумма квадратов (SS)	Степени свободы (df)	Средний квадрат (MS)	Критерий Фишера (F)	Уровень значимости (p)
Своя–чужая группа Отнесение ингруппы к большинству / меньшинству	18,45	1	18,45	9,29	0,01
Своя–чужая группа Категория группы Отнесение ингруппы к большинству / меньшинству	8,78	3	2,93	1,47	0,22

Примечание. Значения критерия Левена: для показателя «Прототипизация своей группы»: $F = 1,75$, $p = 0,09$; для показателя «Прототипизация чужой группы»: $F = 0,64$, $p = 0,72$.

Согласно результатам анализа, основной показатель групповой самоидентификации – произвольный выбор «своей» и «чужой» социальной группы – оказал статистически значимый эффект на прототипизацию ($F = 31,13$, $p \leq 0,001$). Относительно выраженным, хоть в целом и незначимым статистически, оказался и эффект групповой категории ($p = 0,14$). Парный эффект данных факторов был статистически значимым ($F = 5,55$, $p \leq 0,001$). Более того, воздействие дополнительного фактора групповой самоидентификации (отнесение ингруппы к большинству / меньшинству) проявилось в паре с ее основным фактором (произвольным выбором группы) ($F = 9,29$, $p \leq 0,01$).

Эти результаты позволяют утверждать, что фактор осознания групповой идентификации (определение собственного группового членства) является решающим в процессе формирования феномена ингрупповой предвзятости, однако его влияние частично опосредуется представлениями о принадлежности ингруппы к большинству / меньшинству, а также категорией, определяющей специфику воспринимаемых групп.

В табл. 3 представлены средние значения (и стандартные ошибки) показателей прототипизации при разных уровнях независимых факторов групповой самоидентификации и категории группы.

Таблица 3

**Значения переменной «прототипизация»
при разных уровнях независимых факторов**

Категория группы	Отнесение к большинству	Прототипизация	Среднее значение (M)	Стандартная ошибка (SE)
Этническая, фенотипически неявная	ингруппы	ингруппы	2,95	0,21
		аутгруппы	1,99	0,17
	аутгруппы	ингруппы	2,10	0,34
		аутгруппы	2,59	0,27
Этническая, фенотипически явная	ингруппы	ингруппы	2,91	0,22
		аутгруппы	2,43	0,18
	аутгруппы	ингруппы	2,17	0,33
		аутгруппы	2,40	0,27

Таблица 3

Категория группы	Отнесение к большинству	Прототипизация	Среднее значение (M)	Стандартная ошибка (SE)
Идеологическая	ингруппы	ингруппы	3,24	0,25
		аутгруппы	2,15	0,20
	аутгруппы	ингруппы	3,07	0,35
		аутгруппы	2,29	0,28
Стратификационная	ингруппы	ингруппы	2,83	0,25
		аутгруппы	1,47	0,20
	аутгруппы	ингруппы	2,75	0,35
		аутгруппы	1,68	0,28

В табл. 4 приводятся данные о статистической значимости различий в выраженности прототипизации при разных уровнях независимых факторов групповой самоидентификации и категории группы.

Таблица 4

Статистическая значимость различий (p) в выраженности переменной «прототипизация» при разных уровнях независимых факторов

Сочетания уровней независимых факторов	Категория группы*	Отнесение к большинству / меньшинству**	Прототипизация***	Сочетания уровней независимых факторов															
				{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}	{7}	{8}	{9}	{10}	{11}	{12}	{13}	{14}	{15}	{16}
{1}	1	1	1																
{2}	1	1	2	0,00															
{3}	1	2	1	0,02															
{4}	1	2	2		0,10	0,19													
{5}	2	1	1	0,89															
{6}	2	1	2		0,11			0,05											
{7}	2	2	1			0,88		0,04											
{8}	2	2	2				0,67		0,93	0,52									
{9}	3	1	1	0,32				0,28											
{10}	3	1	2		0,58				0,35			0,00							
{11}	3	2	1			0,03				0,04	0,66								
{12}	3	2	2				0,49				0,79	0,72	0,04						
{13}	4	1	1	0,69				0,79				0,20							
{14}	4	1	2		0,08				0,00				0,04			0,00			

Сочетания уровней независимых факторов	Категория группы*	Отнесение к большинству / меньшинству**	Прототипизация***	Сочетания уровней независимых факторов															
				{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}	{7}	{8}	{9}	{10}	{11}	{12}	{13}	{14}	{15}	{16}
{15}	4	2	1			0,14				0,18			0,47		0,84				
{16}	4	2	2				0,04			0,10				0,17		0,59	0,00		

Примечание. Порядковые номера в фигурных скобках обозначают конкретные варианты сочетания уровней независимых факторов. Приведены уровни значимости различий (p) только для сопоставимых между собой значений прототипизации, различающихся не более чем одним уровнем независимых факторов.

* – Категория воспринимаемой группы: 1 – этническая, фенотипически неявная; 2 – этническая, фенотипически явная; 3 – идеологическая; 4 – стратификационная.

** – Отнесение ингруппы: 1 – к большинству; 2 – к меньшинству.

*** – Прототипизация: 1 – ингруппы; 2 – аутгруппы.

Множественный анализ различий в выраженности показателей прототипизации при разных уровнях независимых факторов (post hoc test) показал ее относительную обусловленность как групповой самоидентификацией, так и групповой категорией. Обнаруженные различия наглядно представлены на рис. 1.

Как видно из табл. 4 и рис. 1, основной показатель групповой идентификации, т.е. сам факт осознания группового членства, в большинстве случаев определяет более высокую выраженность прототипизации для «своей», чем для «чужой» группы (ингрупповой фаворитизм). Вместе с тем в действие данного фактора вмешиваются как дополнительный показатель групповой идентификации (отнесение ингруппы к большинству / меньшинству), так и показатель групповой категории.

Мы видим, что при условии отнесения ингруппы к большинству ингрупповой фаворитизм проявляется стабильно и не зависит от категории группы. Однако при отнесении ингруппы к меньшинству ингрупповой фаворитизм исчезает в категории «этнические группы»: становятся незначимыми различия в прототипизации «своей» и «чужой» «этнических» групп – как фенотипически неявных (p = 0,19), так и фенотипически явных (p = 0,52). К остальным категориям социальных групп прототипизация ингруппы (в случае ее отнесения к меньшинству) оказывается «нечувствительной», что проявляется в ее одинаковой выраженности для «идеологических» и «стратификационных» групп (p = 0,47). Совершенно иначе проявляет себя прототипизация аутгруппы. Независимо от ее отнесения к меньшинству или к большинству она является разной для разных груп-

повых категорий. Так, ее наиболее высокая выраженность по сравнению с другими категориями обнаруживается для «этнической группы» ($p_{cp} = 0,05$), а наиболее низкая – для «стратификационной группы» ($p_{cp} = 0,07$). По сравнению со «стратификационной» прототипизация «идеологической» группы оказывается несколько выше ($p_{cp} \leq 0,10$). Сопоставление «этнических» и «идеологических групп» показывает, что различия между ними практически не значимы ($p \geq 0,10$).

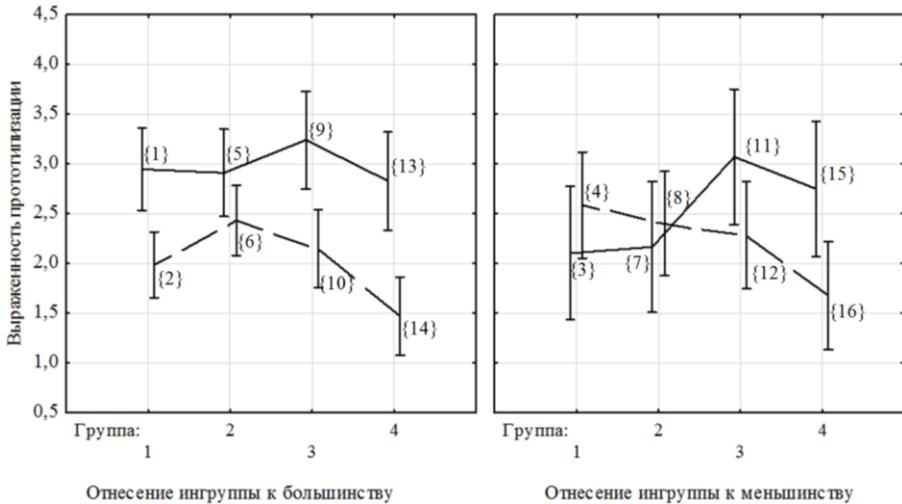

Рис. 1. Эффекты групповой самоидентификации и категории воспринимаемой группы на прототипизацию.

Категории групп: 1 – этническая, фенотипически неявная; 2 – этническая, фенотипически явная; 3 – идеологическая; 4 – стратификационная.

Прототипизация: ————— – «своей» группы; - - - - - – «чужой» группы

Из рис. 1 мы видим также, что в случае отнесения ингруппы к меньшинству степень ее прототипизации несколько снижается, что свидетельствует о снижении ингруппового фаворитизма при осознании своей принадлежности к меньшинству. Однако, несмотря на визуально отслеживаемую общую тенденцию, данный факт обнаруживает статистическое подтверждение лишь в отношении категории этнических групп – «неявной» ($p = 0,02$) и «явной» ($p = 0,04$). Зеркальная тенденция обнаруживается в отношении аутгрупп: при их отнесении к большинству степень их прототипизации несколько возрастает, однако достигает близкого к значимому уровня лишь в отношении категории этнически неявной группы ($p = 0,10$).

Итоги дисперсионного анализа для зависимой переменной «стереотипизация» представлены в табл. 5. Приводятся значения главных эффектов и взаимодействий факторов групповой самоидентификации и категории группы на переменную стереотипизации.

Значения главных эффектов и взаимодействий независимых факторов по переменной «стереотипизация»

Межгрупповые и внутригрупповые переменные (факторы)	Сумма квадратов (SS)	Степени свободы (df)	Средний квадрат (MS)	Критерий Фишера (F)	Уровень значимости (p)
<i>Главные эффекты межгрупповых факторов</i>					
Категория группы	44,79	3	14,93	2,96	0,03
Отнесение ингруппы к большинству / меньшинству	5,98	1	5,98	1,19	0,28
<i>Главный эффект внутригруппового фактора</i>					
Своя–чужая группа	998,29	1	998,29	262,89	0,001
<i>Взаимодействия факторов</i>					
Категория группы Отнесение ингруппы к большинству / меньшинству	23,97	3	7,99	1,59	0,19
Своя–чужая группа Категория группы	28,76	3	9,59	2,52	0,06
Своя–чужая группа Отнесение ингруппы к большинству / меньшинству	23,44	1	23,44	6,17	0,01
Своя–чужая группа Категория группы Отнесение ингруппы к большинству / меньшинству	13,50	3	4,50	1,19	0,32

Примечание. Значения критерия Левена: для показателя «Стереотипизация своей группы»: $F = 1,55$, $p = 0,15$; для показателя «Стереотипизация чужой группы»: $F = 0,89$, $p = 0,52$.

Согласно результатам анализа, основной показатель групповой самоидентификации – произвольный выбор «своей» и «чужой» социальной группы – оказал статистически значимый эффект на стереотипизацию ($F = 262,89$, $p \leq 0,001$). Статистически значимым оказался и эффект групповой категории ($F = 2,96$, $p \leq 0,05$). Парный эффект данных факторов был близким к статистически значимому ($F = 2,52$, $p \leq 0,06$). Как и в случае с прототипизацией, воздействие дополнительного фактора групповой самоидентификации (отнесение ингруппы к большинству / меньшинству) на стереотипизацию проявилось в паре с ее основным фактором (произвольным выбором группы) ($F = 6,17$, $p \leq 0,01$).

Эти результаты позволяют утверждать, что факторы групповой идентификации и групповой категории определяют выраженность социальной стереотипизации и опосредуют друг друга во влиянии на ее выраженность.

В табл. 6 представлены средние значения (и стандартные ошибки) показателей стереотипизации при разных уровнях независимых факторов групповой самоидентификации и категории группы.

В табл. 7 приводятся данные о статистической значимости различий в выраженности прототипизации при разных уровнях независимых факторов групповой самоидентификации и категории группы.

Таблица 6

**Значения переменной «стереотипизация»
при разных уровнях независимых факторов**

Категория группы	Отнесение к большинству	Стереотипизация	Среднее значение (М)	Стандартная ошибка (SE)
Этническая, фенотипически неявная	ингруппы	ингруппы	-0,58	0,38
		аутгруппы	2,58	0,27
	аутгруппы	ингруппы	-2,69	0,67
		аутгруппы	2,54	0,47
Этническая, фенотипически явная	ингруппы	ингруппы	-0,17	0,41
		аутгруппы	2,39	0,28
	аутгруппы	ингруппы	0,21	0,65
		аутгруппы	2,71	0,46
Идеологическая	ингруппы	ингруппы	-0,79	0,46
		аутгруппы	1,96	0,32
	аутгруппы	ингруппы	-1,46	0,67
		аутгруппы	2,85	0,47
Стратификационная	ингруппы	ингруппы	-0,17	0,38
		аутгруппы	3,12	0,26
	аутгруппы	ингруппы	-0,95	0,53
		аутгруппы	3,00	0,37

Таблица 7

Статистическая значимость различий (p) в выраженности переменной «стереотипизация» при разных уровнях независимых факторов

Сочетания уровней независимых факторов	Категория группы*	Отнесение к большинству / меньшинству**	Стереотипизация***	Сочетания уровней независимых факторов															
				{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}	{7}	{8}	{9}	{10}	{11}	{12}	{13}	{14}	{15}	{16}
{1}	1	1	1																
{2}	1	1	2	0,001															
{3}	1	2	1	0,01															
{4}	1	2	2		0,96	0,001													
{5}	2	1	1	0,40															
{6}	2	1	2		0,70		0,001												
{7}	2	2	1			0,001	0,57												

Сочетания уровней независимых факторов	Категория группы*	Отнесение к большинству / меньшинству**	Стереотипизация***	Сочетания уровней независимых факторов															
				{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}	{7}	{8}	{9}	{10}	{11}	{12}	{13}	{14}	{15}	{16}
{8}	2	2	2				0,83		0,62	0,01									
{9}	3	1	1	0,68				0,24											
{10}	3	1	2		0,24				0,42			0,001							
{11}	3	2	1			0,14				0,04		0,34							
{12}	3	2	2				0,71				0,87		0,21	0,001					
{13}	4	1	1	0,38				1,00				0,23							
{14}	4	1	2		0,24				0,13				0,02			0,001			
{15}	4	2	1			0,02				0,11				0,49		0,16			
{16}	4	2	2				0,53				0,69				0,84		0,83	0,001	

Примечание. Порядковые номера в фигурных скобках обозначают конкретные варианты сочетания уровней независимых факторов. Приведены уровни значимости различий (p) только для сопоставимых между собой значений значений стереотипизации, различающихся не более чем одним уровнем независимых факторов.

* – Категория воспринимаемой группы: 1 – этническая, фенотипически неявная; 2 – этническая, фенотипически явная; 3 – идеологическая; 4 – стратификационная.

** – Отнесение ин группы: 1 – к большинству; 2 – к меньшинству.

*** – Стереотипизация: 1 – ин группы; 2 – аут группы.

Post hoc показателей стереотипизации при разных уровнях независимых факторов показал ее преимущественную обусловленность групповой самоидентификацией, нежели групповой категорией. Обнаруженные различия наглядно представлены на рис. 2.

Как видно из табл. 7 и рис. 2, основной показатель групповой идентификации, т.е. сам факт осознания группового членства, принципиальным образом определяет стереотипизацию, которая существенно выше для аут группы, чем для ин группы ($p \leq 0,001$). При этом стереотипизация обнаруживает одинаковый уровень выраженности для всех категорий аут групп ($p \geq 0,10$) и для большинства категорий ин групп – кроме «этнических». Наиболее низкой она является для «этнической, фенотипически неявной» группы ($p_{cp} = 0,05$), а наиболее высокой – для «этнической, фенотипически явной» ($p_{cp} = 0,05$) при условии отнесения их обоих к групповому меньшинству.

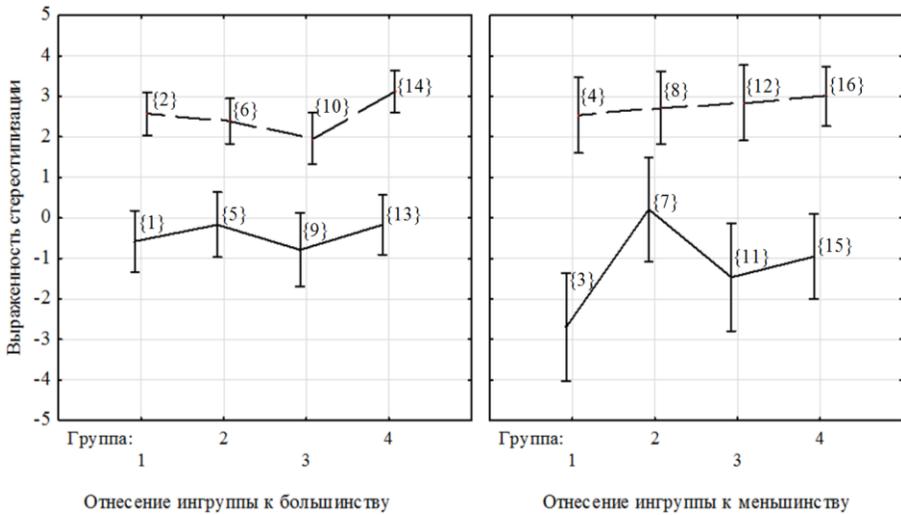

Рис. 2. Эффекты групповой самоидентификации и категории воспринимаемой группы на стереотипизацию

Категории групп: 1 – этническая, фенотипически неявная; 2 – этническая, фенотипически явная; 3 – идеологическая; 4 – стратификационная.

Стереотипизация: ————— – «своей» группы; - - - - - – «чужой» группы

Эти данные позволяют внести ограничения в представленную выше картину главных эффектов групповой самоидентификации и групповой категории на стереотипизацию: основной показатель самоидентификации имеет в данном случае решающее значение, а действие категориального фактора обнаруживается в единичном случае, распространяется только на восприятие «этнической» ингруппы при условии ее отнесения к меньшинству и является контрастно-противоречивым.

Обсуждение результатов

Результаты, полученные в нашем исследовании, свидетельствуют о том, что факт осознания собственного группового членства является основным фактором, определяющим ингрупповой фаворитизм и аутгрупповую стереотипизацию. Вместе с тем существуют дополнительные факторы, опосредующие влияние группового членства на данные феномены: осознание принадлежности ингруппы к большинству или меньшинству, а также категория социальной группы, в пространстве которой осуществляется социальная перцепция. Обнаружено, что эти опосредующие факторы играют большую роль в формировании ингрупповой предвзятости, чем аутгрупповой стереотипизации.

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа было обнаружено, что осознание группового членства в целом определяет более высоко-

кую выраженность ингруппового фаворитизма и аутгрупповой стереотипизации. Однако в случае, когда целевые группы относятся к категории этнических и при этом ингруппа составляет меньшинство, обнаруживается нарушение данных закономерностей: ингрупповой фаворитизм перестает проявляться, а стереотипизация ингруппы, оставаясь достаточно низкой, резко падает в случае восприятия «фенотипически неявных» и резко возрастает в случае «фенотипически явных» групп.

Первый из этих фактов, т.е. исчезновение ингруппового фаворитизма, можно проинтерпретировать, на наш взгляд, следующим образом. Решающим фактором тут является скорее групповая («этническая») категория, чем отнесение ингруппы к меньшинству. На первый взгляд может показаться, что исчезновение ингруппового фаворитизма обусловлено чистой логикой: если «моя» группа составляет меньшинство, то «чужая» группа в большей степени похожа на протогруппу, чем «моя». Однако если бы это было так, то при отнесении ингруппы к меньшинству прототипизация снижалась бы и для остальных категорий групп – «идеологической» и «стратификационной», чего не наблюдается. По нашему мнению, осознание субъектом предопределенности, т.е. врожденного характера принадлежности другого человека к группе с определенными физиологическими («этническими») особенностями, придает этой принадлежности достаточно условный характер. Это, в свою очередь, снижает ингрупповой фаворитизм, поскольку оценка своей группы как лучшей или (в случае прототипизации) как более «нормальной» лишена логики. Основываясь на этой интерпретации, можно предположить, что в основе этнического ингруппового фаворитизма в отношении реальных групп лежат, по всей видимости, культурно обусловленные, в частности идеологические, факторы.

То есть человек другой национальности, если про него известен лишь этот факт, а сведения об особенностях его этнической культуры, стране проживания, намерениях и тому подобном отсутствуют, будет восприниматься скорее не как «другой», а как «неизвестный». До тех пор, пока его образ не будет наполнен содержательной определенностью, в отношении его социальной группы не будет проявляться ингрупповой фаворитизм. В случае с «идеологической» и «стратификационной» категориями условная (случайная) принадлежность объекта к группе меняется на закономерную: человек «сам» выбирает свои убеждения и предпочтения. Осознанность выбора групповой принадлежности ассоциативно характеризует членов аутгруппы как людей определенного склада, что дает основания относиться к ним как к «определенным» другим. В пользу такой трактовки свидетельствует и тот факт, что сама по себе выраженность прототипизации выше для аутгрупп, выделенных по «этническому», чем по «статусно-стратификационному» критерию, который на сегодняшний день является одним из наиболее ощутимых и знакомых для российского общества.

Почему снижение ингруппового фаворитизма наблюдается в случае отнесения «этнической» аутгруппы к большинству, но не к меньшинству? На наш взгляд, это связано с большей значимостью социального объекта в первом, чем во втором случае.

Второй факт, а именно снижение стереотипизации при восприятии фенотипически неявной и повышение при восприятии фенотипически явной этнической ингруппы при условии ее отнесения к меньшинству, объясняется, на наш взгляд, смысловой уникальностью данного объекта. Отнесение ингруппы к меньшинству предполагает ее низкую распространенность в социуме. Если при этом принадлежность человека к группе не может быть определена по внешности, его становится достаточно трудно идентифицировать. В этой связи высокая стереотипность восприятия может затруднять идентификацию «своего», и ее снижение носит, таким образом, функционально-адаптивный характер. Однако в случае, когда «этническое» меньшинство, составляющее ингруппу, имеет выраженные фенотипические признаки, стереотипизация возрастает в силу того, что процесс идентификации «своего» упрощается.

Заключение

Таким образом, результаты нашего исследования, особенностью которого являлось изучение социальной перцепции искусственных групп, позволяют увидеть, что ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая стереотипизация задаются, главным образом, особенностями групповой самоидентификации субъекта, но при этом опосредуются категориями, к которым относятся социальные группы. В исследовании сопоставлялись эффекты трех таких категорий: «этнической», «идеологической» и «стратификационной».

Полученные результаты позволяют утверждать, что восприятие относящихся к этим категориям групп не является равноценным. Аутгруппы «этнической» категории в меньшей степени испытывают на себе проявление феноменов предвзятости и стереотипизации. Данный факт мы склонны объяснять относительной неопределенностью их образов с точки зрения специфических качеств, которые определяют принадлежность объектов к данным группам, а также отражением понимания низкого уровня субъектности их представителей при выборе группового членства.

Безусловно, предложенная нами интерпретация полученных результатов нуждается в дальнейшей эмпирической проверке, направленной, в частности, на сравнительное исследование восприятия социальных групп других категорий: профессиональной, профессиональной, возрастной и др.

Стимульные материалы

Приложение 1

Текст 1.

Ученые нашли способ повышения трудоспособности

Ученые обнаружили, что люди отличаются друг от друга по реакции на звуковые воздействия во время работы. Большинство из нас реагирует на фоновые (негромкие) стимулы типа музыки, шума мотора, пения птиц или стука. Это проявляется в повышении эффективности труда: возрастает скорость выполнения несложных действий. При этом у одних людей эффективность работы возрастает при звуках низкой частоты, а у других людей – при звуках высокой частоты.

Участниками исследования стали студенты в возрасте 18–27 лет. В процессе эксперимента их просили выполнять несложные задания на классификацию. Каждому были предложены наборы из 100 картинок с изображениями природных и искусственных объектов: насекомых, геометрических фигур, одежды, растений и др. Испытуемых просили как можно скорее разделить эти изображения на смысловые группы. Сообщалось, что эксперимент направлен на изучение особенностей восприятия. На протяжении всего времени работы на участников оказывалось слабое звуковое воздействие. Было обнаружено, что скорость выполнения работы в таких условиях выше, чем при работе в полной тишине. Варьирование частотой звука позволило выделить группы испытуемых, чувствительных к низкочастотным и высокочастотным колебаниям.

Конкретные механизмы влияния звуков разной частоты на ускорение работы еще предстоит изучить. Однако уже сейчас понятно, что данное открытие имеет перспективы практического применения. Так, зная, к какой из двух групп относится конкретный человек, можно целенаправленно управлять эффективностью его работы, добавляя фоновый звук низкой или высокой частоты. В данное время исследуются психологические особенности людей, чувствительных к разным звукам.

Приложение 2

Текст 2.

Ученые нашли способ повышения трудоспособности

Ученые обнаружили, что люди отличаются друг от друга по реакции на звуковые воздействия во время работы. Большинство из нас реагирует на фоновые (негромкие) стимулы типа музыки, шума мотора, пения птиц или стука. Это проявляется в повышении эффективности труда: возрастает скорость выполнения несложных действий. При этом у одних людей эф-

фективность работы возрастает при звуках низкой частоты, а у других людей – при звуках высокой частоты. Интересно, что принадлежность человека к той или иной группе можно с высокой вероятностью определить по внешности: цвету волос и чертам лица. Это значит, что данный признак имеет генетическую природу.

Участниками исследования стали студенты в возрасте 18–27 лет. В процессе эксперимента их просили выполнять несложные задания на классификацию. Каждому были предложены наборы из 100 картинок с изображениями природных и искусственных объектов: насекомых, геометрических фигур, одежды, растений и др. Испытуемых просили как можно скорее разделить эти изображения на смысловые группы. Сообщалось, что эксперимент направлен на изучение особенностей восприятия. На протяжении всего времени работы на участников оказывалось слабое звуковое воздействие. Было обнаружено, что скорость выполнения работы в таких условиях выше, чем при работе в полной тишине. Варьирование частотой звука позволило выделить группы испытуемых, чувствительных к низкочастотным и высокочастотным колебаниям.

Конкретные механизмы влияния звуков разной частоты на ускорение работы еще предстоит изучить. Однако уже сейчас понятно, что данное открытие имеет перспективы практического применения. Так, зная, к какой из двух групп относится конкретный человек, можно целенаправленно управлять эффективностью его работы, добавляя фоновый звук низкой или высокой частоты. В данное время исследуются психологические особенности людей, чувствительных к разным звукам.

Приложение 3

Текст 3.

Ученые нашли способ повышения трудоспособности

Ученые обнаружили, что при выполнении рабочих задач люди склонны мысленно моделировать определенный тип отношений с коллегами и сослуживцами. Такое моделирование способствует повышению эффективности труда. Примечательно, что одни люди считают коллег по работе склонными к сотрудничеству, а другие, наоборот, воспринимают их как конкурентов.

Участниками исследования стали студенты в возрасте 18–27 лет. В процессе эксперимента их просили решать логические задачи. Тестирование проводилось в групповой форме. В аудитории одновременно находились от 15 до 20 человек, не знавших друг друга. До начала тестирования, до того, как студенты увидели других испытуемых, их спрашивали, могут ли они представить и описать их. Большинство студентов давали утвердительный ответ и затем характеризовали «будущих коллег по работе» как склонных к сотрудничеству или, наоборот, к соперничеству.

По результатам исследования было обнаружено, что студенты, давшие предварительные оценки другим участникам, справились с заданиями быстрее, чем студенты, которые не смогли заранее описать своих «коллег».

Причины, побуждающие людей воспринимать окружающих как соратников или соперников, еще предстоит изучить. Предположительно, эти убеждения формируются под влиянием воспитания, предшествующего опыта, характера и мотивов поведения. Однако уже сейчас понятно, что данное открытие имеет перспективы практического применения. Простое осознание своего отношения к другим людям перед началом групповой работы способно повысить ее эффективность.

Приложение 4.

Текст 4.

Ученые нашли способ повышения трудоспособности

Ученые обнаружили, что при выполнении рабочих задач люди склонны выбирать вспомогательные предметы разного «статуса». Такая разборчивость способствует повышению эффективности труда. Примечательно, что одни люди отдают предпочтение «высокостатусным», а другие – «низкостатусным» инструментам.

Участниками исследования стали студенты в возрасте 18–27 лет. В процессе эксперимента их просили решать логические задачи. Некоторые задачи требовали выбора рабочего места, использования канцелярских принадлежностей или электронных гаджетов. Оказалось, что большинство испытуемых проявляли постоянство в выборе этих предметов, отдавая предпочтение либо дорогим, либо дешевым. По результатам исследования было обнаружено, что студенты, демонстрирующие четкие предпочтения в выборе, справлялись с заданиями быстрее, чем студенты, которые вперемешку выбирали предметы любого – как «низкого», так и «высокого» – статуса.

Причины, побуждающие людей делать соответствующий выбор, еще предстоит изучить. Предположительно, эти предпочтения формируются под влиянием воспитания, предшествующего опыта, характера и мотивов поведения. Однако уже сейчас понятно, что данное открытие имеет перспективы практического применения. Простое осознание своих статусных предпочтений в отношении предметов, необходимых для выполнения работы, способно повысить ее эффективность.

Литература

1. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений. М. : Аспект Пресс, 2003. 364 с.

2. Карицкий И.Н., Финкельштейн В.Н. Социальная перцепция одежды // Системогенез учебной и профессиональной деятельности : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Ярославль : Ярослав. гос. пед. ун-т, 2015. С. 170–172.
3. Перетрухина И.С. Имидж как феномен социальной перцепции // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 4, № 11 (11). С. 54–55.
4. Довжик В.Н. Рекламное сообщение как объект социальной перцепции : дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 176 с.
5. Ji L.J., Peng K., Nisbett R.E. Culture, control, and perception of relationships in the environment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78 (5). P. 943–955. DOI: 10.1037/0022-3514.78.5.943.
6. Kraus M.W., Keltner D. Social class rank, essentialism, and punitive judgment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. Vol. 105 (2). P. 247–261. DOI: 10.1037/a0032895.
7. McCrea S.M., Wieber F., Myers A.L. Construal level mind-sets moderate self- and social stereotyping // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 102 (1). P. 51–68. DOI: 10.1037/a0026108.
8. Pratto F., Sidanius J., Stallworth L.M., Malle B.F. Social dominance orientation: a personality variable predicting social and political attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 67 (4). P. 741–763. DOI: 10.1037/0022-3514.67.4.741.
9. Crandall C.S. Prejudice against fat people: Ideology and self-interest // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 66 (5). P. 882–894. DOI: 10.1037/0022-3514.66.5.882.
10. Henry S.E., Medway F.J., Scarbro H.A. Sex and locus of control as determinants of children's responses to peer versus adult praise // *Journal of Educational Psychology*. 1979. Vol. 71 (5). P. 604–612. DOI: 10.1037/0022-0663.71.5.604.
11. Панчехина Н.Н. Связь агрессивности личности и особенностей социальной перцепции // *Личность в природе и обществе. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2010. С. 71–73.*
12. Roese N.J., Vohs K.D. «Hindsight bias» // *Perspectives on Psychological Science*. 2012. Vol. 7. P. 411–426. DOI: 10.1177/1745691612454303.
13. Weber J.G. The nature of ethnocentric attribution bias: In-group protection or enhancement? // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1994. Vol. 30. P. 482–504. DOI: 10.1006/jesp.1994.1023.
14. Hamilton D.L., Sherman S.J., Ruvolo C.M. Stereotype-based expectancies: Effects on information processing and social behavior // *Journal of Social Issues*. 1990. Vol. 46. P. 35–60. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1990.tb01922.x.
15. Zárate M.A., Stoeber C.J., MacLin M.K., Arms-Chavez C.J. Neurocognitive underpinnings of face perception: Further evidence of distinct person and group perception processes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 94 (1) P. 108–115. DOI: 10.1037/0022-3514.94.1.108.
16. Bianchi M., Mummendey A., Steffens M.C., Yzerbyt V. What do you mean by «European»? Evidence of spontaneous ingroup projection // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36. P. 960–974. DOI: 10.1177/0146167210367488.
17. Machunsky M., Meiser T. Cognitive components of ingroup projection: Prototype projection contributes to biased prototypicality judgments in group perception // *Social Psychology*. 2014. Vol. 45 (1). P. 15–30. DOI: 10.1027/1864-9335/a000156.

Поступила в редакцию 09.01.2018 г.; повторно 02.03.2018 г.; принята 25.04.2018 г.

Сведения об авторе:

БАЛЕВА Милена Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: milenabaleva@yandex.ru

THE EFFECTS OF INGROUP SELF-IDENTITY ON THE SOCIAL PERCEPTION OF DIFFERENT GROUPS

Siberian journal of psychology, 2018, 68, 109–130. DOI: 10.17223/17267080/68/7

Baleva Milena V., Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: milenabaleva@yandex.ru

Keywords: social perception; ingroup self-identity; outgroup stereotyping; ingroup favoritism (bias); prototypicality; artificial social groups; categories of social groups.

The aim of the study was to find universal contents, independent of the specific social groups, self-identity effects on ingroup favoritism (bias) and outgroup stereotyping. As the objects of perception we examined artificial social groups, insofar as the attitude to them was not actualized as ready-made, but formed during the experiment when relevant information was presented. Nevertheless artificial groups had their realistic prototypes, since they were formed according to the same criteria (categories) as the real ones: ethnic, ideological and socio-stratificational. In the experimental situation, the subject's ingroup self-identity was reported rather randomly. The study tested the hypothesis that the severity of ingroup bias and outgroup stereotyping was the result of a random ingroup self-identification of a subject mediated by a specific group category. The sample included students of Perm State University from 17 to 22 years old. Each subject received a description of two opposite groups relating to the same category ("ethnic", "ideological" or "stratificational"). The description was fabricated as a screenshot of a popular-scientific article presented the results of the study, during which these types of groups were allegedly discovered. After reading the text, the respondents were asked to complete several tests. First, they were proposed to determine their most probable group affiliation as the main indicator of ingroup self-identity. Second, they were proposed to designate which of the described groups was the majority (an additional indicator of ingroup self-identity). Third, they had to describe each group as a whole, and also its individual representative and prototypical group using a fixed set of positive and negative characteristics. To measure ingroup bias, we used the prototyping index. For the measurement of outgroup stereotyping, we used the indicator of the selective prevalence of the generalized personality characteristics over the number of behavior facts (Machunsky & Meiser, 2014). It was found that the recognition of one's own group membership is the main factor determining ingroup favoritism and outgroup stereotyping. At the same time, there are additional factors mediating the influence of group membership on these phenomena: the awareness of group belonging to the majority or minority, and also the category of social group. It has been found that these mediating factors play a more significant role in the formation of ingroup bias than outgroup stereotyping. In the case when the target groups are classified as ethnic and ingroup is identified as the minority, ingroup favoritism tends to disappear, and the ingroup stereotyping, while remaining low enough, falls sharply for "phenotypically implicit" and increases sharply for "phenotypically explicit" group representatives.

References

1. Andreeva, G.M. (2003) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press.
2. Karitskiy, I.N. & Finkelshteyn, V.N. (2015) [Social perception of clothes]. *Sistemogenez uchebnoy i professional'noy deyatel'nosti* [Systemogenesis of Educational and Professional Activity]. Proc. of the Seventh International Conference. Yaroslavl. October 20–22, 2015. Yaroslavl. pp. 170–172. (In Russian).
3. Peretruchina, I.S. (2017) Imidzh kak fenomen sotsial'noy pertseptsii [Image as a phenomenon of social perception]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*. 4(11). pp. 54–55.
4. Dovzhik, V.N. (2009) *Reklamnoye soobshcheniye kak ob'yekt sotsial'noy pertseptsii* [Advertising message as an object of social perception]. Psychology Cand. Diss. Moscow.

5. Ji, L.J., Peng, K. & Nisbett, R.E. (2000) Culture, control, and perception of relationships in the environment. *Journal of Personality and Social Psychology*. 78(5). pp. 943–955. DOI: 10.1037/0022-3514.78.5.943
6. Kraus, M.W. & Keltner, D. (2013) Social class rank, essentialism, and punitive judgment. *Journal of Personality and Social Psychology*. 105(2). pp. 247–261. DOI: 10.1037/a0032895.
7. McCrea, S.M., Wieber, F. & Myers, A.L. (2012) Construal level mind-sets moderate self- and social stereotyping. *Journal of Personality and Social Psychology*. 102(1). pp. 51–68. DOI: 10.1037/a0026108.
8. Pratto, F., Sidanius, J., Stallworth, L.M. & Malle, B.F. (1994) Social dominance orientation: a personality variable predicting social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*. 67(4). pp. 741–763. DOI: 10.1037/0022-3514.67.4.741
9. Crandall, C.S. (1994) Prejudice against fat people: Ideology and self-interest. *Journal of Personality and Social Psychology*. 66(5). pp. 882–894. DOI: 10.1037/0022-3514.66.5.882
10. Henry, S.E., Medway, F.J. & Scarbro, H.A. (1979) Sex and locus of control as determinants of children's responses to peer versus adult praise. *Journal of Educational Psychology*. 71(5). pp. 604–612. DOI: 10.1037/0022-0663.71.5.604
11. Panchekhina, N.N. (2010) Svyaz' agressivnosti lichnosti i osobennostey sotsial'noy pertseptsii [The relationship between the aggressiveness of the individual and the characteristics of social perception]. In: Panchekhina, N.N. et al. *Lichnost' v prirode i obshchestve* [Personality in Nature and Society]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. pp. 71–73.
12. Roese, N.J. & Vohs, K.D. (2012) “Hindsight bias”. *Perspectives on Psychological Science*. 7. pp. 411–426. DOI: 10.1177/1745691612454303
13. Weber, J.G. (1994) The nature of ethnocentric attribution bias: In-group protection or enhancement? *Journal of Experimental Social Psychology*. 30. pp. 482–504. DOI: 10.1006/jesp.1994.1023
14. Hamilton, D.L., Sherman, S.J. & Ruvolo, C.M. (1990) Stereotype-based expectancies: Effects on information processing and social behavior. *Journal of Social Issues*. 46. pp. 35–60. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1990.tb01922.x
15. Zárate, M.A., Stoeber, C.J., MacLin, M.K. & Arms-Chavez, C.J. (2008) Neurocognitive underpinnings of face perception: Further evidence of distinct person and group perception processes. *Journal of Personality and Social Psychology*. 94(1). pp. 108–115. DOI: 10.1037/0022-3514.94.1.108
16. Bianchi, M., Mummendey, A., Steffens, M.C. & Yzerbyt, V. (2010) What do you mean by “Europe-an”? Evidence of spontaneous ingroup projection. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 36. pp. 960–974. DOI: 10.1177/0146167210367488
17. Machunsky, M. & Meiser, T. (2014) Cognitive components of ingroup projection: Prototype projection contributes to biased prototypicality judgments in group perception. *Social Psychology*. 45(1). pp. 15–30. DOI: 10.1027/1864-9335/a000156

Received 09.01.2018;

Revised 02.03.2018;

Accepted 25.04.2018

УДК 159.9

DOI: 10.17223/17267080/68/8

О.И. Титова

*Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации (Красноярск, Россия);
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия)*

Толерантность к неопределенности как фактор отношения к деловому взаимодействию в контексте развития общекультурных компетенций студентов вуза

Выявлено, что студенты-менеджеры с высоким и низким уровнем толерантности к неопределенности различаются в своих предпочтениях видов делового взаимодействия. Студенты, более готовые к деятельности в условиях изменений, менее ориентированы на совместную деятельность в проектных командах. И наоборот, студенты с более сформированными компетенциями командной работы обладают низкой толерантностью к неопределенности и потому менее подготовлены к деятельности в условиях изменений.

Ключевые слова: *толерантность к неопределенности; деловое взаимодействие; отношение к деловому взаимодействию; компетентность в деловых отношениях; общекультурные компетенции; обучение менеджеров; конкуренция; деловое партнерство.*

Введение

Потребности российского общества, связанные с необходимостью обеспечивать производство конкурентоспособных товаров и услуг, в том числе в сфере высокотехнологичных производств, диктуют спрос на менеджеров, которые могли бы управлять предприятием в условиях постоянной неопределенности экономической ситуации. Способность работать в проектных командах, эффективно взаимодействовать с коллективом, принимать ответственные управленческие и экономические решения – все это лишь малая часть реальных ожиданий общества и предприятий современной экономики, «узаконенных» в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования в перечне требований к общекультурным компетенциям, которыми должны обладать бакалавры и магистры экономического профиля.

Профессиональная деятельность студентов-менеджеров, к которой они должны быть подготовлены, обучаясь в вузе, в значительной степени предполагает деятельность в условиях неопределенности, обусловленной динамикой развития социально-экономической ситуации в обществе в це-

лом и на конкретном предприятии в частности, а кроме того – влиянием на нее так называемого человеческого фактора – изменчивости поведения и намерений конкретных людей, с которыми менеджер взаимодействует в ходе решения профессиональных задач. Вместе с тем часть молодых специалистов не готовы к эффективной работе в условиях динамичных рыночных отношений, к изменению профиля своей деятельности при изменившейся стратегии развития предприятия, появляющихся на рынке технологиях, порой они не способны проявлять гибкость мышления в разрешении конкретных ситуаций, прогнозировать их возможные последствия, особенно когда это касается необходимости осуществлять деловое взаимодействие в совместной деятельности.

Таким образом, потребность в выпускниках вузов, умеющих осуществлять деловое взаимодействие в условиях динамично меняющейся социально-экономической ситуации и тем самым развивать инновационные высокотехнологичные предприятия, в обществе есть, а инструментарий для мониторинга сформированности компетенций в сфере делового взаимодействия на этапе вузовской подготовки – в большом дефиците. В силу разных обстоятельств вузами зачастую используется педагогическое тестирование, которое затрагивает в лучшем случае когнитивный компонент компетенций, обеспечивающих готовность выпускника к деловому взаимодействию. Для мониторинга и оценки общекультурных компетенций, относящихся к организации взаимодействия в коллективе, а также взаимодействия с деловыми партнерами в совместных проектах и командной работе, целесообразно задействовать результаты диагностики интегративных характеристик личности студента и его представлений о деловом взаимодействии, проводимой в рамках психологического сопровождения обучающихся в вузе.

Работа современных менеджеров связана с действиями в условиях неопределенности и вероятностных сценариев развития событий. Источником неопределенности может выступать состояние внешней среды организации при прогнозировании и планировании, на которое влияют ситуация в экономике, научно-технические достижения, социокультурные и политические факторы, международные события и др. При принятии решений именно неопределенность является характерным условием работы менеджера, в том числе в силу того, что источниками информации для него часто выступают люди со свойственной им способностью исказить, фальсифицировать ту или иную информацию. Как отмечает в своем диссертационном исследовании И.Н. Леонов, важным условием совместной деятельности в деловых отношениях в связи с этим является способность менеджера к принятию решений в условиях неопределенности [1].

Таким образом, мы полагаем, что одной из ключевых характеристик в структуре личности менеджера выступают толерантность к неопределенности – деловое качество, определяющее деятельность менеджера в изменчивой социально-экономической ситуации, и представления о взаимодействии в деловых отношениях, о партнере, в совокупности своей структури-

рующие картину мира менеджера, определяющие его установки на принятие решений, выбор конкретных действий в профессиональной деятельности. Следует отметить, что ранее в работе А.А. Грачева и А.И. Кузнецовой изучались представления студентов-экономистов о партнерах по деловому взаимодействию, ими выделены три вида делового взаимодействия – дефицитарное, самореализующее и духовное. Также были изучены представления студентов о партнере по деловому взаимодействию через призму мотивационных характеристик работника, в том числе с учетом периода обучения и половой принадлежности [2, 3]. Авторами отмечается, что представления о коллегах у студентов и специалистов с опытом работы неодинаковы. Так, среди студентов распространен негативно окрашенный образ типичного коллеги (ленив, эгоцентричен в профессиональных интересах, небескорыстен и т.п.), однако к окончанию обучения представления студентов о партнере по деловому взаимодействию становятся менее негативно окрашенными. Исследователи указывают, что в идеале будущий экономист должен владеть всеми видами делового взаимодействия – дефицитарным, самореализующим и духовным, что выступает самостоятельной задачей обучения в вузе.

В работах О.М. Краснорядцевой личностные компетенции студентов-менеджеров анализировались с точки зрения сформированности у них рефлексивных способностей, которые, в свою очередь, автором обозначаются как стержень профессиональной позиции, обеспечивающей успешную профессиональную деятельность выпускника вуза [4]. В ходе изучения социально-психологических индикаторов готовности студенческой молодежи к инновационной деятельности Э.В. Галажинским и О.М. Краснорядцевой был реализован типологический подход, что позволяет продуктивнее осуществлять мониторинг развития актуальных для современного общества личностных компетенций в процессе их формирования на разных этапах обучения в вузе [5].

Поскольку студенты-менеджеры после окончания вуза включаются в уже существующую в обществе, в конкретной организации систему социально-экономических и управленческих отношений, то важными для оценивания их готовности к деловому взаимодействию являются результаты исследования делового партнерства и конкуренции в предпринимательской, управленческой деятельности. Изучая отношение студентов к деловому взаимодействию, мы опирались на методические подходы и результаты теоретико-эмпирических исследований делового партнерства, конкуренции в предпринимательской и управленческой деятельности, реализованных совместно с Т.С. Вавакиной, А.Л. Журавлевым и В.П. Позняковым [6–8]. Рассматривались разновидности делового взаимодействия (конкуренция за экономические ресурсы, конкуренция-соревнование за личные достижения, технико-экономическое партнерство и личностно ориентированное партнерство), принципы и нормы делового партнерства (равенство, взаимность, справедливость, ответственность), иные показатели, характеризующие деловое взаимодействие в совместной деятельности.

За основу в данном исследовании нами взято определение толерантности к неопределенности как личностной характеристики, выражающейся в способности человека преодолевать неопределенности и тревогу относительно негарантированного и непредсказуемого будущего, готовности принимать неопределенность как норму жизни, творчески преобразовывать окружающую действительность в субъективную определенность, предложенное Е.А. Любачевской [9]. В исследовании М.И. Яновского и В.А. Монастырской анализировалось влияние характеристик личности на принятие решений в условиях неопределенности. Авторами были получены данные о том, что положительно влияют на точность решений в условиях неопределенности такие качества, как персональность, осмысленность, ориентация на процесс [10].

Методы и организация исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие студенты экономических специальностей, обучающиеся на последнем курсе одного из вузов Красноярского края ($N = 64$). Сбор эмпирических данных осуществлялся в середине 2016–2017 учебного года. Для сбора эмпирических данных использовались методика определения толерантности к неопределенности С. Баднер [11] и опросник, сконструированный нами на предыдущих этапах исследования для изучения делового взаимодействия [12, 13]. Статистическая обработка данных проводилась с применением F -критерия углового преобразования Фишера и процедуры корреляционного анализа в программе MS Excell. Далее представлены результаты, статистическая значимость которых соответствует $p \leq 0,05$. В данной статье излагаются и обсуждаются результаты сравнительного анализа отношения к деловому взаимодействию у студентов с высокой и низкой толерантностью к неопределенности ($N = 40$).

Результаты исследования

Анализ эмпирических данных показал, что половина опрошенных студентов-менеджеров имеют низкий уровень толерантности к неопределенности, что указывает на склонность респондентов данной группы воспринимать необычные и сложные ситуации скорее как угрожающие, чем дающие новые возможности. Недостаток информации или ее двусмысленность доставляют им дискомфорт. Средние значения по шкале толерантности к неопределенности характерны для 32,5% опрошенных. Высокий уровень толерантности к неопределенности свойствен 17,5% респондентов. Такие студенты могут чувствовать себя относительно комфортно даже в ситуации с высоким уровнем изменчивости, способны продуктивно действовать в незнакомой обстановке и при недостатке информации берут на

себя ответственность, могут принимать решения без долгих сомнений и боязни неудачи, в непривычной ситуации видят возможность развития и проявления своих способностей и навыков.

Также респондентам было предложено определить свои предпочтения по отношению к разным видам конкуренции и делового партнерства, оценить, в какой мере те или иные ресурсы они считают необходимыми для успешного партнерства и конкуренции, какие качества свойственно им проявлять в деловых отношениях и наличие каких качеств у другого субъекта делового взаимодействия делает это взаимодействие успешным, психологически комфортным. В ходе эмпирического исследования выявлен ряд особенностей, которые характеризуют отношение к деловому взаимодействию у студентов с высоким и низким уровнем толерантности.

Так, студенты с *высоким уровнем толерантности к неопределенности* существенно чаще проявляют высокую степень предпочтения конкуренции за экономические ресурсы (85%), высокая степень предпочтения конкуренции-соревнования за личные достижения в нашей выборке была абсолютной – 100% студентов с высокой толерантностью к неопределенности (табл. 1). Партнерские отношений у таких студентов характеризуются средней степенью предпочтения технико-экономического партнерства, основой которого является объединение разного рода экономических и материально-технических ресурсов. Средняя степень предпочтения лично ориентированного партнерства, основанного на значимости качеств делового партнера, эмоциональных отношениях с ним, сходстве ценностей, свойственна 85% студентов с высоким уровнем толерантности к неопределенности, а 15% проявляют низкую степень предпочтения данного вида делового взаимодействия.

Таблица 1

Частотная оценка предпочтений разных видов делового взаимодействия в группах респондентов с высоким и низким уровнем толерантности к неопределенности, %

Уровень толерантности		Высокий уровень толерантности к неопределенности	Низкий уровень толерантности к неопределенности
Характер предпочтения вида делового взаимодействия	Степень предпочтения		
Конкуренция за экономические ресурсы	Высокая	85	0
	Средняя	15	75
	Низкая	0	25
Конкуренция-соревнование за личные достижения	Высокая	100	20
	Средняя	0	65
	Низкая	0	7,5
Технико-экономическое партнерство	Высокая	0	60
	Средняя	100	35
	Низкая	0	5
Лично ориентированное партнерство	Высокая	0	50
	Средняя	85	50
	Низкая	15	0

Среди студентов с *низким уровнем толерантности к неопределенности* каждый четвертый (25%) оценил свое предпочтение конкуренции за экономические ресурсы как соответствующее низкой степени, а остальные, основной состав этой подгруппы респондентов (75%), предпочитают этот вид делового взаимодействия на среднем уровне. Конкуренцию-соревнование за личные достижения студенты с низким уровнем толерантности к неопределенности также в значительной доле случаев предпочитают на среднем уровне (65%), каждый пятый (20%) отдает предпочтение этому виду делового взаимодействия в высокой степени, не стремятся к нему 7,5% студентов с низким уровнем толерантности к неопределенности. В отношении партнерского взаимодействия предпочтения студентов с низким уровнем толерантности к неопределенности характеризуются таким образом: в высокой степени предпочтительным считают технико-экономическое партнерство 60% респондентов, в средней степени – 35%, в низкой – 5% респондентов. Субъективные оценки предпочтений студентов с низким уровнем толерантности к неопределенности в отношении лично ориентированного партнерства распределились в равных пропорциях между высокими и средними баллами – половина из них предпочитает этот вид делового партнерства в высокой степени, половина – в средней.

В качестве факторов / ресурсов, обеспечивающих эффективную конкуренцию, студенты с высоким уровнем толерантности к неопределенности выбирают такие, как экономическая ситуация в обществе (42%), используемые в работе технологии (29%) и стабильность и свобода выбора (29%). Студенты с низким уровнем толерантности считают, что для обеспечения эффективной конкуренции важны репутация вашей деятельности (25%), товарищеские отношения (30%) и доверие внутри коллектива (25%).

Среди факторов / ресурсов, обеспечивающих эффективные партнерские отношения, студенты с высоким уровнем толерантности к неопределенности высоко оценивают такие, как экономическая ситуация в обществе (42,85%), репутация вашей деятельности (57,1%), товарищеские отношения (71,4%), материально-финансовые возможности (57,1%). Нейтральную оценку получил фактор «доверие внутри коллектива» (14,3%).

Студенты с низким уровнем толерантности к неопределенности для обеспечения эффективных партнерских отношений высоко оценили такие факторы, как «материально-финансовые возможности» (80%), «товарищеские отношения» (75%), «экономическая ситуация в обществе» (50%). Как препятствующие эффективному партнерству студентами этой подгруппы охарактеризованы «стабильность и свобода выбора», «техническое оснащение», «используемые в работе технологии». Нейтрально оценили значимость фактора «используемые в работе технологии» 30% опрошенных студентов с низким уровнем толерантности к неопределенности, «доверие внутри коллектива» – 70%.

В деловом взаимодействии с партнерами студенты с низким уровнем толерантности к неопределенности ориентируются на принципы взаимности (35%), нравственности (30%) и справедливости (25%). Студенты с высоким

уровнем толерантности к неопределенности в отношениях с партнерами ориентируются на прагматичность (42,85%) и равенство (42,85%) (табл. 2).

Таблица 2

Принципы взаимодействия, на которые ориентируются студенты с разным уровнем толерантности к неопределенности в отношениях с партнерами, %

	Прагматичность	Взаимность	Справедливость	Равенство	Нравственность
Студенты с высоким уровнем толерантности к неопределенности	42,85	8	14,3	42,85	6
Студенты с низким уровнем толерантности к неопределенности	8	35	25	10	30

Также отметим, что в отношениях с партнерами студенты с высоким уровнем толерантности к неопределенности очень часто применяют манипуляции (85,7%), часто влияют на партнера (71,4%) и время от времени следуют правилу «доверяй, но проверяй» (71,4%). Студенты с низким уровнем толерантности к неопределенности весьма часто уверены в своем партнере (80% оценок респондентов), столько же студентов полностью доверяют партнеру.

В завершении эмпирического исследования нами был проведен корреляционный анализ с целью изучения взаимосвязи толерантности к неопределенности и личностных характеристик, проявляемых студентами-респондентами в деловых отношениях. Личностные характеристики в совокупности образуют соответствующие гендерные типы: маскулинный, фемининный и гендерно-нейтральный.

Таблица 3

Корреляционные связи гендерно-типологических характеристик студентов с уровнем толерантности к неопределенности и видами делового взаимодействия

	Маскулинные качества	Фемининные качества	Гендерно-нейтральные качества
Толерантность к неопределенности	-0,63*	0,49	0,57*
Конкуренция за экономические ресурсы	0,7**	-0,54*	-0,55*
Конкуренция-соревнование за личные достижения	0,77**	-0,55*	-0,55*
Технико-экономическое партнерство	-0,49	0,47	0,34
Личностно ориентированное партнерство	-0,59	0,54*	0,38

* уровень значимости $p \leq 0,05$.

В результате корреляционного анализа (табл. 3) выявлены следующие взаимосвязи между изучаемыми характеристиками: при высоком уровне толерантности к неопределенности (напомним, что шкала толерантности к неопределенности имеет обратный порядок значений) респондентам свойственно проявлять в деловых отношениях маскулинные качества, такие как активность, уверенность в себе, независимость, доминантность, авторитарность и др. ($r = -0,63$); студенты с низким уровнем толерантности к неопределенности, наоборот, не склонны проявлять в деловых отношениях маскулинные качества, а отдают предпочтение гендерно-нейтральным, таким как тактичность, восприимчивость, систематичность, аналитичность, сознательность и др. ($r = 0,57$). Соответствие проявляемых студентами в деловых отношениях качеств тому или иному гендерному типу взаимосвязано, в свою очередь, с их предпочтениями видов делового взаимодействия следующим образом. Высокие оценки предпочтения видов конкуренции (конкуренция за экономические ресурсы, конкуренция-соревнование за личные достижения) в значительной степени взаимосвязаны с проявлением респондентами маскулинных качеств в деловых отношениях ($r = 0,7$ и $r = 0,77$ соответственно). В то же время выраженные предпочтения лично ориентированного партнерства высоко коррелируют с проявлением в деловых отношениях качеств, которые соответствуют фемининному типу ($r = 0,54$).

Обсуждение результатов и выводы

В заключение подведем итоги и обозначим основные результаты в контексте обсуждаемой проблематики. Во-первых, отметим, что значительная доля респондентов – половина опрошенных студентов выпускного курса – характеризуется низкой толерантностью к неопределенности, что позволяет говорить о недостаточной подготовленности будущих менеджеров к профессиональной деятельности в изменчивых условиях современного общества. Вместе с тем отметим, что с учетом реалий современного общества целесообразно рассматривать высокую толерантность к неопределенности как признак готовности личности к жизнедеятельности в мире изменений не только применительно к будущим менеджерам; задача быть готовым жить и работать в условиях изменений сегодня актуальна для специалистов любого профиля деятельности.

В ходе эмпирического исследования нами выявлено, что студенты с высокой толерантностью к неопределенности в большей мере предпочитают конкурентное взаимодействие, нежели партнерское, при этом конкуренция-соревнование за личные достижения привлекает их более, чем конкуренция за экономические ресурсы. Студенты с низкой толерантностью к неопределенности демонстрируют большее предпочтение партнерскому взаимодействию, чем конкурентному, а технико-экономическому партнерству более, чем лично ориентированному. В качестве личностных факторов, определяющих эффективность конкуренции, респонденты с низкой толерантностью к не-

определенности указывают такие, которые основаны на взаимоотношениях: репутация, доверие, товарищеские отношения. В партнерском взаимодействии респонденты с высокой толерантностью к неопределенности ориентируются на прагматичность и равенство; респонденты с низкой толерантностью к неопределенности – на взаимность, нравственность и справедливость.

При сопоставлении результатов эмпирического изучения представлений студентов-менеджеров о деловом взаимодействии, их предпочтений тех или иных его форматов, ориентаций на конкретные принципы в отношениях с деловыми партнерами в совместной профессиональной деятельности и требований к общекультурным компетенциям выпускников экономического профиля обнаруживается следующее противоречие в оценке образовательных результатов: у студентов с высокой толерантностью к неопределенности, т.е. более готовых к жизнедеятельности в условиях изменений, оказываются в меньшей степени сформированными общекультурные компетенции, связанные с совместной деятельностью в коллективе, проектных командах и т.п., поскольку эта категория студентов в значительной степени демонстрирует предпочтение конкурентных отношений и в гораздо меньшей степени ориентирована на партнерские отношения. И наоборот, выпускники-менеджеры, ориентированные на партнерские отношения в совместной деятельности и в этой части обладающие более сформированными общекультурными компетенциями командной работы, обладают низкой толерантностью к неопределенности и, соответственно, меньшей готовностью к жизни в условиях изменений.

Эта противоречивость образовательных результатов в подготовке будущих менеджеров может быть интерпретирована как следствие тенденции деконструкции профессионального образования, проявляющейся в неспособности выпускников к деятельности по своей специальности без дополнительного образования, что ранее отмечал О.В. Лукьянов в контексте оценки образовательных рисков и обсуждения возможностей управления ими в рамках высшей школы [14, 15]. В этом случае дополнительное образование как раз и призвано будет расставлять нужные акценты – в пользу устранения дефицитов в уровне готовности к изменениям или готовности к партнерским отношениям в коллективе и проектных командах – и делать это в зависимости от конкретных задач, поставленных перед менеджером в его самостоятельной профессиональной деятельности.

На этапе вузовской подготовки указанные нестыковки в развитии общекультурных компетенций, связанных с деловым взаимодействием, у студентов с высокой толерантностью к неопределенности могут быть преодолены за счет организации ролевого и делового взаимодействия на учебных занятиях [16], а также решения специально ориентированных на это задач в рамках производственной практики. В то же время вопрос корректировки низкого уровня толерантности к неопределенности остается открытым – и по морально-нравственным основаниям вмешательства в экзистенциальную сферу личности, и по величине корректировки этой личностной характеристики специальными психотехническими средствами.

Литература

1. Леонов И.Н. Влияние толерантности к неопределенности на профессионально важные качества руководителя : дис. ... канд. психол. наук. Ижевск, 2015. 256 с.
2. Грачев А.А., Кузнецова А.И. Мотивационные характеристики в представлении о партнере по деловому взаимодействию у студентов-экономистов // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 269–277.
3. Кузнецова А.И. Представления студентов-экономистов о партнере по деловому взаимодействию // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 319–327.
4. Краснорядцева О.М. Образовательный опыт развития рефлексии в структуре личностных компетенций студентов, обучающихся менеджменту // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 45–60. DOI: 10.17223/17267080/58/3.
5. Galazhinskiy E.V., Krasnoryadtseva O.M. Typological Characteristics of Innovatively Active Student Youth // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 86. P. 172–176. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.08.545.
6. Журавлев А.Л., Позняков В.П., Титова О.И. Психологические отношения российских предпринимателей к конкуренции и партнерству: гендерный аспект // Психологические исследования проблем современного российского общества. М., 2013. С. 287–310. (Труды Института психологии РАН).
7. Вавакина Т.С., Позняков В.П. Образ делового партнера в представлениях российских предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 217–224.
8. Позняков В.П., Вавакина Т.С. Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М. : ИП РАН, 2016. 320 с.
9. Любачевская Е.А. Толерантность к неопределенности как личностный феномен // Акмеология. 2013. № 3 (47). С. 78–80.
10. Яновский М.И., Монастырская В.А. Факторы эффективности ориентировки в ситуации неопределенности // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017. № 1. Т. 1. С. 219–230.
11. Солдатова Л.А. Психодиагностика толерантности личности : практическое пособие. М. : Смысл, 2008. 120 с.
12. Титова О.И. Гендерные различия в отношениях российских предпринимателей к конкуренции и партнерству : автореф. дис. ... канд. психол. наук, М., 2007. 26 с.
13. Титова О.И., Трухина Ю.И. Гендерные различия структуры психологического отношения предпринимателей к деловому взаимодействию // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 196–201.
14. Лукьянов О.В. Проблема идентичности и психическая ригидность в психологической и образовательной практике : дис. ... канд. психол. наук. Томск, 1999. 156 с.
15. Лукьянов О.В. Управление образовательными рисками – актуальная социально-психологическая практика // Сибирский психологический журнал. 2010. № 35. С. 72–76
16. Сафина Р.Н., Смирнов А.В., Минияров В.М. Ролевое и деловое взаимодействие студентов вуза как механизм формирования личности будущих менеджеров // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 2. С. 58–61.

Поступила в редакцию 17.10.2017 г.; принята 26.12.2017 г.

Сведения об авторе:

ТИТОВА Ольга Ивановна, Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Красноярск, Россия); Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия). E-mail: 944058@mail.ru

TOLERANCE TO UNCERTAINTY AS A FACTOR OF THE RELATION TO BUSINESS INTERACTION IN THE CONTEXT OF STUDENTS' COMMON CULTURAL COMPETENCES DEVELOPMENT

Siberian journal of psychology, 2018, 68, 131–142. DOI: 10.17223/17267080/68/8

Titova Olga I., Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russian Federation); Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: 944058@mail.ru

Keywords: tolerance to uncertainty; relation to business interaction; business interaction; competence of business relations; common cultural competences; managers training; competition; business partnership.

In this paper, we discuss the role of tolerance to uncertainty as a factor of students' readiness for business interaction. The problem is important due to the need of society in future managers with competences that would let them deal effectively in changing conditions of modern world, and interact in collective and design teams. However, young managers are often not ready for effective work in conditions of dynamic economic relations, for changes in their activity when the strategy of an enterprise development changes, for prediction of possible consequences in business interaction.

We present here the results of an empirical research, in which last year students of management took part. We used the method of tolerance to uncertainty determining by S. Badner and an author's questionnaire for business interaction study.

We discovered that the half of respondents have the low level of tolerance to uncertainty. It shows the tendency to take unusual and difficult situations as threatening rather than giving new opportunities. Only 17.5% of respondents demonstrated the high level of tolerance to uncertainty, which lets them feel relatively comfortable even in situations with high level of changeability.

Comparative analysis showed that the students with high level of tolerance to uncertainty prefer competition to partnership; competition for personal achievements is preferable to competition for economic resources. The students with low level of tolerance to uncertainty demonstrate greater preference for partnership. The respondents with low level of tolerance to uncertainty note reputation, trust and companionship as factors of successful competition. The respondents with high level of tolerance to uncertainty focus on pragmatic and equality, while another group focuses on mutuality, moral and justice.

The correlation analysis demonstrates that the high level of tolerance to uncertainty leads to masculine properties in business relationship, such as activism, self-confidence, independence, dominance. The students with low level of tolerance to uncertainty are inclined to show gender-neutral properties, such as tact, susceptibility, systematicity, analyticity, consciousness.

We discovered a contradiction in educational results of managers training. Those students who are ready to activity in the changing conditions are less able to do collective activities in design teams. On the contrary, students with better created competences of team work have low tolerance to uncertainty and therefore are less prepared for activity in the changing conditions.

References

1. Leonov, I.N. (2015) *Vliyaniye tolerantnosti k neopredelennosti na professional'no vazhnyye kachestva rukovoditelya* [Impact of tolerance on uncertainty on the professionally important qualities of the manager]. Psychology Cand. Diss. Izhevsk.
2. Grachev, A.A. & Kuznetsova, A.I. (2014) Motivational Characteristics in the Perception of Business Partner by Economics Majors. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*. 3. pp. 269–277. (In Russian).

3. Kuznetsova, A.I. (2015) Economics majors' ideas of a partner in business interaction. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniyе – Knowledge. Understanding. Skill.* 1. pp. 319–327. (In Russian).
4. Krasnoryadtseva, O.M. (2015) Educational experience of reflection developing in the personal competencies structure of students studying management. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology.* 58. pp. 45–60. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/58/3
5. Galazhinskiy, E.V. & Krasnoryadtseva, O.M. (2013) Typological Characteristics of Innovatively Active Student Youth. *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* 86. pp. 172–176. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.08.545
6. Zhuravlev, A.L., Poznyakov, V.P. & Titova, O.I. (2013) Psikhologicheskiye otnosheniya rossiyskikh predprinimateley k konkurentsii i partnerstvu: gendernyy aspekt [Psychological relations of Russian entrepreneurs to competition and partnership: the gender aspect]. In: Zhuravlev, A.L. & Sergienko, E.A. (eds) *Psikhologicheskiye issledovaniya problem sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Psychological Studies of the Problems of Modern Russian Society]. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 287–310.
7. Vavakina, T.S. & Poznyakov, V.P. (2013) The image of business partner in Russian entrepreneurs' perceptions. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniyе – Knowledge. Understanding. Skill.* 2. pp. 217–224. (In Russian).
8. Poznyakov, V.P. & Vavakina, T.S. (2016) *Psikhologiya delovogo partnerstva: teoriya i empiricheskkiye issledovaniya* [Psychology of Business Partnership: Theory and Empirical Research]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
9. Lyubachevskaya, Ye.A. (2013) Tolerantnost' k neopredelennosti kak lichnostnyy fenomen [Tolerance to uncertainty as a personal phenomenon]. *Akmeologiya.* 3(47). pp. 78–80.
10. Yanovskiy, M.I. & Monastyrskaya, V.A. (2017) The efficiency factors of orientation in a situation of uncertainty. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Chelovek i mir.* 1(1). pp. 219–230. (In Russian).
11. Soldatova, L.A. (2008) *Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnostics of Personal Tolerance]. Moscow: Smysl.
12. Titova, O.I. (2007) *Gendernyye razlichiya v otnosheniyakh rossiyskikh predprinimateley k konkurentsii i partnerstvu* [Gender differences in the relations of Russian entrepreneurs to competition and partnership]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Moscow.
13. Titova, O.I. & Trukhina, Yu.I. (2014) Gender differences in the structure of entrepreneur's psychological attitude to business interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 383. pp. 196–201. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/383/30
14. Lukyanov, O.V. (1999) *Problema identichnosti i psikhicheskaya rigidnost' v psikhologicheskoy i obrazovatel'noy praktike* [The problem of identity and mental rigidity in psychological and educational practice]. Psychology Cand. Diss. Tomsk.
15. Lukyanov, O.V. (2010) Management in educational risks – actual sociological and psychological practice. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology.* 35. pp. 72–76. (In Russian).
16. Safina, R.N., Smirnov, A.V. & Miniyarov, V.M. (2011) Rolevoye i delovoye vzaimodeystviye studentov vuza kak mekhanizm formirovaniya lichnosti budushchikh menedzherov [Role-based and business interaction of university students as a mechanism for forming the personality of future managers]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 13(2). pp. 58–61.

Received 17.10.2017;

Accepted 26.12.2017

УДК 159.9.005.32

DOI: 10.17223/17267080/68/9

Ле Тхи Минь Лоан¹, Фам Минь Шон²

¹ Институт социально-гуманитарных наук,
Вьетнамский государственный университет (Ханой, Вьетнам)

² Академия Журналистики и Коммуникации, Государственная
Политическая Академия им. Хо Ши Мина (Ханой, Вьетнам)

Влияние мотивов на трудовую активность работников на предприятиях

Представлены результаты эмпирического исследования влияния мотивов на трудовую активность. Изучено четыре вида мотивов по шкале Ганье: экстернальные, интропроецированные, идентифицированные и внутренние, и четыре компонента активности по шкале, разработанной авторами: проактивность в работе, интерес к работе, креативность в работе и преодоление трудностей на работе. По результатам исследования была выявлена позитивная корреляция между видами мотивов, между компонентами трудовой активностью работников, между разными видами мотивов и компонентами трудовой активности, а также между мотивами и трудовой активностью. Многофакторный регрессионный анализ показал, что экстернальные мотивы оказывают наибольшее влияние, за ними следуют внутренние, идентифицированные и интропроецированные.

Ключевые слова: *мотивы; трудовая активность; проактивность в работе; интерес к работе; креативность в работе; преодоление трудностей на работе.*

Введение

Работа может занимать в жизни людей разное место. По Е.В. Щанину, для людей, любящих свою профессию, работа не только дает возможность дополнительного заработка, но и укрепляет чувство своей общественной значимости, упорядочивает всю жизнь [1]. Количество и качество времени, занятого работой, зависят от многих факторов, среди которых и то, насколько сильно человеку нравится выполняемая им работа, и то, что он получает взамен [2. С. 11].

Сегодня жизнь многих организаций напрямую зависит от качества мотивации и трудовой активности сотрудников, без людей организации не существуют [3]. В первых исследованиях психологии труда основное внимание ученых было сосредоточено на мерах адаптации работников к деятельности, таких как саморегуляция сотрудников для соответствия специфике работы [4], приверженность работников целям, поставленным организацией [5], а также адаптация новых работников к социальной иерархии

и культуре организации [6]. Дальнейшие исследования были посвящены способностям работников изменять свойства деятельности и адаптироваться к различным производственным ситуациям, чтобы повысить эффективность и удовлетворенность от работы [7], т.е. трудовой активности работников.

Было выявлено положительное влияние трудовой активности на самих работников и на организацию в целом. Качество трудовой активности приводит к увеличению продаж [8], повышению личной креативности [9] и креативности в малых предприятиях [10] и др. Дж. Крант считает, что исследования активности на работе могут стать самыми перспективными в теории управления [11. С. 435]. В то же время факторы, влияющие на трудовую активность, в том числе трудовая мотивация работников, пока не получили достаточного освещения в работах ученых [12]. Именно этому вопросу посвящено настоящее исследование.

Теоретические исследования трудовой активности работников

По мнению Е.А. Климова [13], трудовая активность приводит к изменениям не только в окружающей среде, но и в самом субъекте. Она не может происходить без участия интеллектуальных, мыслительных процессов планирования и контроля, разрешения проблемной ситуации [13].

Сущность и компоненты трудовой активности рассматривались в работах разных исследователей, однако единогласия между ними достигнуто не было. По мнению одних авторов, трудовая активность – это отношение, выраженное в реальных действиях работников, другие ученые подчеркивают эффективность работы, а третьи утверждают, что трудовая активность должна проявляться как в отношении, так и в эффективности работы. И.В. Королев предполагал, что феномен трудовой активности проявляется, прежде всего, в таких социальных качествах субъекта, как свобода, сознательность, субъективная заинтересованность, ответственность и т.п., а основным источником трудовой активности выступают потребности [14]. А.В. Попов подчеркнул, что содержание понятия «трудовая активность» охватывает трудовую деятельность, характеризуемую качеством и количеством выполненной работы (производительность труда, объем выполненной работы за единицу времени, овладение передовыми методами и приемами труда), дисциплинированностью участников трудового процесса (соблюдение норм и правил внутреннего трудового распорядка, технологической и трудовой дисциплины, показатели использования оборудования), а также характером трудовой активности – творческий, нетворческий (сроки и степень освоения новых технологий, видов продукции, участие работников в рационализаторстве, изобретательстве, совершенствовании организации производства и труда) [15]. По Н.В. Казаковой, трудовая активность – это сознательная, заинтересованная, самостоятельная трудовая деятельность личности, осуществляемая в различных сферах и на различ-

ных уровнях социальной организации общества и являющаяся для нее источником средств к существованию, способом жизненного обустройства и саморазвития [16. С. 77]. Трудовая активность проявляется в сознательном отношении субъекта к цели деятельности, планировании и выполнении своей работы [17].

По результатам анализа литературных источников можно выделить четыре основных компонента, образующих трудовую активность работников и направленных на достижение высокой эффективности деятельности: проактивность в работе, интерес к работе, креативность в работе и преодоление трудностей на работе. Проактивность в работе – это психологическое явление, отражающее отношение работников к своей деятельности и выражающееся в добровольном выполнении работы без необходимости контроля и надзора со стороны руководства, ведении дел по заданному плану и самостоятельной оценке результатов в целях улучшения работы в дальнейшем. Креативность в работе состоит в том, что человек не только выполняет работу по определенной инструкции, но также самостоятельно выдвигает новые инициативы и инновационные идеи для улучшения своей деятельности. Преодоление трудностей на работе – это постоянный поиск выхода из сложных ситуаций, таких как просрочка выполнения или невыполнение работы, личные и семейные проблемы (болезни, неотложные дела и др.), напряженные межличностные отношения.

Работник может быть активным при условии, что его трудовая деятельность определяется его собственными интересами, т.е. направлена на удовлетворение его потребностей и соответствует его ценностным ориентациям. Мотивы являются тем, что побуждает человека к действиям. Качество мотивации и определение мотивирующих факторов сегодня вызывают активные дискуссии.

Е.П. Ильин выделяет три побудительных причины, заставляющие человека трудиться: побуждения общественного характера, материальные и духовные побуждения. Побуждения общественного характера – это и осознание необходимости приносить пользу обществу, и желание оказывать помощь другим людям, и нежелание прослыть туенядцем. Материальные побуждения – получение определенных материальных благ для себя и семьи. Духовные – удовлетворение потребностей в самоактуализации, самовыражении, самореализации: потребности в общественном признании, в уважении со стороны других [18]. В соответствии с двойственной природой человека В.Н. Белкин и Н.А. Белкина выделяют две группы мотивов трудовой активности: материальные и социальные. Первые порождаются стремлением обрести доход в обмен на труд. В отличие от материальных, социальные мотивы нацелены на наслаждение творчеством, удовлетворение самолюбия, амбиций и связаны с получением удовольствия от самого процесса труда [19. С. 54–55].

Исследования М. Ганье и Э.Л. Деси, основанные на теории самодетерминации Р. Райана [20], указывают на наличие двух видов мотивов тру-

довой деятельности – экстернальных и интернальных. Внутренний мотив возникает, если человек любит и увлекается самой работой. Внешний мотив появляется, когда человек действует с целью достичь желаемого результата или избежать нежелаемого. Он успешно активизируется, когда служит средством для реализации цели [21. С. 334]. При том, что эти два типа мотивов существенно различаются, они могут трансформироваться и интегрироваться между собой. Например, внешний фактор, такой как премия или штраф, со временем может стать фактором внутренней регуляции [20].

Экстернальные мотивы делятся на несколько видов. На самом низком уровне находятся мотивы, связанные с получением премий или избеганием штрафов. Другие экстернальные мотивы возникают, когда регуляция поведения связана с интеграцией ценностей и отношений.

Интеграция определяется как выбор ценностей и отношений, помогающих превратить внешне обусловленные регуляции во внутренне обусловленные, отчего отпадет необходимость первых. Интеграция включает три этапа – интропроецирование, идентифицирование и объединение. Интропроецированная регуляция связана с выполнением работы под давлением или принуждением [22]. Она особо интересна, так как идет от личности, но связана с интегрированной внешней регуляцией. Примером служит такое рассуждение: «Я работаю, потому что работа делает меня достойным» [21]. Идентифицированная регуляция предполагает объединение важных действий с собственными ценностями и целями [22]. Объединенная регуляция подразумевает определение ценностей деятельности таким образом, чтобы она стала частью регулярных действий человека и частью его личностной идентификации.

Основываясь на сущности разных видов мотивов в теории самодетерминации Райана, исследователи разделили мотивы на контролирующие и автономные. Контролирующие мотивы включают экстернальную регуляцию и интропроецированные мотивы, к автономным относятся идентифицированные, объединенные и внутренние мотивы [23. С. 630].

В данной статье для анализа мотивации трудовой активности работников мы используем классификацию мотивов М. Ганье: экстернальные мотивы (экстернальная регуляция), интропроецированные, идентифицированные, объединенные и внутренние [Там же]. Однако объединенные мотивы представляются чем-то идеальным, обычно неосуществимым для рядовых работников, поэтому в этой статье анализируются только влияния четырех популярных типов мотивов.

Влияние мотивов деятельности на трудовую активность

Интерес представляет не только выяснение влияния каждого вида мотивов на трудовую активность, но и воздействие всего комплекса мотивов на компоненты трудовой активности. Это связано с тем, что, во-первых, каждым работником движет не один, а система мотивов, стоящих на разных ступенях по степени важности или силы в разные периоды и в разных

условиях. Во-вторых, чтобы понять мотивацию как действенный инструмент и фактор, определяющий эффективность труда, важно обеспечить системный подход в методике ее анализа и оценки [24].

1. Влияние мотивов на проактивность в работе

С.К. Паркер, У.К. Биндл и др. [25], основываясь на теории самодетерминации Э.Л. Деси и Р. Райана [26], выделяют две основные причины проактивности личности. Первая: человек считает свою работу интересной, создающей внутреннюю мотивацию и дающей возможности роста. Проактивность увеличивает готовность преодолевать вызовы, благодаря чему удовлетворяются потребности человека в реализации собственного потенциала и автономности. Примером проактивности, движимой внутренними мотивами, служит ситуация, когда сотрудник добровольно работает сверхурочно, развивая новое программное обеспечение, так как он находит работу интеллектуально стимулирующей [27]. Вторая причина: человек действует проактивно, чтобы достичь важных жизненных целей или соответствовать собственным центральным ценностям [25].

2. Влияние мотивов на интерес к работе

Исследователи Н.Л. Хулфорт, Ф.Дж. Филипп, Р. Вальранд и Дж. Мернард [28] разделяют мотивы и интерес к работе, отмечают, что интерес к работе отличается от мотивов, однако они структурно связаны. Контролирующие мотивы влияют на интерес к работе [Там же]. Интерес к работе лишь в малой степени коррелирует с экстернальными и внутренними мотивами [29].

3. Влияние мотивов на креативность в работе

По данным С. Yeh-Yun Lin и F.C. Liu [30], креативные действия сотрудников подвергаются влиянию мотивов. В своем исследовании, ссылаясь на мнения других авторов, Ф.Т. Нги [31] указывает, что креативность стимулируется стремлением к реализации собственного потенциала субъекта действий, через креативность удовлетворяется потребность в самореализации – одна из высших потребностей человека [32]. Р.С. Кратчфильд считает, что хотя экстернальные мотивы могут способствовать участию личности в деятельности, но основным мотивом, стимулирующим креативность и полную связь с работой, является участие и полное погружение в деятельность в поисках нового и интересного [33]. Т.М. Амабайл подчеркивает стимулирующее влияние внутренних мотивов и препятствующее влияние внешних факторов на креативность [34]. Креативная личность поощряется главным образом внутренними мотивами, чувством обязательности к достижению цели деятельности, увлеченностью процессом работы, для нее деятельность – это не средство для достижения внешних целей. Несмотря на то, что вначале личностью могут двигать внешние силы, а не собственный интерес, мотивы могут меняться по ходу работы [31. С. 63].

4. Влияние мотивов на преодоление трудностей в работе

Из факторов, влияющих на преодоление трудностей в разных сферах жизни вообще и на работе в частности, Л.В. Мардахаев выделяет два вида: внутренние и внешние. Внутренние факторы определяются предрасполо-

женностью к адаптации человека в среде, его самопроявлением в ней, способностью видеть, прогнозировать проблемы и трудности и самостоятельно их преодолеть; внешние – возникновением проблем и трудностей между человеком и средой, а также обусловленностью факторов, стимулирующих его целесообразное самопроявление и активность в их преодолении [35. С. 4]. И.Е. Шумакова и др. в ряд главных понятий ставят концепт «темы бытия» для преодоления трудностей. Содержание «тем» они описывают как центральные устремления личности, ее главные интересы или же как объекты, обладающие высокой личностной значимостью для индивида. Р. Lazarus, характеризую структуру проблемы совладания, использует термин «commitment». По его словам, commitments – это идеальные и высокоценные для человека цели. Когда эти смысловые образования актуализируются, у субъекта возникают интересы, появляются настойчивость и энергия. Lazarus соглашается с теми психологами, которые включают commitment в понятие мотивации. Отсутствие приверженностей (commitments) он связывает с переживанием незначимости, бессмысленности мира, с экзистенциальной болезнью [36. С. 47].

Несмотря на отсутствие отдельных работ, изучающих влияние мотивов трудовой деятельности на преодоление трудностей, можно утверждать, что действия сотрудника по преодолению препятствий на работе исходят от осознания важности этих действий для личности, понимания ценностей и выгод. Преодоление трудностей в ходе работы может восприниматься работником как обязательное условие, чтобы утвердить свою позицию среди коллег, не быть некомпетентным в глазах других (идентифицированный мотив), получить экономическую выгоду в виде зарплаты и премий (экстернальные мотивы), следовать общим групповым тенденциям, не быть отдельным элементом (интропроецированный мотив) или просто как необходимое, так как человек увлечен и любит свою работу (внутренние мотивы).

На основе проведенного теоретического анализа были выдвинуты следующие исследовательские гипотезы:

1. Существует позитивная корреляция между трудовой активностью и трудовыми мотивами.
2. Существует позитивная корреляция между проактивностью в работе и интропроецированными, идентифицированными и внутренними мотивами.
3. Существует позитивная корреляция между интересом к работе и всеми видами мотивов.
4. Существует позитивная корреляция между креативностью работника и интропроецированными, идентифицированным и внутренними мотивами, а также обратная корреляция между креативностью и экстернальными мотивами.
5. Существует позитивная корреляция между преодолением трудностей работников и всеми видами мотивов.
6. Степень участия каждого вида мотивов трудовой активности в объяснении качества трудовой активности различна.

Объект исследования

Исследование было проведено на предприятиях и в местах проживания работников в четырех больших провинциях Вьетнама. В эксперименте приняли участие 332 человека, работающих в Ханое (34,8%), 200 человек, работающих в Хайфоне (21%), 164 человека, работающих в Да Нанге (17,2%) и 257 человек, работающих в Хо Ши Мине (27%). Средний возраст респондентов составляет 27,4 лет; средний стаж работы – 3,49 лет; количество работников женского пола составляет 48,9%. Уровень образования работников: среднее и среднее профессиональное образование – 39%, неполное высшее – 32%, высшее и поствысшее – 29%.

Процедура исследования

Исследование состояло из двух этапов – пробного опроса и официального опроса на территории промышленных зон в Северном, Центральном и Южном Вьетнаме. На первом этапе был проведен пробный опрос 50 работников в Северном Вьетнаме, направленный на проверку надежности и эффективности шкалы текущего состояния мотивов, а также трудовой активности. На втором этапе на основе анкеты, скорректированной в ходе пробного опроса, был проведен опрос среди 953 респондентов.

Методики:

– Шкала измерения трудовых мотивов. В этом исследовании мы используем шкалу трудовых мотивов (Motivation at Work Scale) M. Gagna [23]. Объединенные мотивы были исключены из этой шкалы из-за того, что очень трудно психометрически различать их от идентифицированных мотивов [37]. Данная шкала была создана по модели шкалы Likert и предлагает 5 степеней ответов: полностью согласен – 5 баллов; согласен – 4 балла; скорее согласен, чем не согласен – 3 балла, скорее не согласен, чем согласен – 2 балла, совсем не согласен – 1 балл.

– Шкала измерения трудовой активности. Авторы исследования предложили свою шкалу измерения, также построенную по модели шкалы Likert.

Проверка надежности методик

Критерием надежности шкалы измерения трудовой активности служит показатель Cronbach's Alpha от ,7 и коэффициент корреляции между переменным и откорректированными переменными выше ,3. Результаты анализа дают показатель Cronbach's Alpha $\alpha = ,89$ (с переменными из шкалы трудовых мотивов) и Cronbach's Alpha $\alpha = ,96$ (с переменными из шкалы трудовой активности). Таким образом, шкала трудовых мотивов и шкала трудовой активности отвечают критериям надежности.

Далее был проведен разведочный факторный анализ для проверки эффективности шкалы трудовой активности. В результате было выявлено,

что КМО = ,95 ($> ,5$); критерий Бартлетта = 10 335; $df = 276$; $p = ,00 < ,05$, что объясняет 57,8% общей дисперсии. Шкала включает четыре фактора: проактивность (6 пунктов), интерес (7 пунктов), креативность (5 пунктов) и преодоление трудностей на работе (6 пунктов).

Статистическая обработка проводилась с помощью программы SPSS версии 20. Были использованы математические описывающие статистические формулы для определения среднего значения, стандартного отклонения мотивов трудовой деятельности и трудовой активности.

Степень корреляции и связь между составляющими мотивов трудовой деятельности и трудовой активности измерялась коэффициентом корреляции Пирсона (r), и данный коэффициент имеет статистическое значение с коэффициентом вероятности $p < ,05$. Кроме того, в исследовании были применены принципиальный компонентный анализ и метод вращения варимакс. Шкала принимается, когда общая погрешность $\geq 50\%$. В таблице повернутой матрицы компонентов были проанализированы переменные с факторной нагрузкой $> 0,5$.

Наконец, в исследовании был проведен многофакторный регрессионный анализ, рассматривающий корреляции между каждой составляющей трудовой активности и совокупностями мотивов трудовой деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования мотивов трудовой деятельности работников, представленные в табл. 1, показывают, что внутренние мотивы, связанные с любовью и увлечением работой, имеют самый низкий средний бал (СБ), интропроецированные и внешние мотивы получили более высокую оценку. Позитивная корреляция между разными видами мотивов говорит о том, что работники действуют не по какой-либо отдельной причине, а эти причины находятся в тесной взаимосвязи, усиление или уменьшение одних мотивов может привести к колебаниям мотивов (r в диапазоне от ,81 до ,88, $p < 0,00$).

Показатели трудовой активности (см. табл. 1) указывают на то, что работники проявляют больше всего проактивность в работе и меньше всего интерес и креативность. Тесная позитивная корреляция между трудовой активностью и ее компонентами – проактивностью, интересом, креативностью и преодолением трудностей – подтверждается соответствующими коэффициентами корреляции: $r = ,74$, $r = ,84$, $r = ,88$ и $r = ,86$, $p < 0,01$. Помимо этого, результаты анализа демонстрируют прямую корреляцию между компонентами трудовой активности: между интересом к работе и креативностью в работе ($r = ,68$; $p < 0,01$), между интересом к работе и проактивностью в работе ($r = ,42$; $p < 0,01$), между проактивностью в работе и преодолением трудностей ($r = ,59$; $p < 0,01$), а также между преодолением трудностей и креативностью ($r = ,66$; $p < 0,01$).

Таблица 1

Корреляция между мотивами и трудовой активностью

Мотивы и трудовая активность	1	1,1	1,2	1,3	1,4	2	2,1	2,2	2,3	2,4
1. Мотивы	3,61 (,67)									
1.1. Внутренние	,81**	3,48 (,78)								
1.2. Идентифицированные	,88**	,71**	3,56 (,73)							
1.3. Экстренальные	,86**	,57**	,66**	3,69 (,78)						
1.4. Интропроецированные	,84**	,47**	,63**	,68**	3,70 (,88)					
2. Трудовая активность	,82**	,74**	,70**	,75**	,58**	3,69 (,60)				
2.1. Проактивность	,58**	,47**	,49**	,53**	,45**	,74**	3,99 (,66)			
2.2. Интерес	,72**	,72**	,66**	,60**	,45**	,84**	,42**	3,39 (0,8)		
2.3. Креативность	,72**	,64**	,58**	,71**	,50**	,88**	,53**	,68**	3,64 (,76)	
2.4. Преодоление трудностей	,69**	,59**	,57**	,64**	,53**	,86**	,59**	,62**	,66**	3,73 (,65)

Данные табл. 1 также свидетельствуют о том, что трудовая активность в целом и все ее компоненты имеют тенденцию к росту, когда усиливаются мотивы трудовой деятельности. Коэффициент корреляции между трудовой активностью и мотивами в целом составляет ,82, а между трудовой активностью и отдельными видами мотивов – соответственно $r = ,74$, $r = ,70$, $r = ,75$ и $r = ,58$ при $p < 0,01$. Это означает, что если человек работает по одному единственному мотиву, то этот мотив непременно повлияет на его трудовую активность.

Регрессионный анализ, направленный на определение степени объяснения трудовой активности в целом и ее компонентов под воздействием всего комплекса мотивов, дает разнообразные результаты (табл. 2). Было выявлено, что три вида мотивов участвуют в объяснении колебания трудовой активности (71%). Степень влияния разных видов мотивов на объяснение колебания трудовой активности ($p < 0,01$) распределяется по порядку убывания: экстернальные ($\beta = ,423$), внутренние ($\beta = ,40$) и идентифицированные ($\beta = ,115$).

Все четыре вида мотивов участвуют в объяснениях колебаний проактивности (объясняют 33,5%). Степень влияния мотивов на колебания проактивности в работе распределена по порядку убывания от экстернальных, внутренних, идентифицированных до интропроецированных, где коэффициент β составляет соответственно ,283; ,184; ,115; ,099 ($p < ,05$). Аналогично случаю с проактивностью в работе, все четыре вида мотивов участвуют в колебаниях интереса к работе (объясняют 59%). Однако уровень участия экстернальных и внутренних мотивов немного меняется.

Степень влияния мотивов на колебания интереса распределены по следующему порядку убывания – внутренние, экстернальные, идентифицированные и интропроецированные (см. табл. 2).

Таблица 2

Многофакторный анализ влияния мотивов на трудовую активность

Модели, r , R^2 , ANOVA	Нестандарт. коэфф		Стандарт. коэф.	t	p
	B	Стандарт. погрешность	β		
<i>Проактивность ($R^2 = ,33$, $F = 116,6$, $p = 0,00$)</i>					
Констант	1,941	,097		19,924	,000
Экстренальные	,237	,035	,283	6,874	,000
Интропроецированные	,073	,029	,099	2,530	,012
Идентифицированные	,104	,040	,115	2,594	,010
Внутренние	,154	,033	,184	4,718	,000
<i>Интерес ($R^2 = 0,59$, $F = 332,47$, $p = 0,00$)</i>					
Констант	,203	,093		2,175	,030
Экстренальные	,255	,033	,249	7,727	,000
Интропроецированные	-,067	,028	-,074	-2,426	,015
Идентифицированные	,242	,038	,220	6,329	,000
Внутренние	,467	,031	,457	14,965	,000
<i>Креативность ($R^2 = ,58$, $F = 320,14$, $p = 0,00$)</i>					
Констант	,631	,090		7,012	,000
Экстренальные	,497	,032	,507	15,580	,000
Интропроецированные	-,008	,027	-,009	-,293	,770
Идентифицированные	-,004	,037	-,004	-,105	,917
Внутренние	,351	,030	,359	11,659	,000
<i>Преодоление трудностей ($R^2 = ,49$, $F = 226,01$, $p = 0,00$)</i>					
Констант	1,292	,084		15,318	,000
Экстренальные	,308	,030	,369	10,294	,000
Интропроецированные	,087	,025	,117	3,445	,001
Идентифицированные	,043	,035	,048	1,237	,216
Внутренние	,240	,028	,288	8,481	,000
<i>Трудовая активность ($R^2 = ,71$, $F = 564,09$, $p = 0,00$)</i>					
Констант	1,010	,059		17,225	,000
Экстренальные	,324	,021	,423	15,587	,000
Интропроецированные	,024	,017	,035	1,350	,177
Идентифицированные	,094	,024	,115	3,920	,000
Внутренние	,305	,020	,400	15,514	,000

Что касается креативности в работе и преодоления трудностей, степень влияния мотивов также меняется: только два вида мотивов участвуют в объяснениях колебания креативности в работе (объясняют 58%) и три вида – в объяснениях колебания преодоления трудностей на работе (объясняют 49%). Влияние экстернальных мотивов на креативность сильнее, чем внутренних ($\beta = ,507$ по сравнению с $\beta = ,359$, $p < ,05$); степень влияния разных видов мотивов на объяснение колебания преодоления трудностей на работе распределена по порядку убывания от экстернальных ($\beta = ,369$), внутренних ($\beta = ,288$) до интропроецированных ($\beta = ,117$) (см. табл. 2).

Степень участия мотивов в объяснениях колебания трудовой активности работников

	Экстерн. мотивы	Интропро- ец. мотивы	Идентиф. мотивы	Внутренние мотивы
Проактивность в работе	1	4	3	2
Интерес к работе	2	4	3	1
Креативность в работе	1	–	–	2
Преодоление трудностей на работе	1	3	–	2
Трудовая активность	1	–	3	2

Примечание. Цифры в таблице указывают на порядок в иерархии влияния; знак «–» указывает мотивы, не участвующие в объяснении колебания компонента трудовой активности.

Обобщенный результат анализа степени участия мотивов в объяснениях колебаний трудовой активности работников представлен в табл. 3. Он показывает, что экстернальные мотивы оказывают наибольшее влияние и играют важную роль в колебаниях трех из четырех компонентов трудовой активности. Экстернальные мотивы имеют меньшую силу воздействия на креативность, чем интернальные. Внутренние мотивы также участвуют в объяснениях колебания компонентов трудовой активности, но степень их влияния ниже, чем у экстернальных. Следующая ступень влияния принадлежит идентифицированным мотивам, они влияют на проактивность в работе и интерес к работе и не влияют на креативность в работе и преодоление трудностей в работе. Наконец, интропроецированные мотивы оказывают небольшое влияние на проактивность, интерес и преодоление трудностей в работе и не влияют на креативность.

Обсуждение результатов

Самый высокий средний балл материальных мотивов свидетельствует о том, что основными мотивами трудовой деятельности у испытуемых являются не интерес, любовь, желание посвятить себя работе, получить признание, уважение от людей или быть членом трудового коллектива, а простые бытовые мотивы, такие как получение премий при хорошем выполнении или боязнь контроля или наказаний при плохой реализации работы. Это не отрицает наличия «высоких мотивов». Высокая позитивная корреляция между компонентами трудовой активности подтверждает, что только когда работник любит свою работу, он будет проактивен, креативен, станет прилагать постоянные усилия по преодолению препятствий и достижению целей, поставленных им и организацией. Этот вывод был подтвержден и в других исследованиях: увлеченные работой сотрудники более склонны к действиям по изменению сложившейся ситуации, чем не увлеченные [38], увлеченность и чувство гармонии с работой позитивно влияют на креативность [39].

Полученные нами результаты влияния отдельных видов мотивов на трудовую активность работников подобны результатам, полученным в других исследованиях. Была выявлена позитивная корреляция между трудовой активностью и удовлетворением потребности в материальных благах (экстернальные мотивы) [40], большим желанием контролировать, занять первое место (интропроецированные мотивы) [41], увлечением, осознанием смысла работы (внутренние мотивы) [29] и желанием быть похожим на других (идентифицированные мотивы) [42].

Что касается влияния отдельных видов мотивов на компоненты трудовой активности, в результате исследования были сделаны некоторые выводы, сходные с результатами предыдущих работ. Выявлено, что проактивность в работе находится под влиянием интропроецированных, идентифицированных и внутренних мотивов; интерес к работе подвергается влиянию как экстернальных, так и внутренних мотивов; на креативность влияют внутренние мотивы; на преодоление трудностей – все виды мотивов. Однако были получены и новые, отличающиеся от предыдущих результаты: проактивность в работе и креативность в работе также находятся под влиянием экстернальных мотивов.

При анализе всех видов мотивов сила влияния каждого их вида на трудовую активность может быть связана с тремя уровнями самоопределения индивида – коллективным, межличностным и личностным [43]. Сильное влияние таких экстернальных мотивов, как «заработать много денег», «иметь возможность обеспечивать детей и семью», «материальное благополучие», подтвержденное в данной работе и работах других авторов [32; 44. С. 262; 45], может быть характерно для групп респондентов, где преобладают рабочие. Низкооплачиваемый ручной труд приводит к тому, что проактивность в работе, интерес к работе, креативность в работе или преодоление трудностей в работе этих людей обусловлены в первую очередь базовыми, бытовыми мотивами, связанными с деньгами. Очевидно, что это простейшие, но незаменимые мотивы работников. Таким образом, здесь мотивы, способствующие трудовой активности, находятся лишь на личностном уровне согласно теории самоопределения [43]. На данном уровне самоопределение основано на индивидуальности личности, личностные ценности выявляются на фоне отличий и преимуществ над другими людьми [46]. По данным Р. Джонсона и Л. Йанга, на данном уровне человек руководствуется личными ценностями и действиями по максимизации собственных интересов, и такие условия, как увеличение зарплаты и возможности профессионального роста, имеют важное значение для работников с сильной индивидуальностью [43].

Помимо этого, результаты исследования показывают, что получение личных выгод не должно сильно противоречить интересам окружающих (работники хотят быть в определенной степени как все, чтобы остаться собой, но и не считаться эгоистом и не быть изгоем). Это значит, что по отношению к трудовой активности идентифицированные и интропроецированные мотивы данной группы не обязаны быть очень сильными и могут

оставаться на среднем и даже низком уровне. Если смотреть на теорию самоопределения на межличностном уровне [43], которая считает, что личностные ценности опираются на оценки со стороны других с целью получить хорошие партнерские отношения [47], значение таких мотивов исследованной группы невелико. Работники, проявляя проактивность в работе, интерес к работе, креативность в работе и преодоление трудностей в работе, не сильно зависят от внешних оценок.

Эти выводы указывают на противоречия с исследованиями, считавшими, что вьетнамцы, относящиеся к коллективной культуре, очень стараются поддерживать и развивать социальные связи (в обществе, на работе, в семье). Самоопределение в качестве члена коллектива [46, 48] на корпоративном уровне при проявлении трудовой активности также не получает должного внимания работников в данном исследовании. Стандарты и цели предприятий еще не стали реальными мотивами для повышения трудовой активности работников в коллективе и проявления их проактивности в работе, интереса к работе, креативности и преодоления трудностей на работе. Их личностные ценности мало зависят как от успехов предприятия в целом, так и от успешного выполнения собственной работы.

Выводы

Трудовая активность работников проявляется в тесно взаимосвязанных аспектах, включая проактивность в работе, интерес к работе, креативность в работе и преодоление трудностей в работе. Разные виды мотивов трудовой деятельности также взаимосвязаны. Каждый из них (экстернальные, внутренние, идентифицированные, интропроецированные) в определенной степени влияет на трудовую активность работников.

Общий анализ, проведенный в рамках системного подхода (человек подвергается влиянию не отдельных факторов, а их комплекса), показывает, что экстернальные мотивы оказывают очень большое, внутренние мотивы – большое, а интропроецированные и идентифицированные мотивы – среднее и слабое влияние на элементы трудовой активности. Именно поэтому важнейшие, неременные меры, которые предприятиям следует принимать для стимулирования трудовой активности работников, должны исходить из заботы об их материальном благополучии – постоянное повышение зарплат и премий, хорошее социальное обеспечение. Кроме того, руководство предприятий должно учитывать другие нужды работников, например обеспечивать их интересной и подходящей работой для увеличения их трудовой активности.

Литература

1. Щанина Е.В. Основные факторы трудовой активности пожилых людей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 1 (25). С. 88–96.

2. Кондратьев О.В., Снежинская М.В., Мелихов Ю.Е. Мотивация персонала. Нет мотива – нет работы. М. : Альфа-Пресс, 2005. 216 с.
3. Wayne F.C. Managing Human Resources: Productivity, Quality of Work life, Profit. 5th ed. Boston : Irwin McGraw-Hill, 1998. 851 p.
4. Hackman J.R., Oldham G. R. Motivation through the design of work: Test of a theory // Organizational behavior and human performance. 1976. Vol. 16 (2). P. 250–279. DOI: 10.1016/0030-5073(76)90016-7.
5. Locke E.A., Shaw K.N., Saari L.M., Latham G.P. Goal setting and task performance: 1969–1980 // Psychol. Bull. 1981. Vol. 90. P. 125–152. DOI:10.1037/0033-2909.90.1.125.
6. Van Maanen J.E., Schein E.H. Toward a theory of organizational socialization // Research in Organizational Behavior. 1977. Vol. 1. P. 209–264.
7. Bindl U., Parker Sh.K. Proactive work behavior: forward-thinking and change-oriented action in organizations // *Apa Handbook of Industrial and Organizational Psychology* / Sh. Zedeck (ed.); American Psychological Association. Washington DC, 2010. P. 567–598.
8. Crant J.M. The Proactive Personality Scale and objective job performance among real estate agents // *Journal of Applied Psychology*. 1995. Vol. 80, № 4. P. 532–537.
9. Seibert S.E., Kraimer M.L., Crant J.M. What do proactive people do? A longitudinal model linking proactive personality and career success // *Personnel Psychology*. 2001. Vol. 54 (2). P. 845–874.
10. Kickul J., Gundry L.K. Prospecting for strategic advantage: The proactive entrepreneurial personality and small firm innovation // *Journal of Small Business Management*. 2002. Vol. 40. P. 85–97. DOI: 10.1111/1540-627X.00042.
11. Crant J.M. Proactive behavior in organizations // *Journal of Management*. 2000. Vol. 26 (3). P. 435–462. DOI: 10.1016/S0149-2063(00)00044-1.
12. Parker S.K., Williams H.M., Turner N. Modeling the antecedents of proactive behavior at work // *Journal of applied psychology*. 2006. Vol. 91(3). P. 636–652. DOI: 10.1037/0021-9010.91.3.636.
13. Психолог: введение в профессию : учеб. пособие для студентов вузов / В.А. Фокин, Т.М. Бужас, О.Н. Родина и др.; под ред. Е.А. Климова. М. : Академия, 2007. 208 с.
14. Королев И.В. Трудовая активность современной российской молодежи: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. М., 2009. 187 с.
15. Попов А.В. Развитие трудовой активности населения // *Проблемы развития территории*. 2012. № 6 (62). С. 66–76.
16. Казакова Н.Д. Стратегии трудовой активности личности в условиях нестабильности социально-экономической среды // *Вестник Московского государственного университета приборостроения и информатики. Сер. Социально-экономические науки*. 2010. № 30. С. 75–83.
17. Tinh N.T. Some basic components of the teaching's activeness of university lecturers // *Journal of Psychology*. 2011. № 2. P. 31–37.
18. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2002. 512 с.
19. Belkin V.N., Belkina N.A. Motives and stimulations for work // *The economic science of modern Russia*. 2003. № 3. P. 52–61.
20. Ryan R.M. Psychological needs and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well being // *American Psychologist*. 1995. Vol. 63 P. 397–427.
21. Gagné M., Deci E.L. Self-determination theory and work motivation // *Journal of Organizational behavior*. 2005. Vol. 26 (4). P. 331–362.
22. Koestner R., Losier G.F. Distinguishing three ways of being internally motivated: a closer look at introjection, identification, and intrinsic motivation // *Handbook of self-determination research* / E.L. Deci, R.M. Ryan (eds.). Rochester, NY : University of Rochester, 2002. P. 101–122.
23. Gagné M., Forest J., Gilbert M.H., Aubé C., Morin E., Malorni A. The Motivation at Work Scale: Validation evidence in two languages // *Educational and psychological measurement*. 2010. Vol. 70 (4). P. 628–646.

24. Устинова Е.М., Тедеева П.А., Журавлева Н.В. Системный подход к анализу и оценке мотивации труда работников // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2016. № 2. С. 182–189.
25. Parker S.K., Bindl U.K., Strauss K. Making things happen: a model of proactive motivation // Journal of Management. 2010. Vol. 36, № 4. P. 827–856.
26. Deci E.L., Ryan R.M. The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11. P. 227–268.
27. Lakhani K.R., Wolf R.G. Why hackers do what they do: Understanding motivation and effort in free / open source software projects // MIT Sloan working paper Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, MA, 2003. № 4425-03.
28. Houliort N., Philippe F.L., Vallerand R.J., Ménard J. On passion and heavy work investment: personal and organizational outcomes // Journal of Managerial Psychology. 2013. Vol. 29 (1). P. 25–45.
29. Vallerand R.J., Houliort N. Passion at work // Emerging perspectives on values in organizations. 2003. P. 175–204.
30. Yeh-Yun Lin, C., Liu F.C. A cross-level analysis of organizational creativity climate and perceived innovation: The mediating effect of work motivation // European Journal of Innovation Management. 2012. Vol. 15 (1). P. 55–76.
31. Nghi P.T., Praw P.T. Organization creativity in the enterprises / Published by National University. 2013.
32. Maslow A. Motivation and personality. 3rd ed. New York : Viking Press, 1987.
33. Crutchfield R.S. Conformity and creative thinking // Contemporary Approaches to Creative Thinking. University of Colorado, CO, 1958.
34. Amabile T.M. The social psychology of creativity: a componential conceptualization // Journal of personality and social psychology. 1983. Vol. 45 (2). P. 357–376.
35. Мардахаев Л.В. Социально-педагогическое сопровождение и поддержка человека в жизненной ситуации // Педагогическое образование и наука. 2010. № 6. С. 4–10.
36. Шумакова И.Е. Личностные потенциалы преодоления жизненных трудностей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 91. С. 46–56.
37. Vallerand R.J., Pelletier L.G., Blais M.R., Brière N.M., Sénécal C., Vallières E.F. The academic motivation scale: a measure of intrinsic, extrinsic, and amotivation in education // Educational and Psychological Measurement. 1992. Vol. 52. P. 1003–1017.
38. Salanova M., Schaufeli W.B. A cross-national study of work engagement as a mediator between job resources and proactive behavior // International journal of human resource management. 2008. Vol. 19 (1). P. 116–131.
39. Liu D., Chen X-P., Yao X. From autonomy to creativity: a multilevel investigation of the mediating role of harmonious passion // Journal of Applied Psychology. 2011. Vol. 96 (2). P. 294–309.
40. Kanfer R., Wanberg C.R., Kantrowitz T.M. Job search and employment: a personality-motivational analysis and meta-analytic review // Journal of Applied Psychology. 2001. Vol. 86 (5). P. 837–855.
41. Fay D., Frese M. The concept of personal initiative: an overview of validity studies // Human Performance. 2001. Vol. 14 (1). P. 97–124.
42. Follet M.P. Dynamic organization: The Collected Papers of Mary Parker Follet / ed. by E.M. Fox, L. Urwick. New York : Harper, 1941.
43. Johnson R.E., Yang, L.Q. Commitment and motivation at work: the relevance of employee identity and regulatory focus // Academy of management review. 2010. Vol. 35 (2). P. 226–245.
44. Huong Le. Civil servants’s professional activeness. Some atencendence factors. Social science. 2003.
45. Taylor F. Shop Management. New York : Harper & Row, 1903.

46. Brewer M.B., Gardner W. Who is this “we”? Levels of collective identity and self-representations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 71. P. 83–93.
47. Kinch J.W. A formalized theory of the self-concept // *American Journal of Sociology*. 1963. Vol. 68. P. 481–486.
48. Jackson C.L., Colquitt J.A., Wesson M.J., Zapata-Phelan C.P. Psychological collectivism: A measurement validation and linkage to group member performance // *Journal of Applied Psychology*. 2006. Vol. 91. P. 884–899.

Поступила в редакцию 09.10.2017 г.; повторно 23.10.2017г.; принята 23.11.2017 г.

Сведения об авторах:

Ле Тхи Минь Лоан; кандидат психологических наук, доцент психологического факультета Института социально-гуманитарных наук Ханойского государственного университета (Ханой, Вьетнам). E-mail: ltminhloan@gmail.com

Фам Минь Шон, кандидат политических наук, декан, доцент факультета международных отношений Академии журналистики и коммуникации Государственной политической академии им. Хо Ши Мина (Ханой, Вьетнам). E-mail: sonloanthu@yahoo.com

THE EFFECT OF MOTIVES ON THE EMPLOYEES’ PROACTIVE ATTITUDE AT WORK

Siberian journal of psychology, 2018, 68, 143–161. DOI: 10.17223/17267080/68/9

Le Thi Minh Loan, Hanoi National University, University of Social Sciences and Humanities (Hanoi, Vietnam). E-mail: ltminhloan@gmail.com

Pham Minh Son, National Political Academy, Academy of Journalism and Communication (Hanoi, Vietnam). E-mail: sonloanthu@yahoo.com

Keywords: motives; employees’ proactive attitude at work; proactivity; passion at work; creativity at work; efforts at work.

The question of the influence of motives on employees’ proactive attitude attracts much attention of researchers. However, the number of studies that pay attention to the influence of different types of motives on the component of employees’ proactive attitude remains small. In this paper we used two basic scales: the scale of the employees’ motives by Gagne et al (2010), including four types of regulation (external, introjected, identified and intrinsic), and our scale of employees’ proactive attitude at work, which includes four components, such as proactivity at work, passion at work, work creativity and efforts at work. The study involved 953 employees from North, Central and South Vietnam. The results of the study showed a positive correlation between the types of motives and components of employees’ proactive attitude.

The study has drawn some similar results to the previous studies about the influence of certain motive types on the components of employees’ proactive attitude at work. It was found that introjected, identified and internal motives influence on employees’ proactivity, and both external and internal motives influence on passion at work; internal motives influence on creativity and all kinds of motives influence on efforts at work. However, the results of this study demonstrated the difference with the previous ones, namely: proactivity at work and creativity at work are also influenced by external motives.

Multivariate regression analysis shows a different degree of participation of different motive types in explaining the variance of employees’ proactive attitude at work in general and its components in particular. In detail, the degree of participation of different motive types in explaining the variance in the components of employees’ proactive attitude at work is the following: the external motive has the greatest impact, followed by internal, identified and introjected motive. The results of the study were discussed within the theoretic framework of self-determination by Johnson and Yang (Johnson, Yang, 2010). Some proposals were put forward to increase the employees’ proactive attitude at work.

References

1. Shchanina, E.V. (2013) Basic factors of labour activity of elderly people. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki – University Proceedings. Volga Region. Social Sciences.* 1(25).
2. Kondratiev, O.V, Snezhinskaya, M.V, & Melikhov, Yu. E. (2005) *Motivatsiya personala. Net motiva – net raboty* [Staff motivation. No motive – no work. Moscow: Alfa-Press.
3. Cascio, W.F. (1998) *Managing Human Resources: Productivity, Quality of Work Life, Profit.* 5th ed. Boston: Irwin McGraw-Hill.
4. Hackman, J.R., & Oldham, G.R. (1976) Motivation through the design of work: Test of a theory. *Organizational Behavior and Human Performance.* 16(2). pp. 250-279. DOI: 10.1016/0030-5073(76)90016-7
5. Locke, E.A., Shaw, K.N., Saari, L.M. & Latham, G.P. (1981) Goal setting and task performance: 1969–1980. *Psychological Bulletin.* 90. pp. 125–152. DOI:10.1037/0033-2909.90.1.125
6. Van Maanen, J.E. & Schein, E.H. (1977) Toward a theory of organizational socialization. *Research in Organizational Behavior.* 1. pp. 209–264.
7. Bindl, U. & Parker, Sh.K. (2010) Proactive work behavior: forward-thinking and change-oriented action in organizations. In: Zedeck, Sh. (ed.) *Apa Handbook of Industrial and Organizational Psychology.* Washington DC: American Psychological Association. pp. 567–598.
8. Crant, J.M. (1995) The Proactive Personality Scale and objective job performance among real estate agents. *Journal of Applied Psychology.* 80(4). pp. 532–537. DOI: 10.1037//0021-9010.80.4.532
9. Seibert, S.E., Kraimer, M.L. & Crant, J.M. (2001) What do proactive people do? A longitudinal model linking proactive personality and career success. *Personnel Psychology.* 54(2). pp. 845–874. DOI: 10.1111/j.1744-6570.2001.tb00234.x
10. Kickul, J. & Gundry, L.K. (2002) Prospecting for strategic advantage: The proactive entrepreneurial personality and small firm innovation. *Journal of Small Business Management.* 40. pp. 85–97. DOI: 10.1111/1540-627X.00042
11. Crant, J.M. (2000) Proactive behavior in organizations. *Journal of Management.* 26(3). pp. 435–462. DOI: 10.1016/S0149-2063(00)00044-1
12. Parker, S.K., Williams, H.M. & Turner, N. (2006) Modeling the antecedents of proactive behavior at work. *Journal of Applied Psychology.* 91(3). pp. 636–652. DOI: 10.1037/0021-9010.91.3.636
13. Klimov, E.A. (2007) *Psikholog: vvedeniye v professiyu* [Psychologist: Introduction to the Profession]. Moscow: Akademiya.
14. Korolev, I.V. (2009) *Trudovaya aktivnost' sovremennoy rossiyskoy molodezhi: sotsiologicheskii analiz* [Work activeness of modern Russian youth: sociological analysis]. Sociology Cand. Diss. Moscow.
15. Popov, A.V. (2012) Razvitiye trudovoy aktivnosti naseleniya [Development of labour activity of the population]. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development.* 6(62). pp. 66–76.
16. Kazakova, N.D. (2010) Strategii trudovoy aktivnosti lichnosti v usloviyakh nestabil'nosti sotsial'no-ekonomicheskoy sredy [Strategies of the worker's activity in the conditions of instability of the socio-economic environment]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta priborostroyeniya i informatiki. Ser. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki.* 30. pp. 75–83.
17. Tinh, N.T. (2011). Some basic components of the teaching's activeness of university lecturers. *Journal of Psychology.* (2). pp. 31-37.
18. Ilin, E.P. (2002) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter.
19. Belkin, V.N, & Belkina, N.A (2003) Motives and stimulations for work. *The Economic Science of Modern Russia.* 3. pp. 52-61.

20. Ryan, R.M. (1995) Psychological needs and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well being. *American Psychologist*. 63. pp. 397-427.
21. Gagné, M., & Deci, E.L. (2005) Self-determination theory and work motivation. *Journal of Organizational Behaviour*. 26(4). pp. 331-362. DOI: 10.1002/job.322
22. Koestner, R., & Losier, G.F. (2002) Distinguishing three ways of being highly motivated: A closer look at introjection, identification, and intrinsic motivation. In: Deci, E.L. & Ryan, R.M. (eds) *Handbook of Self-Determination Research*. Rochester, NY: University of Rochester. pp. 101-122.
23. Gagné, M., Forest, J., Gilbert, M.H., Aubé, C., Morin, E. & Malorni, A. (2010) The Motivation at Work Scale: Validation evidence in two languages. *Educational and Psychological Measurement*. 70(4). pp. 628-646. DOI: 10.1177/0013164409355698
24. Ustinova, E.M, Tedeeva, R.A & Zhuravleva, N.V (2016) System approach to employees' labor motivation assessment and analysis. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava – Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2. pp. 182-189. (In Russian). DOI:10.21295/2223-5639-2016-2-182-189
25. Parker, S.K., Bindl, U.K. & Strauss, K. (2010) Making things happen: a model of proactive motivation. *Journal of Management*. 36(4). pp. 827-856. DOI: 10.1177/0149206308321554
26. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (2000) The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*. 11. pp. 227-268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01
27. Lakhani, K.R. & Wolf, R.G. (2003) Why hackers do what they do: Understanding motivation and effort in free/open source software projects. *MIT Sloan Working Paper*. 4425-03.
28. Houliort, N., Philippe, F.L, Vallerand, R.J. & Ménard, J. (2013) On passion and heavy work investment: personal and organizational outcomes. *Journal of Managerial Psychology*. 29(1). pp. 25-45. DOI: 10.1108/JMP-06-2013-0155
29. Vallerand, R.J. & Houliort, N. (2003) Passion at work. In: Steiner, D. (ed.) *Emerging perspectives on values in organizations*. Information Age Publishing. pp. 175-204.
30. Yeh-Yun Lin, C. & Liu, F.C. (2012) A cross-level analysis of organizational creativity climate and perceived innovation: The mediating effect of work motivation. *European Journal of Innovation Management*. 15(1). pp. 55-76. DOI: 10.1108/14601061211192834
31. Nghi, P.T. & Praw, P.T. (2013) *Organization creativity in the enterprises*. National University.
32. Maslow, A. (1987) *Motivation and Personality*. 3rd ed. New York: Viking Press.
33. Crutchfield, R.S. (1962) Conformity and creative thinking. In: Gruber, H.E. (ed.) *Contemporary Approaches to Creative Thinking*. University of Colorado, CO, US: Atherton Press.
34. Amabile, T.M. (1983) The social psychology of creativity: A componential conceptualization. *Journal of Personality and Social Psychology*. 45(2). pp. 357. DOI: 10.1037/0022-3514.37.2.221
35. Mardakhayev, L.V (2010) Sotsial'no-pedagogicheskoye soprovozhdeniye i podderzhka cheloveka v zhiznnoy situatsii [Socio-pedagogical support and support of a person in a life situation]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka*. 6. pp. 4-10.
36. Shumakova, I.E. (2009) Lichnostnyye potentsialy preodoleniya zhiznennykh trudnostey [Personal potentials for overcoming life's difficulties]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 91. pp. 46-56.
37. Vallerand, R.J., Pelletier, L.G., Blais, M.R., Brière, N.M., Sénécal, C. & Vallières, E.F. (1992) The academic motivation scale: A measure of intrinsic, extrinsic, and amotivation in education. *Educational and Psychological Measurement*. 52. pp. 1003-1017. DOI: 10.1177/0013164492052004025
38. Salanova, M. & Schaufeli, W.B. (2008). A cross-national study of work engagement as a mediator between job resources and proactive behaviour. *International Journal of Human Resource*. 19(1). pp. 116-131. DOI: 10.1080/09585190701763982

39. Liu, D., Chen, X-P., & Yao, X. (2011) From autonomy to creativity: a multilevel investigation of the mediating role of harmonious passion. *Journal of Applied Psychology*. 96(2). pp. 294–309. DOI: 10.1037/a0021294
40. Kanfer, R., Wanberg, C.R. & Kantrowitz, T.M. (2001) Job search and employment: A personality-motivational analysis and meta-analytic review. *Journal of Applied Psychology*. 86(5). pp. 837–855. DOI: 10.1037/0021-9010.86.5.837
41. Fay, D. & Frese, M. (2001) The concept of personal initiative: An overview of validity studies. *Human Performance*. 14(1). pp. 97–124. DOI: 10.1207/S15327043HUP1401_06
42. Follet, M.P. (1941). Dynamic organization. In: Metcaff, M.C. & Urwick, L.F. (eds) *The Collected Papers of Mary Parker Follet*. New York: Harper.
43. Johnson, R.E., & Yang, L.Q. (2010) Commitment and motivation at work: The relevance of employee identity and regulatory focus. *Academy of Management Review*. 35(2). pp. 226–245. DOI: 10.5465/AMR.2010.48463332
44. Huong, Le (2003) *Civil servants's professional activeness. Some atencendence factors. Social science*.
45. Taylor, F (1903) *Shop Management*. New York: Harper & Row.
46. Brewer, M.B. & Gardner, W. (1996) Who is this “we”? Levels of collective identity and self-representations. *Journal of Personality and Social Psychology*. 71. pp. 83–93. DOI: 10.1037/0022-3514.71.1.83
47. Kinch, J.W. (1963) A formalized theory of the self-concept. *American Journal of Sociology*. 68. pp. 481–486. DOI: 10.1086/223404
48. Jackson, C.L., Colquitt, J.A., Wesson, M.J. & Zapata-Phelan, C.P. (2006) Psychological collectivism: A measurement validation and linkage to group member performance. *Journal of Applied Psychology*. 91. pp. 884–899. DOI: 10.1037/0021-9010.91.4.884. 884

Received 09.10.2017;

Revised 23.10.2017;

Accepted 23.11.2017

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, АКМЕОЛОГИЯ

УДК 159.9.07; 37.015.3
DOI: 10.17223/17267080/66/10

Р.М. Хусаинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия)

Проявление феномена прокрастинации у учителей в зависимости от качества жизни

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проект 17-29-02092 офи_м).

Статья посвящена анализу взаимосвязи феномена прокрастинации с показателями качества жизни учителей. Внимания заслуживает вывод о том, что показатели «прокрастинация», «избегание» и «сверхбдительность» являются системообразующими и влияют на качество жизни педагогов. Феномен прокрастинации прямо взаимосвязан с непродуктивными копинг-стратегиями и обратно взаимосвязан с теми сферами жизни учителя, которые обеспечивают его эффективную профессиональную деятельность. Важным является акцентирование внимания на том, что профессиональное функционирование учителей возможно при условии удовлетворения их потребностей в физической и психологической безопасности, финансовой стабильности.

Ключевые слова: прокрастинация; стратегии принятия решений; паттерн поведения; качество жизни; педагогическая деятельность.

Введение

Интернет-ресурсы и блоги пестрят обсуждением проблем общей загруженности учителя. В образовательной сфере феномен прокрастинации возможен как проявление сопротивления той реальности, которая создается вокруг учителей в современной школе. Эта ситуация порождает актуальность исследования прокрастинации в педагогической деятельности.

Феномен прокрастинации, появившийся в научных исследованиях менее 50 лет, назад интенсивно изучается в последние два десятилетия. Его рассматривают во взаимосвязи с когнитивными процессами, эмоциональными, мотивационно-поведенческими проявлениями личности [1, 2], биологическими факторами, с такими особенностями поведения, как задержка поиска надлежащего ухода от проблем со здоровьем, неорганизо-

ванность, общая поведенческая ригидность [3, 4]. Список последствий прокрастинации пополняют исследования, указывающие, что прокрастинация уменьшает благосостояние, увеличивает проявление симптомов проблем психического здоровья [5].

Итак, прокрастинация представляет собой комплексный в психологическом плане феномен и включает в себя поведенческие, эмоциональные и когнитивные компоненты.

В работах ряда авторов указано, что основные сферы проявления прокрастинации – это профессиональная деятельность, забота о здоровье, обучение (академическая прокрастинация) [6, 7]. Таким образом, прокрастинация, описываемая в научном дискурсе как проблема личности, все больше выходит на первый план и становится проблемой общества. Соответственно, вполне предполагаем значительный рост исследовательской и публикационной активности в разработке аспектов проявления феномена прокрастинации в профессиональной деятельности. Данный феномен в трудовой деятельности изучался на примере IT специалистов и членов виртуальных проектных групп [8]. У сотрудников IT-компаний прокрастинация способствует нарастанию когнитивных нагрузок. Показатель волевой регуляции деятельности, особенно со стороны компонента регуляции поведения в ситуации неудачи, оказался связанным с депрессивными и тревожными состояниями [8. С. 49]. Исследователи также выяснили, что феномен прокрастинации у членов проектных групп, рассматриваемый в связи с различным уровнем выраженности профессионального стресса, связан с симптомами хронического утомления, истощения и когнитивной напряженности.

Описаны особенности прокрастинации у руководящих работников физической культуры и спорта [9], спортсменов высшей профессиональной квалификации, спортсменов индивидуальных и командных видов спорта [10]. Спортсмены командных видов спорта склонны к прокрастинации в большей степени, по сравнению со спортсменами индивидуальных видов спорта, а также более склонны оценивать свое прошлое как негативное. У сотрудников современных организаций [11] предикторами прокрастинации являются высокий уровень профессионального стресса и его последствия в виде повышенной тревоги и депрессии.

David Allen [12], эксперт в вопросах управления временем и личной продуктивности, одной из причин проявления прокрастинации называет переутомление, вызванное многолетней напряженной работой. По его мнению, самые частые жертвы прокрастинации – это профессионалы в возрасте от 40 лет, которые были все предыдущие годы ответственны и исполнительны и сейчас пытаются сохранить набранный ранее темп работы. В данном случае прокрастинация является реакцией обессиленного организма на возрастающие требования профессиональной и окружающей среды. Указывается, что прокрастинация часто возникает в комплексе с какой-либо хронической болезнью.

Итак, в силу значимости социального запроса феномен прокрастинации и его проявления в различных видах профессиональной деятельности изучаются достаточно широко. Анализ публикаций относительно проявления данного феномена в педагогической деятельности позволяет утверждать, что в зарубежных исследованиях данный вопрос описан более разносторонне, чем в отечественных. На выборке учителей начальной школы он освещался в контексте проявления у учителей начальных классов феномена прокрастинации, подверженности стрессу и умению с ним справляться [13]; изучался вопрос взаимосвязи прокрастинации с профессиональным стрессом у учителей, работающих в средних классах школы; исследовались особенности взаимосвязи между прокрастинацией и удовлетворенностью работой учителя [14]; изучался вопрос взаимосвязи прокрастинации и стилей принятия решений руководителями образовательных организаций [15]. Отечественные исследователи Н.Н. Карловская и И.Л. Шистакова [16] изучали взаимосвязь прокрастинации и перфекционизма у учителей.

В анализируемых исследованиях указывается на обнаруженную прямую взаимосвязь между прокрастинацией и уровнем стресса, прокрастинацией и эмоциональной нестабильностью, отрицательную взаимосвязь между прокрастинацией и удовлетворенностью работой учителя, между прокрастинацией и перфекционизмом. Отмечается взаимосвязь прокрастинации с рациональными, интуитивными, зависимыми, избегающими и спонтанными стилями в принятии решений администрацией школы.

Методы и методики исследования

Анализ исследований взаимосвязи прокрастинации с указанными психическими явлениями позволил посмотреть на изучаемый феномен шире. Была поставлена задача изучить особенности проявления прокрастинации у учителей во взаимосвязи с оценкой ими качества своей жизни в целом. По ВОЗ качество жизни – это восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых они живут, в соответствии с целями, ожиданиями, нормами и заботами. В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение, что прокрастинация взаимосвязана с теми сферами жизни учителя, которые относятся к выполнению им профессиональных обязанностей.

Для решения исследовательских задач использовались следующие диагностические методики:

1. Методика Б. Тукмана «Шкала общей прокрастинации» (General Procrastination Scale, B. Tuckman, TGPS, валидизирована в 2009 г. Н.Г. Гаранян). Опросник состоит из 35 утверждений, с которыми испытуемый выражает свое согласие или несогласие. Методика включает в себя 25 прямых и 10 реверсивных вопросов и позволяет оценить характерологическую склонность к прокрастинации.

2. Мельбурнский Опросник Принятия Решений (МОПР), адаптированный Т.В. Корниловой в 2013 г. и направленный на диагностику индивидуального стиля принятия решений. Опросник включает 22 утверждения, согласие с которыми оценивается испытуемым по 3-балльной шкале. Методика позволяет диагностировать четыре свойства, трактуемых как продуктивный (бдительность) и непродуктивные копинги (избегание, прокрастинация и сверхбдительность) в ситуации принятия решений. Шкала «бдительность» описывается как готовность к обдумыванию целей, направленность на сбор информации и рассмотрение различных вариантов решений. «Избегание» интерпретируется как тенденция оставлять принятие решений другим людям. «Прокрастинация» описывается как склонность откладывать принятие серьезных решений либо игнорировать эту необходимость, отвлекая внимание на мелкие дела и развлечения. «Сверхбдительность» – склонность искать решение вопроса импульсивно, в ситуации дефицита времени.

3. Опросник «ВОЗ КЖ 100», русскоязычная версия которого валидирована ВОЗ в 2005 г. Является инструментом для оценки меры благополучия обследуемого и его удовлетворенности разными аспектами жизнедеятельности. Качество жизни рассматривается ВОЗ как многомерная сложная структура, включающая восприятие индивидом своего физического и психологического состояния, своего уровня независимости, своих межличностных отношений, своих личных убеждений, равно как и своего отношения к значимым характеристикам окружающей среды.

Опросник включает шесть сфер и 24 субсферы. Каждая субсфера описывается вопросами, предельная суммарная оценка (с учетом направленности ответов) которых является одинаковой для всех субсфер. Она имеет заданные интерпретационные интервалы для оценки качества жизни. Так, диапазон от 4 до 6 соответствует очень плохой оценке качества жизни, диапазон от 7 до 10 – плохой, 11–13 – средней, 14–17 – хорошей, а 18–20 – очень хорошей.

К сферам относятся Физическая сфера, Психологическая сфера, Уровень независимости, Социальные отношения, Окружающая среда, Духовная сфера.

Субсферы включают 24 шкалы от F1 до F24:

- F1. Физическая боль и дискомфорт.
- F2. Жизненная активность, энергия и усталость.
- F3. Сон и отдых.
- F4. Положительные эмоции.
- F5. Познавательные функции (мышление, обучаемость, память и концентрация).
- F6. Самооценка.
- F7. Образ тела и внешность.
- F8. Отрицательные эмоции.
- F9. Подвижность.

- F10. Способность выполнять повседневные дела.
- F11. Зависимость от лекарств и лечения.
- F12. Способность к работе (работоспособность).
- F13. Личные отношения.
- F14. Практическая социальная поддержка.
- F15. Сексуальная активность.
- F16. Физическая безопасность и защищенность.
- F17. Окружающая среда дома.
- F18. Финансовые ресурсы.
- F19. Медицинская и социальная помощь (доступность и качество).
- F20. Возможности для приобретения новой информации и навыков.
- F21. Возможности для отдыха и развлечений и их использование.
- F22. Окружающая среда вокруг.
- F23. Транспорт.
- F24. Духовность / религия / личные убеждения.

В исследовании приняли участие учителя школ городов Республики Татарстан в количестве 51 человек в возрасте от 22 до 70 лет, из них 44 женщины и 7 мужчин. Данная выборка принимается нами как репрезентативная, поскольку в научных исследованиях указано, что связи прокрастинации с такими социальными факторами, как уровень образования и гендерные особенности, выявлено не было [16, 17].

Процедура исследования включала тестирование; для обработки использовалась программа статистической обработки данных IBM SPSS Statistics, версия 22.

Результаты и их обсуждение

Анализ средних баллов крупных сфер качества жизни показал, что всем им соответствует интерпретационный интервал «хорошее качество жизни», однако обращает на себя внимание тот факт, что самый низкий балл по данным шкалам был получен за критерий «Окружающая среда» (13,9), самый высокий соответствует сфере «Уровень независимости» (15,7).

Средние показатели по изучаемым субсферам находятся также в пределах «хорошее качество жизни» за исключением субсфер «Финансовые ресурсы» и «Медицинская и социальная помощь», которые имеют значение «среднее качество жизни».

Следующим этапом нашего исследования был анализ взаимосвязи прокрастинации с 6 крупными сферами и 24 субсферами из опросника ВОЗ КЖ-100. Показатель «Прокрастинация» имеет отрицательные взаимосвязи со сферой «Уровень независимости» ($r = -0,347$ при $p \leq 0,05$), субсферами «Познавательные функции» ($r = -0,304$ при $p \leq 0,05$), «Возможности для приобретения новой информации и навыков» ($r = -0,281$ при $p \leq 0,05$), т.е. теми сферами качества жизни, которые обеспечивают профессиональную деятельность (рис. 1).

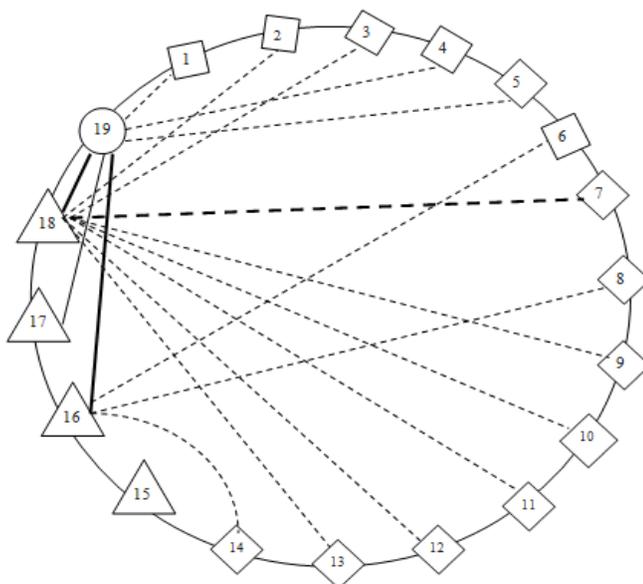

Рис. 1. Корреляционные взаимосвязи в исследуемой группе учителей.

Толстые прямые и пунктирные (обратные) линии указывают взаимосвязи на уровне значимости при $p \leq 0,01$; тонкие прямые и пунктирные (обратные) линии – на уровне значимости при $p \leq 0,05$. Геометрические фигуры соответствуют диагностическим методикам: *квадрат* – ВОЗ КЖ-100, *треугольник* – МОПР, *круг* – Шкала общей прокрастинации. Порядковые номера на рисунке соответствуют следующим показателям:

1 – Уровень независимости;	10 – Окружающая среда вокруг;
2 – Окружающая среда;	11 – Финансовые ресурсы;
3 – Психологическая сфера;	12 – Подвижность;
4 – Познавательные функции;	13 – Работоспособность;
5 – Возможности для приобретения новой информации и навыков;	14 – Медицинская и социальная помощь;
6 – Положительные эмоции;	15 – Бдительность;
7 – Отрицательные эмоции;	16 – Избегание;
8 – Самооценка;	17 – Прокрастинация (копинг);
9 – Окружающая среда дома;	18 – Сверхбдительность;
	19 – Прокрастинация

Таким образом, можно утверждать, что с увеличением показателя «прокрастинация» уменьшатся такие характеристики качества жизни, как возможность вести независимое существование и обеспечивать себя самостоятельно, а также уменьшится способность к концентрации внимания, усвоению нового (обучению), самостоятельному принятию решений.

Следующим этапом нашего исследования был анализ средних значений показателей МОПР, демонстрирующих типы регуляции принятия решений в условиях неопределенности. Ситуация, когда показатель «бдительность» характеризуется более высокими значениями шкалы (15,09) при менее выраженных показателях шкал «прокрастинация» (8,86), «сверхбдительность» (9,2), «избегание» (11,09), интерпретируется как позитивная.

Уровень показателя «бдительность» интерпретируется как высокий и указывает на потребность в познании, стремление снять напряжение в неопределенной ситуации, направленность на рассмотрение различных вариантов решений. Однако значение показателя «избегание» также является высоким, что интерпретируется авторами опросника как избегание самостоятельного принятия решения, выраженная тенденция оставлять принятие решений другим людям. Полагаем, учителя перекладывают ответственность за принятие решений в том случае, когда не могут воздействовать на ситуацию. Чтобы подтвердить данный тезис, мы проанализировали корреляционные взаимосвязи между шкалой «прокрастинация» и шкалами МОПР (см. рис. 1). Анализ показал, что шкала «прокрастинация» прямо связана со шкалами «избегание» ($r = 0,404$ при $p \leq 0,01$), «прокрастинация» (копинг) ($r = 0,293$ при $p \leq 0,05$), «сверхбдительность» ($r = 0,405$ при $p \leq 0,01$). Полученные нами данные частично подтверждают описанные ранее результаты в исследовании Т.В. Крюковой [19], которая указывает, что у взрослых в целом прокрастинация связана с копингом избегания. Таким образом, хотя тип регуляции при принятии решений имеет позитивную окраску, у учителей сформирован паттерн поведения, проявляющийся в откладывании принятия самостоятельного решения. Тесные взаимосвязи описываемых показателей позволяют говорить о взаимодействии феномена прокрастинации с непродуктивными стратегиями, которые выбираются учителями в качестве опоры в ситуации неопределенности.

Шкалы МОПР также имеют корреляционные взаимосвязи со сферами опросника ВОЗ КЖ-100 (см. рис 1). Показатель «избегание» имеет отрицательные связи с субсферами «Положительные эмоции» ($r = -0,344$ при $p \leq 0,05$), «Самооценка» ($r = -0,288$ при $p \leq 0,05$), «Окружающая среда дома» ($r = -0,303$ при $p \leq 0,05$), «Медицинская и социальная помощь» ($r = -0,278$ при $p \leq 0,05$).

Тенденция к перекладыванию ответственности за итоговый результат и избегание принятия самостоятельного решения сопровождаются у учителей понижением самооценки, снижением интенсивности проживания позитивных чувств, удовлетворенностью собой и своей способностью к самоконтролю, влияет на ощущение безопасности окружающего пространства.

Показатель «сверхбдительность» образует 9 взаимосвязей с показателями качества жизни учителя. Связи зафиксированы с тремя из шести главных сфер опросника ВОЗ КЖ-100 и шестью субсферами:

– сферами «Уровень независимости» ($r = -0,376$ при $p \leq 0,01$), «Психологическая сфера» ($r = -0,321$ при $p \leq 0,05$), «Окружающая среда» ($r = -0,290$ при $p \leq 0,05$);

– субсферами «Отрицательные эмоции» ($r = -0,382$ при $p \leq 0,01$), «Финансовые ресурсы» ($r = -0,369$ при $p \leq 0,01$), «Подвижность» ($r = -0,350$ при $p \leq 0,05$), «Работоспособность» ($r = -0,293$ при $p \leq 0,05$), «Окружающая среда дома» ($r = -0,302$ при $p \leq 0,05$), «Окружающая среда вокруг» ($r = -0,310$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, импульсивные решения, обещающие избавление от ситуации, и решения, принятые в ситуации дефицита времени, сопровождаются недостатком положительных или избытком отрицательных эмоций, усиливают влияние отрицательных переживаний на повседневную жизнедеятельность педагога, уменьшают ощущение физической безопасности, фокусируют внимание учителя на финансовых ресурсах и степени их соответствия его потребностям.

В целом анализ корреляционных взаимосвязей демонстрирует, что сферы «Уровень независимости», «Психическая сфера», «Окружающая среда» отражают качество жизни человека в ситуации профессиональной деятельности. Зафиксированные отрицательные взаимосвязи сфер опросника качества жизни с непродуктивными копинг-стратегиями «избегание» и «сверхбдительность» показывают, что профессиональное функционирование учителя возможно при условии удовлетворения его потребности в психологической безопасности (ощущение защищенности, финансовая стабильность, способность сохранять устойчивость в среде, удовлетворение потребности в здоровой и комфортной жизни).

Выводы

Полученные результаты позволили описать специфические особенности качества жизни учителей во взаимосвязи с феноменом прокрастинации. Учителя указывают на хорошее качество своей жизни, в целом обладают невысокой прокрастинацией и демонстрируют позитивный тип регуляции при принятии решений. Но в случае невозможности повлиять на ситуацию избегают самостоятельности в данном вопросе и не берут ответственности за его результат. В итоге сформирован паттерн поведения, проявляющийся в систематическом откладывании действия или принятия решения. Соответственно, уменьшается возможность вести независимую и самостоятельную жизнедеятельность, понижается потребность в усвоении нового. Дальнейшее избегание в принятии самостоятельного решения сопровождается снижением самооценки, удовлетворенности собой, что влияет на ощущение безопасности социальной среды. Другая крайность – принятие необдуманных и импульсивных решений, что влечет за собой отрицательные переживания, фокусирует внимание на финансовых затруднениях, действует на работоспособность и также уменьшает ощущение физической безопасности и защищенности.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что феномен прокрастинации прямо взаимосвязан с непродуктивными копинг-стратегиями и обратно взаимосвязан с теми сферами жизни учителя, которые обеспечивают профессиональную деятельность. Показатели «прокрастинация», «избегание» и «сверхбдительность» влияют на психологический и профессиональный аспекты качества жизни педагогов.

Системообразующими показателями, определяющими паттерн поведения в ситуации принятия решений, стали «избегание» и «сверхбдительность».

Оценка уровня качества жизни должна носить многоуровневый характер и включать анализ как профессиональных особенностей учителя, так и организационных компонентов его профессиональной среды. В перспективе в исследовании данного вопроса планируется изучение феномена прокрастинации у педагогов во взаимосвязи с педагогическим стажем, образовательным рейтингом школы и профилем преподаваемого предмета.

Литература

1. Pychyl T.A., Flett G.L. Procrastination and self-regulatory failure: an introduction to the special issue // *Journal of Rational-Emotive and Cognitive Behavior Therapy*. 2012. Vol. 30 (4). P. 203–212. DOI: 10.1007/s10942-012-0149-5.
2. Rebetz M.M.L., Rochat L., Van der Linden M. Cognitive, emotional, and motivational factors related to procrastination: A cluster analytic approach // *Personality and Individual Differences*. 2005. Vol. 76. P. 1–6. DOI: 10.1016/j.paid.2014.11.044.
3. Stead R., Shanahan M.J., Neufeld R.W.J. “I’ll go to therapy, eventually”: Procrastination, stress and mental health // *Personality and Individual Differences*. 2010. Vol. 49. P. 175–180. DOI: 10.1016/j.paid.2010.03.028.
4. Van Eerde W. A meta-analytically derived nomological network of procrastination // *Personality and Individual Differences*. 2003. Vol. 35 P. 1401–1418. DOI: 10.1016/S0191-8869(02)00358-6.
5. Abbasi I.S., Alghamdi Nawal G. The Prevalence, Predictors, Causes, Treatments, and Implications of Procrastination Behaviors in General, Academic, and Work Setting // *International Journal of Psychological Studies*. 2015. Vol. 7, № 1. P. 59–66. DOI: 10.5539/ijps.v7n1p59. URL: <http://dx.doi.org/10.5539/ijps.v7n1p59>.
6. Баранова Р.А., Карловская Н.Н. Взаимосвязь прокрастинации и параметров ответственности у студентов с разной академической успеваемостью // *Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (9–10 окт. 2008 г., Омск)*. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2008. С. 17–21.
7. Gupta R., Hershey D., Gaur J. Time perspective and procrastination in the workplace: an empirical investigation // *Current Psychology*. 2012. Vol. 31, № 2. P. 195–211. DOI: 10.1007/s12144-012-9136-3.
8. Барабанщикова В.В., Каминская Е.О. Феномен прокрастинации в деятельности членов виртуальных проектных групп // *Национальный психологический журнал*. 2013. № 2 (10). С. 43–51. DOI: 10.11621/npj.2013.0207.
9. Parsons C.A., Soucie D. Perceptions of the causes of procrastination by sports administrators // *Journal of Sport Management*. 1988. Vol. 2, № 2. P. 129–139.
10. Барабанщикова В.В., Останина М.В., Климова О.А. Феномен прокрастинации в деятельности спортсменов индивидуальных и командных видов спорта // *Национальный психологический журнал*. 2015. № 3 (19) С. 91–104. DOI: 10.11621/npj.2015.0310.
11. Барабанщикова В.В., Иванова С.А. Влияние организационно-личностных факторов на уровень выраженности прокрастинации у сотрудников современной организации // *Экспериментальная психология*. 2016. Т. 9. № 1. С. 95–111. DOI: 10.17759/exppsy.2016090108.
12. Allen D. *Ready for Anything: 52 Productivity Principles for Work and Life*. New York : Viking Books, 2003. 165 p.

13. Verešová M. Procrastination, Stress and Coping among Primary School Teachers // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 106. P. 2131–2138. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.12.243.
14. Mohsin F.Z., Ayub N. The relationship between procrastination, delay of gratification, and job satisfaction among high school teachers // *Japanese Psychological Research*. 2014. Vol. 56 (3). P. 224–234. DOI: 10.1111/jpr.12046.
15. Ugurlu C.T. Effects of Decision-Making Styles of School Administrators on General Procrastination Behaviors // *Eurasian Journal of Educational Research*. 2013. Vol. 51. P. 253–272.
16. Карловская Н.Н., Шистакова И.Л. Взаимосвязь прокрастинации и перфекционизма у учителей / *Личность в трудных жизненных ситуациях как актуальное научное направление копинг исследования в России : материалы Всерос. науч. практ. конф. (Омск, 12–13 нояб. 2009 г.)*. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. С. 127–130.
17. Karataş H., Bademcioglu M. The Explanation of the Academic Procrastination Behaviour of Pre-Service Teachers With Five Factor Personality Traits // *The International Journal of Research in Teacher Education*. 2015. Vol. 6. (2). P. 11–25.
18. Корнилова Т.В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // *Психологические исследования*. 2013. Т. 6. № 31. С. 4. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/883-kornilova31.htm> 1 (дата обращения: 21.11.2016).
19. Крюкова Т.Л. Стили совладания с жизненными трудностями // *Актуальные проблемы психологии личности. Личность как субъект совладающего поведения*. 2012. Ч. 1. URL: http://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/kryukova-stili-sovladaniya-jiznennyimi-36371.html (дата обращения: 10.02.2017).

Поступила в редакцию 19.05.2017 г.; повторно 11.12.2017 г.; принята 06.05.2018 г.

ХУСАИНОВА Резеда Мунировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: rezedakhusainova@mail.ru

MANIFESTATION OF TEACHERS' PROCRASTINATION PHENOMENON DEPENDING ON THE LIFE QUALITY

Siberian journal of psychology, 2018, 68, 162–173. DOI: 10.17223/17267080/68/10

Khusainova Rezeda M., Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: rezedakhusainova@mail.ru

Keywords: procrastination; decision-making strategies; behavior pattern; the quality of life; pedagogical activity.

Procrastination, described in a scientific discourse as a problem of the individual, increasingly comes to the fore and becomes a problem of society. The urgency of the problem under investigation is conditioned by the need to develop aspects of the procrastination phenomenon manifestation in the professional activity. The analysis of publications regarding the manifestation of this phenomenon in pedagogical activity allows us stating that in foreign researches this issue is described more diversely than in Russian ones. The purpose of the article is to study the peculiarities of manifestation of teachers' procrastination in relation to their assessment of their life quality. The basic method of studying this question is the ascertaining experiment. As methods of research were selected the following: B. Tukman's Methodology "Scale of general procrastination"; The Melbourne Decision Making Questionnaire; The Questionnaire "WHOQOL-100". The study involved schoolteachers in the number of 51 people aged from 22 to 70 years. During the study of the phenomenon of procrastination in the activity of a teacher we have found that procrastination as a way of postponing the work is manifested among teachers in connection with unproductive coping strategies: procrastination is directly connected with the "Avoidance" scales, "Procrastination" (coping), "Hypervigilance". Close

interrelations of the described indicators allow us speaking about the interaction of the procrastination phenomenon and some unproductive strategy, as a choice as a support. The indicator "Procrastination" has 3 negative relationships with the scales of the questionnaire "WHOQOL-100": with the sphere "Independence level", and the subspheres F5 Cognitive functions, F20 Opportunities for acquiring new information and skills. Accordingly, an increase in the value of procrastination can significantly reduce the teacher's ability to lead an autonomous existence, to provide and maintain oneself independently; will change the teacher's opinion about his/her own thinking, ability to learn, ability to concentrate and to make decisions. It will be much more difficult to fulfill their professional duties in terms of desires, opportunities and ability to cope with their daily affairs and work without depending on anyone. Negative relationships between the spheres and sub-spheres of the WHOQOL-100 questionnaire and unproductive coping strategies "Avoidance and Supervision" were recorded. The revealed interrelations show that the professional functioning of the teacher is possible only if the need for psychological security is satisfied (sense of security, ability to maintain stability in the environment, satisfaction of the need for a healthy and comfortable life, a sense of personal freedom, high self-esteem, and independence in decision-making).

References

1. Pychyl, T.A. & Flett, G.L. (2012) Procrastination and self-regulatory failure: an introduction to the special issue. *Journal of Rational-Emotive and Cognitive Behavior Therapy*. 30(4). pp. 203–212. DOI: 10.1007/s10942-012-0149-5
2. Rebetez, M.M.L., Rochat, L. & Van der Linden, M. (2005) Cognitive, emotional, and motivational factors related to procrastination: A cluster analytic approach. *Personality and Individual Differences*. 76. pp. 1–6. DOI: 10.1016/j.paid.2014.11.044
3. Stead, R., Shanahan, M.J. & Neufeld, R.W.J. (2010) "I'll go to therapy, eventually": Procrastination, stress and mental health. *Personality and Individual Differences*. 49. pp. 175–180. DOI: 10.1016/j.paid.2010.03.028
4. Van Eerde, W. (2003) A meta-analytically derived nomological network of procrastination. *Personality and Individual Differences*. 35 pp. 1401–1418. DOI: 10.1016/S0191-8869(02)00358-6
5. Abbasi, I.S. & Alghamdi Nawal, G. (2015) The Prevalence, Predictors, Causes, Treatments, and Implications of Procrastination Behaviors in General, Academic, and Work Setting. *International Journal of Psychological Studies*. 7(1). pp. 59–66. DOI: 10.5539/ijps.v7n1p59
6. Baranova, R.A. & Karlovskaya, N.N. (2008) [Interrelation of procrastination and the parameters of responsibility for students with different academic performance]. *Aktivnost' i ot-vetstvennost' lichnosti v kontekste zhiznedeyatel'nosti* [Active and Responsible Person in the Context of Life]. Proc. of the Conference. Omsk. October 9 – 10, 2008. Omsk. pp. 17–21. (In Russian).
7. Gupta, R., Hershey, D. & Gaur, J. (2012) Time perspective and procrastination in the workplace: an empirical investigation. *Current Psychology*. 31(2). pp. 195–211. DOI: 10.1007/s12144-012-9136-3
8. Barabanshchikova, V.V. & Kaminskaya, E.O. (2013) Procrastination phenomenon in virtual project team members. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*. 2(10). pp. 43–51. (In Russian). DOI: 10.11621/npj.2013.0207
9. Parsons, C.A., & Soucie, D. (1988) Perceptions of the causes of procrastination by sports administrators. *Journal of Sport Management*. 2(2). pp. 129–139. DOI: 10.1123/jsm.2.2.129
10. Barabanshchikova, V.V., Ostanina, M.V. & Klimova, O.A. (2015) Procrastination phenomenon in individual and team sports athletes' activity. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*. 3(19). pp. 91–104. (In Russian). DOI: 10.11621/npj.2015.0310

11. Barabanshchikova, V.V. & Ivanova, S.A. (2016) Impact of organizational and personal factors on level of procrastination in employees of modern organization. *Ekspierimental'naya psikhologiya – Experimental Psychology*. 9(1). pp. 95–111. (In Russian). DOI: 10.17759/exppsy.2016090108
12. Allen, D. (2003) *Ready for Anything: 52 Productivity Principles for Work and Life*. New York: Viking Books.
13. Verešová, M. (2013) Procrastination, Stress and Coping among Primary School Teachers. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 106. pp. 2131–2138. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.12.243.
14. Mohsin, F.Z. & Ayub, N. (2014) The relationship between procrastination, delay of gratification, and job satisfaction among high school teachers. *Japanese Psychological Research*. 56(3). pp. 224–234. DOI: 10.1111/jpr.12046.
15. Ugurlu, C.T. (2013) Effects of Decision-Making Styles of School Administrators on General Procrastination Behaviors. *Eurasian Journal of Educational Research*. 51. pp. 253–272.
16. Karlovskaya, N.N. & Shistakova, I.L. (2009) [Interrelation of procrastination and perfectionism in teachers]. *Lichnost' v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh kak aktual'noye nauchnoye napravleniye kopiny issledovaniya v Rossii* [Personality in difficult life situations as an actual scientific direction for copying research in Russia]. Proc. of the Conference. Omsk. November 12–13, 2009. Omsk. pp. 127–130. (In Russian).
17. Karataş, H. & Bademcioglu, M. (2015) The Explanation of the Academic Procrastination Behaviour of Pre-Service Teachers With Five Factor Personality Traits. *The International Journal of Research in Teacher Education*. 6(2). pp. 11–25.
18. Kornilova, T.V. (2013) Mel'burnskiy oprosnik prinyatiya resheniy: russkoyazychnaya adaptatsiya [Melbourne decision-making questionnaire: Russian-language adaptation]. *Psikhologicheskiye issledovaniya*. 6(31). pp. 4. [Online] Available from: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/883-kornilova31.htm> 1. (Accessed: 21st November 2016).
19. Kryukova, T.L. (2012) *Stili sovladaniya s zhiznennymi trudnostyami* [Styles of coping with life's difficulties]. [Online] Available from: http://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/kryukova-stili-sovladaniya-jiznennymi-36371.html. (Accessed: 10th February 2017).

Received 19.05.2017;

Revised 11.12.2017;

Accepted 06.05.2018